КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 Декабря 1895 года.

Слово о полку Игоревѣ, какъ памятникъ дружинной поэзіи древней Руси.

(по поводу исполнившагося столѣтія со времени открытія его) [1]).

Въ моменты сильнаго подъема національнаго самосознанія и чувства не разъ видала исторія случаи, какъ представители національной идеи, для возбужденія духа согражданъ прибѣгали къ литературнымъ воздѣйствіямъ, иногда выдвигая исподспуда давно забытыя піесы, носящія въ себѣ элементы древне-народныхъ началъ, а иногда даже прибѣгая къ литературной фальсификаціи—къ поддѣлкѣ піесъ въ духѣ старыхъ національныхъ сказаній. Мы не станемъ доказывать теперь, нужно-ли обвинять или оправдывать эти фальсификаты въ литературѣ—вопросъ это слишкомъ сложный и затрогивающій такія имена, которыя не позволяютъ относиться къ нимъ съ положительными или отрицательными сужденіями, составленными наскоро; дѣлать-же подробный анализъ мы не считаемъ теперь себя вправѣ, да къ тому же это не входитъ и въ наши задачи. Заговорили мы объ этомъ вопросѣ ввиду совсѣмъ иныхъ комбинацій нашей мысли, а особенно ввиду тѣхъ теплыхъ словъ, которыя только что были выслушаны нами объ одномъ изъ дѣятелей на нивѣ національнаго возрожденія славянства—П. Шафарикѣ [2]).

Нашъ русскій національный вопросъ, наши стремленія къ подъему національнаго сознанія въ разныхъ областяхъ Руси—

[1]) Читано въ торжественномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора Лѣтописца 29-го октября 1895 г.

[2]) Читанъ былъ рефератъ о. П. Шафарикѣ въ томъ-же засѣданіи.

имѣли свои, такъ сказать, интервалы, то съ большей, то съ меньшей силой выдвигавшіе эти національныя задачи; но основаніемъ для нихъ въ новое время, какъ извѣстно, служили гуманно-просвѣтительныя идеи прошлаго вѣка, тѣ идеи, которыя естественно выдвинули впередъ вопросъ о меньшей братіи, о томъ народѣ, на которомъ зиждется все ученіе о національномъ самознаніи. Тогда-то именно, въ концѣ прошлаго вѣка, дѣятельность и энергія отдѣльныхъ лицъ много сдѣлали для національнаго дѣла на Руси, выдвинувъ изъ мрака забвенія и изъ архивной пыли массу цѣнныхъ матеріаловъ, какъ свидѣтелей нашей старой національной культуры; выдвинули они и тотъ презрѣнный въ свое время матеріалъ народно-поэтическаго творчества, изученіемъ котораго такъ гордится теперь наша современная жизнь. И то, и другое сослужило свою службу дѣлу нашего національнаго возрожденія, подготовляя и науку, и литературу, и общественность къ новымъ формамъ, къ новымъ пріемамъ. Но не пришлось этимъ дѣятелямъ прибѣгать къ исключительнымъ средствамъ подъема національнаго духа, къ тѣмъ литературнымъ фальсификаціямъ, о которыхъ выше мы сказали; не пришлось прибѣгать потому, что наша долго забывавшаяся старина и безъ фальсификацій въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшнаго вѣка выдвинула изъ мрака вѣковъ такія національныя богатства, знакомство съ которыми современной публики могло сослужить свою службу естественнымъ путемъ. Въ ряду этихъ сокровищъ, безспорно, первое мѣсто принадлежитъ знаменитому *Слову о Полку Игоревѣ*, найденному въ 1795 году, ввиду чего наше общество, имѣющее патрономъ своимъ *лѣтописца Нестора*, не можетъ въ сегодняшнемъ засѣданіи, заканчивающемъ отчетный 1895-й годъ, не удѣлить нѣсколькихъ минутъ бесѣдѣ о томъ памятникѣ, имя котораго извѣстно теперь каждому образованному русскому человѣку, но стало наново извѣстно въ русскомъ мірѣ *ровно сто лѣтъ тому назадъ*.

Памятникъ „Слово о полку Игоревѣ“ сразу по отысканіи своемъ поставленъ былъ на значительную высоту по своему значенію; доказывается это не только тѣмъ, что сейчасъ-же всѣ

лучшія силы того времени принялись за изученіе его, но и тѣмъ, что уже первый издатель его, случайно купившій рукопись у архимандрита Іоиля и самъ мало даже принимавшій участія въ научныхъ примѣчаніяхъ къ „Слову", не пожелалъ уступить чести изданія славному работнику въ этомъ дѣлѣ, Малиновскому, и замѣнилъ уже приготовленный было къ печати текстъ предисловія такими словами: „подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ издателю сего (въ примѣч. Г. Дѣйствит. Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину), который черезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно россійскій языкъ доводилъ черезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности, и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной въ свѣтъ". Но еще раньше изданія самаго памятника (1800 г.), два года спустя послѣ его открытія, т. е. въ 1797 году въ журналѣ „Spectateur du Nord" появилось первое печатное извѣстіе о немъ, гдѣ „Слово" приравнивалось къ Оссіановымъ поэмамъ, и гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ и такую сильную и мѣткую характеристику его: „слогъ исполненный силы, чувства величайшаго героизма, разительныя изображенія, почерпнутыя изъ ужасовъ природы—составляютъ достоинства сего отрывка". Съ такимъ пониманіемъ этого памятника началось знакомство съ нимъ, и съ такимъ толкованіемъ его, какъ произведенія въ Оссіановомъ духѣ, вступилъ онъ въ исторію русской словесности, послѣ отпечатанія его въ 1800 году. По крайней мѣрѣ, первые издатели его въ предисловіи, говоря, что „въ семъ оставшемся отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ Оссіановъ", прибавляютъ: „нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцомъ витійства". Однимъ словомъ, вначалѣ, высоко цѣня достоинство этого памятника, хотѣли видѣть въ немъ, съ своеобразной точки зрѣнія, не то, чѣмъ стали дорожить впослѣдствіи; думалось тогда основывать величіе національной идеи на существованіи въ древней Руси какихъ-то величественныхъ пѣснопѣній своихъ бардовъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи всю силу и значеніе

этого памятника пришлось утвердить на началахъ народно-поэтическаго творчества нашей старинной поэзіи дружинниковъ.

Какъ-бы тамъ ни было, но появленіе „Слова“ въ печати пробудило трудъ и энергію въ разработкѣ и уясненіи этого памятника, особенно при тѣхъ условіяхъ, что самая рукопись вскорѣ погибла во время пожара московскаго въ 1812 г., равно-какъ погибли безъ слѣда и первыя работы изслѣдователей ея: гр. Мусина-Пушкина и Малиновскаго, послѣ смерти которыхъ найдены лишь незначительные остатки; погибла во время наводненія въ Петербургѣ 1824 г. и первая кропотливая работа профессора Тимковскаго, который, послѣ долгаго изученія памятника, готовя свой трудъ къ печати, писалъ, что только три мѣста во всемъ „Словѣ“ затрудняютъ его въ объясненіи. И такъ, въ самомъ началѣ почти готовъ былъ исчезнуть тотъ образецъ древней нашей поэзіи, по поводу котораго знаменитый Вальтеръ Скоттъ выразилъ удивленіе, что русскіе такъ мало умѣютъ понимать и цѣнить свои лучшія произведенія. Но эта первая неудача памятника, можетъ быть, и была тѣмъ толчкомъ къ его настойчивому дальнѣйшему изученію, благодаря которому всѣ лучшія имена историковъ, литераторовъ, лингвистовъ и поэтовъ текущаго столѣтія связаны съ Словомъ о полку Игоревѣ. Особенно сильно двинулась впередъ разработка ввиду того, что наша скептическая школа сдѣлала серьезный вызовъ наукѣ, заподозривъ этотъ памятникъ въ подлинности и въ безусловной древности, для чего появились и нѣкоторыя основанія, такъ какъ, послѣ гибели отысканной рукописи, нашлись коммерсанты-фальсификаторы, доставлявшіе подложные списки „Слова“. Послѣ долгихъ споровъ и разслѣдованій, въ концѣ концовъ подлинность „Слова о полку Игоревѣ“ была установлена прочно и незыблемо; оставалось только выяснить, съ какого рода памятникомъ древне-русской письменности мы имѣемъ дѣло, да привести къ истолкованію всѣ тѣ темныя мѣста, которыми, благодаря своей замысловатой судьбѣ, переполненъ онъ отъ начала до конца. Не стану я утомлять вашего вниманія перечисленіемъ хотя бы даже только важнѣйшихъ изслѣдователей этого памятника и ихъ разнообразныхъ толкованій болѣе выдающихся мѣстъ его,

но я не считаю себя вправѣ пройти молчаніемъ указаніе тѣхъ главныхъ теорій, которыя были разновременно высказаны въ этихъ изслѣдованіяхъ.

Открытіе „Слова" произошло въ тѣ годы, когда на западѣ было полное увлеченіе Оссіановыми поэмами, и потому неудивительно, что, какъ мы видѣли, сразу это „Слово" поставлено было въ параллель съ Оссіановымъ творчествомъ; „много усилій и трудовъ—говоритъ г. Барсовъ—было потрачено на это сближеніе, но въ концѣ концовъ оказалось, что „Слово" такъ-же мало походитъ на Оссіана, какъ Арапъ на бѣлаго Европейца".

Другая теорія, благодаря которой дано было много толкованій явленіямъ старой литературы на западѣ Европы, была миѳологическая, Гриммовская; этой теоріи тоже суждено было оказаться примѣненной къ толкованію Слова о полку Игоревѣ, и она, въ трудахъ Буслаева, дѣйствительно много свѣта пролила на нашъ памятникъ, особенно въ статьѣ „Русская поэзія XI и начала XII в." [1]). Онъ выяснилъ, что „если историческіе факты дали содержаніе слову, то поэтическое преданіе было для сочинителя вдохновеніемъ и что *миѳологическія повѣрья* составляютъ душу этого произведенія".

Затѣмъ, далѣе, подъ вліяніемъ теоріи историко-сравнительнаго метода, начались у насъ изслѣдованія въ духѣ аналогій и сравненій, иногда переводившихъ вопросъ о „Словѣ" на шаткую почву. Такъ напримѣръ, кн. Вяземскій въ своемъ капитальномъ трудѣ, сближая „Слово" съ произведеніями европейскихъ народовъ, пришелъ къ убѣжденію, это авторъ „Слова" составилъ его подъ вліяніемъ Гомера и троянскихъ сказаній, а также подъ вліяніемъ знакомства своего съ разными мистическими ученіями древности. Такова же гипотеза и В. Миллера, признавшаго для „Слова" византійско-болгарскій прототипъ, не въ формѣ только общаго знакомства пѣвца „Слова" съ произведеніемъ болгарской и византійской книжности, но въ видѣ почти слѣпого, рабскаго подражанія.

Этотъ же историко-сравнительный методъ повелъ, впрочемъ изслѣдованія надъ „Словомъ" и по иному пути: признавая, что

[1]) Напечат. въ Лѣтопис. Русск. Литер. Тихонравова.

авторъ Слова былъ человѣкъ книжный, начитанный, можно допустить, что онъ не чуждъ былъ и народной стихіи, той народной поэзіи, среди которой онъ могъ выростать, мужать и не отрозниться отъ нея и во всю послѣдующую свою жизнь. Въ этомъ отношеніи громадная услуга для уразумѣнія „Слова“ была оказана покойнымъ А. Потебней, который, при своей громадной эрудиціи, далъ массу параллелей къ выраженіямъ „Слова“ изъ народной поэзіи всѣхъ славянскихъ націй. Мысль объ этой народной стихіи въ „Словѣ“ не нова; ее чувствовали, хотя не могли уловить, сбиваясь въ сторону исканія Оссіанова духа, такіе изслѣдователи, какъ Грамматинъ, Полевой, хотя послѣдній уже, правда робко, заявляетъ: „языкъ Слова русскій, *украинскій*, но возведенный въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ“. Эту же народную стихію въ Словѣ отмѣчали и Максимовичъ, и Буслаевъ, и мн. другіе; но повторяемъ—это было только предвѣстіе болѣе твердой постановки вопроса о томъ, что же такое по своему происхожденію, по своимъ первоосновамъ нашъ знаменитый памятникъ конца 12-го вѣка. Къ подведенію итоговъ по этому вопросу мы теперь и обратимся.

Кажется, теперь не можетъ уже быть споровъ о томъ, что „Слово о полку Игоревѣ“ есть произведеніе *личное* и притомъ *книжное*, т. е. переводя это на современную терминологію—это *художественная поэзія*. Но гдѣ же и въ какой средѣ зародилась, выросла и разцвѣла эта древняя художественная поэзія?

Если бы мы въ „Словѣ“ увидѣли преобладающимъ тонъ христіанской морали, религіозныхъ лирическихъ настроеній, мы бы не затруднились сразу сказать, что памятникъ этотъ есть продуктъ генія того стариннаго нашего книжника, съ которымъ мы хорошо знакомы по многимъ образцамъ древней письменности русской; но въ томъ-то и дѣло, что какъ самый сюжетъ, такъ и характеръ разработки его, а тѣмъ болѣе совершенно иной стиль—есть свидѣтели того, что иная среда породила это поэтическое сказаніе, что невѣдомый авторъ—пѣвецъ „Слова“—не новичокъ въ этомъ дѣлѣ, не прокладыватель новой дороги въ

творчествѣ, а человѣкъ уже прочно, на твердыхъ ногахъ стоящій и имѣющій не зыбкую почву подъ собою.

Эта иная среда книжниковъ нашихъ старинныхъ есть тотъ второй кругъ интеллигенціи древне-русской, который группировался не около церкви и ея интересовъ, а около князя и дѣлъ общественныхъ, политическихъ,—иными словами—это была дружина княжеская, тотъ, можно сказать, блестящій кругъ тогдашняго великосвѣтскаго общества, который, будучи христіаниномъ въ душѣ, въ то-же время на первую очередь своей жизни ставилъ вопросы своего свѣтскаго бытія. Это были люди, съ одной стороны, книжные, начитанные, вѣроятнѣе всего—византійски-образованные, но съ другой—люди, не порвавшіе связей ни съ народомъ, ни съ его обычаями, ни съ его языкомъ, ни съ его пѣсней. Эта связь съ народомъ совершенно естественна въ то время, когда сама жизнь принуждала князя и его приближенныхъ дружинниковъ быть постоянно вмѣстѣ съ простыми воинами, совершая съ ними походы, проводя ночи въ открытомъ полѣ, вмѣстѣ коротая подчасъ длинно идущее время, раздѣляя другъ съ другомъ и горе, и радость. Не говоря уже о такихъ князьяхъ, какъ Святославъ, въ туманѣ сѣдой старины мелькающій съ своими привычками простого воина,—мы вспомнимъ другого, позднѣйшаго князя, вполнѣ историческаго, Владиміра Мономаха, который дѣтямъ своимъ указываетъ тотъ же самый порядокъ отношенія князя къ простымъ воинамъ. „На войну вышедъ, не лѣнитеся"—говоритъ онъ—„ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожа сами наряживайте, и ночь отовсюду нарядивше, около вои тоже лязите". Естественно, что въ такихъ условіяхъ быта дружинникъ старый, будучи книжнымъ, культурнымъ человѣкомъ, постоянно находилъ для себя питательные, живительные соки не только въ книжности, но и въ живомъ матеріалѣ народной мудрости, народнаго слова и даже народныхъ обычаевъ. Если же среди такихъ дружинниковъ оказывались прирожденныя поэтическія натуры, люди съ порывами фантазіи, то они для своего творчества брали матеріалъ, съ одной стороны, изъ запасовъ своей книжности, а съ другой—изъ обширнаго круга народнаго пѣснотворчества, народныхъ сказаній, которыя, конечно, въ

тѣ старыя времена были гораздо сильнѣе и могущественнѣе, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ, постепенно выростала въ нашей Кіевской Руси та поэзія, которая корнями держалась въ своей родной, національной почвѣ и питалась своими живительными соками, а свои ростки, свои вѣтви подвергала культивированію путемъ научныхъ воздѣйствій, путемъ книжной искусственности. Нѣсколько вѣковъ могло пройти въ этой постепенной культурной работѣ, и въ результатѣ получилась та гармонія частей въ нашей пѣснѣ о полку Игоревѣ, которая до сихъ поръ заставляетъ насъ удивляться красотѣ и силѣ поэтическаго таланта, но въ то-же время до сихъ поръ составляетъ загадку въ отысканіи границъ между этими двумя стихіями, книжной и народной, такъ гармонично слившимися одна съ другой. Подобно тому, какъ въ нашей новой литературѣ мы опредѣляемъ извѣстные періоды въ развитіи литературныхъ вкусовъ и пріемовъ, въ совершенствованіи стиля и пр.,—такъ точно можно было бы, вѣроятно, указать такіе періоды въ старой нашей поэзіи, если бы мы имѣли подъ руками хотя частичку тѣхъ сказаній, тѣхъ *трудныхъ повѣстей*, тѣхъ *Бояновыхъ пѣснопѣній*, о которыхъ только мимоходомъ знаемъ мы то изъ лѣтописей, то изъ упоминаній автора „Слова". Но всесокрушающее время весь этотъ цѣнный матеріалъ нашей дружинной поэзіи уничтожило, и только счастливая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну пѣснь о походѣ Игоря, лишивъ насъ возможности работать, стоя на твердой почвѣ реальныхъ данныхъ, а принудивъ доискиваться истины, пускаясь въ безбрежный океанъ гипотезъ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ мелькнулъ какъ-будто лучъ надежды, благодаря отысканному отрывку тоже старинной повѣсти, вѣроятно начала 13 вѣка—это Слово о погибели Русской земли, но, во 1-хъ, слишкомъ маленькій обрывокъ этой повѣсти сохранился, а во 2-хъ, это сказаніе сѣверно-русское, не имѣющее органической связи съ поэзіей дружинно-кіевской.

И такъ, если считать рѣшеннымъ уже въ наукѣ вопросъ о двухъ стихіяхъ въ древней нашей поэзіи, то изслѣдователямъ приходится опредѣлить характеръ этого смѣшаннаго стиля. Ме-

тодъ работы приблизительно слѣдующій: для опредѣленія книжной стихіи надо дѣлать кропотливое сличеніе словъ и выраженій въ пѣснѣ о походѣ Игоря съ памятниками древне-русской письменности, можетъ быть даже совсѣмъ иного характера; для опредѣленія же народной стихіи въ „Словѣ“ надо дѣлать такое-же сопоставленіе съ извѣстными намъ теперь произведеніями народнаго русскаго ума. Если въ первой области не легко разбираться, благодаря кропотливости работы, то во второй—къ этой трудности прибавляется еще и шаткость почвы подъ ногами, т. к. народныя піесы мы беремъ не современныя „Слову“, а современныя намъ, т. е. пользуемся матеріаломъ не вполнѣ соизмѣримымъ, а кромѣ того, какъ выясняетъ фольклорный методъ изученія народныхъ піесъ, никогда нельзя ручаться, что данная черта въ піесѣ есть результатъ національныхъ особенностей, а не отголосокъ общихъ законовъ народной психологіи, иногда находящейся подъ вліяніемъ и книжныхъ воздѣйствій.

Я не стану утомлять вашего вниманія перечнемъ того, что сдѣлано уже въ наукѣ для этихъ разъясненій и установленій границъ книжной и народной стихіи въ „Словѣ о полку Игоревѣ“,—да это и не составляетъ цѣли моего сегодняшняго чтенія; я только укажу, какъ на образецъ такой разработки, на капитальный трудъ г. Е. Барсова [1]), въ которомъ установлены сближенія книжныхъ элементовъ въ „Словѣ“, и на работу А. Потебни [2]), гдѣ дано много сближеній съ народной струей, сквозящей въ этомъ памятникѣ. Эта работа А. Потебни, при всей цѣнности своей, не исчерпываетъ, какъ намъ кажется, всего того матеріала, надъ которымъ еще предстоитъ потрудиться, а именно: еще не подведены итоги ни лексическому матеріалу въ „Словѣ“, при сопоставленіи его съ народнымъ, особенно южно-русскимъ, ни тѣмъ болѣе матеріалу ввидѣ поэтическихъ картинъ и образовъ, метафоръ, сравненій и проч., встрѣчающихся какъ въ нашемъ памятникѣ, такъ и въ народныхъ пѣсняхъ, особенно ма-

---

[1]) Е. В. Барсовъ. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской Дружинной Руси. М. 1887 г. Т. 1 и 2. (въ 1 томѣ гл. 3).

[2]) А. Потебня. Слово о полку Игоревѣ. Текстъ и примѣчанія. Воронежъ. 1878 года.

лорусскихъ. Когда эта работа будетъ закончена, тогда, вѣроятно, будетъ рѣшенъ вопросъ безповоротно и о присутствіи народной малорусской стихіи въ „Словѣ", теперь, хотя правда изрѣдка, но все же отрицаемой.

Этимъ послѣднимъ положеніемъ нашимъ мы подошли къ тому вопросу, который наиболѣе можетъ быть названъ интереснымъ въ связи съ „Словомъ о полку Игоревѣ". Какъ объяснить, что „Слово", появившись въ концѣ 12-го вѣка какъ-бы для того, чтобъ доказать, какого высоко-художественнаго творчества достигла древне-русская поэзія, совершенно не оставляетъ послѣ себя наслѣдниковъ, хотя бы въ ничтожной долѣ, напомнившихъ намъ своего предка? Главную причину указываютъ обыкновенно въ фактѣ паденія послѣ татарскаго погрома *кіевской дружинной Руси*. Безусловно, нельзя не согласиться съ этой причиной; но разъ признать ее, то нужно, какъ намъ кажется, отказаться отъ мысли видѣть остатки дружинной поэзіи на сѣверѣ Россіи, въ Заокской области.—Нужно отказаться—говоримъ мы—потому, что всѣ эти сѣверныя повѣсти есть или слѣпое, рабское и притомъ въ высшей степени неискусное подражаніе „Слову", или созданіе совсѣмъ иного духа и направленія. Можно при сличеніяхъ этихъ повѣстей со „Словомъ" найти цѣлый рядъ сходныхъ словъ, оборотовъ, выраженій, какъ напримѣръ— въ Задонщинахъ, но не найти въ нихъ того основного тона, того духа, того стиля, которыми сразу поражается слухъ всякаго читающаго „Слово о полку Игоря". Почему же такъ? А потому, что художественно-поэтическій стиль, поэтическіе образы и картины вырабатываются обыкновенно подъ вліяніемъ многихъ элементовъ, въ теченіе долгаго періода дѣйствующихъ на умы пишущей братіи,—сюда входятъ и народно-бытовыя черты, и условія общественной формы жизни, и книжныя вліянія; Южная Русь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ успѣла выработать этотъ стиль, основанный на близкомъ сліяніи народнаго и книжнаго началъ. Когда же нить южной письменности временно оборвалась, а культурный центръ началъ формироваться на сѣверѣ, гдѣ книжники-поэты оказались безъ традицій того поэтическаго творчества, которое такъ блистательно начато было на

югѣ,—тогда эти книжники очутились съ церковной письменностью въ рукахъ, съ религіозными идеалами въ мысли и попробовали съ этими данными создавать *новую поэзію.* Но тутъ имъ пришлось испытать отсутствіе своихъ поэтическихъ традицій, какъ по содержанію, такъ и по самому стилю, и они пустились въ подражаніе старымъ кіевскимъ образцамъ. Это неестественное положеніе сѣверныхъ поэтовъ и дало въ результатѣ тотъ *пустоцвѣтъ* въ поэзіи, который мы видимъ въ „Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ" и въ „Задонщинѣ", и который въ попыткахъ подражать „Слову о полку Игоревѣ" являетъ собой жалкую гримасу. Однимъ словомъ, нашъ памятникъ есть результатъ южнорусской стихіи, отражавшейся какъ въ бытѣ дружинниковъ, такъ и въ той родной національной рѣчи, которая съ молокомъ матери воспринималась ими и при всѣхъ дальнѣйшихъ поворотахъ въ жизни не составляла для нихъ чуждаго элемента.

Теперь еще одинъ вопросъ. Исчезла-ли совершенно въ южной Руси эта традиція народнаго начала въ поэтическомъ художественномъ творчествѣ, которую мы видѣли прочно установившеюся въ дружинный княжескій вѣкъ? Извѣстно, что однородныя условія быта даютъ въ результатѣ и однородныя послѣдствія. Когда же южная Русь вторично переживала своего рода дружинный вѣкъ? Не трудно отвѣтить, что нѣчто подобное пережила затѣмъ Украина козацкая, тоже сближавшая интересы старшины козацкой съ простымъ народомъ, тоже принуждавшая ихъ совмѣстно совершать походы, жить одною трудовою жизнью. Спрашивается теперь, не было ли въ этотъ періодъ повторенія, хотя бы отчасти, того факта, какой мы видѣли въ дружинной кіевской поэзіи старой Руси? Отвѣтъ на этотъ вопросъ еще только намѣчается въ той прекрасной работѣ нашего сочлена П. И. Житецкаго [1]), которая не рискуетъ еще прямо и опредѣленно протягивать непрерывную нить между формами жизни княжеской и козацкой Руси, но почву для этого вполнѣ рас-

[1]) Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ 1893 г.

чищаетъ, устанавливая, что козацкая дума есть тоже творчество, выросшее изъ слiянія двухъ стихій—народной и книжной. Вѣка промежуточные между дружинной поэзіей древней Руси и козацкой думой, различныя условія культурныхъ воздѣйствій—наложили, конечно, печать рѣзкую въ отличіяхъ одной пѣсни отъ другой, но общая идея народническаго начала въ южно-русской поэзіи одна и та же тамъ и здѣсь. Если прибавимъ теперь, что народное начало въ поэзіи Украины козацкой находится въ тѣсной связи съ такими же проявленіями національно-народныхъ стремленій южно-русскихъ писателей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, нашедшихъ полное подтвержденіе себѣ и въ народничествѣ общерусскаго литературнаго теченія,—то станетъ весьма понятнымъ, почему мы теперь, когда *имя народа у всѣхъ на устахъ*, рѣшили въ столѣтнюю годовщину со времени открытія „Слова" посвятить нѣсколько страницъ размышленіямъ о томъ памятникѣ, который, какъ отдаленная звѣздочка, сіяетъ въ туманѣ вѣковъ, испуская лучъ свѣта, животворящій насъ и въ нашей современности.

В. Науменко.

Розыскъ 1666 г. о злоупотребленіяхъ московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи.

Ратные люди московскихъ полковъ, наводнившихъ Малороссію послѣ соединенія ея съ Москвою, сослужили дурную службу своему правительству... Правда, свою прямую задачу—разить враговъ московскаго государя—они исполнили болѣе или менѣе блистательно и съ счастливымъ результатомъ: только благодаря своимъ ратнымъ силамъ Москва удержала Малороссію въ своихъ рукахъ. Но была и другая сторона медали... Населеніе Малороссіи, раньше очень мало и случайно сталкивавшееся съ своими московскими единоплеменниками, теперь воочію и непосредственно стало съ ними знакомиться, и именно въ лицѣ ратныхъ людей, т. е. элемента далеко не передового и совсѣмъ не лучшаго въ московскомъ государствѣ, какъ и вездѣ. Мы не знаемъ, съ какими мыслями шли въ Малороссію московскіе ратные люди: какъ они смотрѣли на нее? понимали-ли они свое родство съ нею, помышляли ли они о братскомъ единеніи?... Но мы знаемъ, что, придя туда, они стали дѣйствовать тамъ въ ежедневныхъ столкновеніяхъ и будничномъ общеніи съ малороссами, какъ съ населеніемъ страны завоеванной и вражеской.

Правда, нѣкоторые высшіе представители русской арміи, отлично понимавшіе всю важность перваго впечатлѣнія на малорусское населеніе, всячески старались смягчить грубые нравы своей солдатчины и упорядочить ея отношенія къ жителямъ новаго края. Но эти единичныя и слабыя попытки въ рѣдкихъ случаяхъ приводили къ добрымъ результатамъ, и масса московскаго воинства попрежнему вела себя такъ безцеремонно, грубо, а под-

часъ даже жестоко, что малороссы не могли не разочароваться въ своихъ новыхъ знакомцахъ... Кто знаетъ—какую роль съиграло это недоброе чувство къ пришельцамъ во время наступившихъ народныхъ смутъ въ Малороссіи?!...

С. М. Соловьевъ пытается объяснить разнузданность московскихъ ратныхъ людей въ Малороссіи какими-то тонкими политическими соображеніями рядоваго воинства... Онъ говоритъ: „московскій воевода, московскій ратный человѣкъ входилъ въ Малороссію какъ въ страну, кипящую *измѣною*, гдѣ онъ не могъ положиться ни на кого... Какихъ же дружескихъ отношеній послѣ того можно было ожидать между двумя братственными народонаселеніями? Какое уваженіе могъ чувствовать москаль къ шатающимся, мятущимся черкасамъ? Чѣмъ онъ могъ сдерживаться, особенно въ то *время солдатскаго своеволія и хищничества?* Онъ не сдерживался тѣмъ, что находился въ родной землѣ, между своими же русскими людьми: ему толковали, и толковали въ самой Малороссіи, сами малороссіяне, что онъ среди врагомъ, среди измѣнниковъ; это, разумѣется, вполнѣ могло *разнуздывать москаля*,онъ могъ легко оправдаться въ своихъ и чужихъ глазахъ: что же щадить измѣнниковъ? Но... иное было поведеніе относительно козаковъ, *иное* относительно *горожанъ* (?), болѣе вѣрныхъ“ [1]).

Но уважаемый историкъ какъ будто забылъ, что московскіе ратные люди не умѣли „сдерживаться“, даже находясь „въ родной землѣ“: сколько самыхъ вопіющихъ фактовъ возмутительнаго поведенія ратныхъ людей въ предѣлахъ самыхъ центральныхъ московскихъ уѣздовъ сохранилъ намъ, напримѣръ, архивъ Разряднаго Приказа!... Это хорошо зналъ самъ историкъ, у котораго можно найти хотя бы такія строки о московскихъ ратныхъ людяхъ разсматриваемой эпохи: „солдаты вымещали свои обиды и убытки (отъ начальныхъ людей) на мирныхъ гражданахъ“ [2]); „солдаты безнаказанно буйствовали при отсутствіи дисциплины, при потачкѣ своихъ начальныхъ людей, при томъ

---

[1]) „Исторія Россіи“ (изд. „Общ. Пользы“), кн. III, стр. 188—189.

[2]) Ibid., 692.

состояніи общества, когда всякій сильный, вооруженный, могъ позволять себѣ все съ слабымъ и невооруженнымъ“ [1]) и т. д. Все это говорится относительно поведенія московскаго воинства въ городахъ „родной земли“... Но что говорить о провинціи, когда сама Москва нисколько не была застрахована отъ безчинствъ напр., стрѣльцовъ.

Съ другой стороны Соловьевъ забываетъ, что въ Малороссіи московскіе ратные люди стали безобразничать съ перваго же момента своего появленія тамъ, когда ни о какихъ „измѣнахъ“ и не слышно еще было, и когда о броженіяхъ среди козацкой старшины могли знать только немногіе высшіе представители русской арміи, а рядовому большинству не могла быть извѣстна эта „великая государева тайна“. Да и позже, когда начались волненія, ратные люди одинаково своевольничали и въ пунктахъ возстанія, и въ самыхъ мирныхъ и спокойныхъ уголкахъ Малороссіи...

Нѣтъ, дѣло здѣсь гораздо проще, чѣмъ думаетъ почтенный историкъ: не толки объ „измѣнѣ черкасъ“ государю разнуздывали москаля“, но „москаль“ (т. е. ратный человѣкъ) былъ разнузданъ, такъ сказать, по природѣ своей, по обстановкѣ и правамъ своимъ—„особенно въ то время солдатскаго своевольства и хищничества“, какъ справедливо проговорился Соловьевъ...

А что это такъ, и что „болѣе вѣрные горожане“ (по Соловьеву) нимало не были застрахованы отъ безчинствъ московскаго воинства—убѣдительнымъ доказательствомъ послужитъ ниже излагаемое „*розыскное дѣло*“ 1666 г. [2]), возникшее по жалобамъ жителей городовъ *Котелвы, Гадяча, Миргорода, Роменъ* и *Опошни* на злоупотребленія ратныхъ людей московскихъ полковъ—„салдатскаго строя“ полковниковъ Ивана *Грана* (въ Котелвѣ) и Николая *Балка* (въ Гадячѣ, Ромнахъ, Миргородѣ и Опошнѣ), „рейтарскаго строя“ полковника Якова *Тура* (въ Котелвѣ) и полполковника Василія *Непейцына* (въ Миргородѣ),

---

[1]) Ibid., 710—711.

[2]) См. Москов. Архивѣ М—са Юстюціи—*Сибирскаго Приказа* сталбецъ № 777 (болѣе 400 листовъ).—„Розыскное дѣло“ не имѣетъ начала и сохранилось не въ подлинникѣ, а въ современномъ „спискѣ“ (копіи).

да отрядовъ *Донскихъ* казаковъ (въ Миргородѣ и Ромнахъ). Иностранныя фамиліи 3 полковниковъ не должны насъ смущать: въ ихъ полкахъ только меньшая часть начальныхъ людей была изъ иноземцовъ, а большинство офицерства и почти всѣ рядовые были прирожденные московскіе люди... И такъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ злоупотребленіями именно московскихъ ратныхъ людей, розыскъ о которыхъ производили не мѣстныя малорусскія власти, а *московскій „сыщикъ“*. Это послѣднее обстоятельство слѣдуетъ запомнить, чтобы имѣть побольше довѣрія къ даннымъ розыска... Свой своему поневолѣ братъ, и, если свой не покрываетъ своихъ, значитъ у него былъ достаточный запасъ совѣсти, не позволившей ему покрыть дѣйствительные грѣхи своихъ земляковъ...

Этимъ человѣкомъ съ совѣстью оказался стольникъ Петръ Андреевичъ *Измайловъ*—„товарищъ“ Бѣлогородскаго воеводы боярина кн. Бориса Александровича *Репнина*. Измайловъ былъ посланъ въ Малороссію Репнинымъ по распоряженію Разряднаго Приказа, который узналъ о безчинствахъ своихъ войскъ въ Малороссіи отъ „боярина и гетмана“ Ивана Мартыновича *Брюховецкаго*.

Стольникъ Измайловъ производилъ свой розыскъ на „съѣзжемъ дворѣ“ въ Гадячѣ и Котелвѣ, гдѣ московскія войска особенно отличились крупными безпорядками. Розыскъ длился полгода—съ января по іюнь 1666 г. Измайлову пришлось допросить массу лицъ—московскихъ начальныхъ и рядовыхъ ратныхъ людей, мѣстныхъ малорусскихъ властей, горожанъ, козаковъ и проч. Кромѣ того, Измайловъ собралъ разные письменные документы по дѣлу: „отписки“ московскихъ и малороссійскихъ властей въ Москву и проч.

Розыскъ раскрылъ массу злоупотребленій, совершенныхъ съ іюля по декабрь 1665 г. московскими войсками въ Гадячѣ, Котелвѣ и др. указанныхъ городахъ. Чего здѣсь не было!.. Воровство жизненныхъ и др. припасовъ, вымогательство денегъ, вина и проч., грабежи, покушенія на женщинъ, избіенія мирныхъ горожанъ, принужденіе ихъ къ даровой работѣ, разныя издѣвательства, безчинства (врывались въ дома на „веселья“

и т. д.) и проч. и проч. Столкновенія вездѣ начинались изъ-за разсчетовъ по „*стацыйному* сбору“, т. е. по сбору съ горожанъ жизненныхъ припасовъ на кормъ ратныхъ людей. Уже въ іюлѣ и августѣ 1665 г. посыпались жалобы горожанъ на неправильности по сбору „стацѣй“. Тогда же они жаловались своимъ властямъ, а тѣ передавали московскимъ, но толку изъ этого не выходило. Московскія власти ничего не предпринимали для обузданія безчинствъ своихъ ратныхъ людей—„управы не давали“... Вѣроятно, жалобы малороссовъ такъ и канули бы въ вѣчности, если бы имъ не помогъ одинъ случай: сами „москали“ черезчуръ пересолили и учинили такой скандалъ, что замолчать его было немыслимо...

Именно: въ ночь съ 2 на 3 ноября 1665 г. пьяный рейтарскій полковникъ Яковъ *Туръ*, съ компаніей пьяныхъ вооруженныхъ товарищей, учинилъ въ Гадячѣ „пріѣздъ къ городу—*доставалъ замка* Гадяцкаго“... Штурмъ пьянаго полковника былъ отбитъ „Гадяцкимъ намѣстникомъ“ Семеномъ *Мамчичемъ*. Полетѣли донесенія гетману, отъ него въ Москву—затереть скандалъ нельзя было. Разрядный Приказъ немедленно предписалъ Бѣлогородскому воеводѣ кн. Репнину послать сыщика въ Гадячъ, для разслѣдованія о происшествіи 2 ноября и о всѣхъ вообще жалобахъ малороссовъ на московскихъ ратныхъ людей. Такъ возникла миссія стольника П. Д. Измайлова.

Данныя, собранныя розыскомъ Измайлова, не только характеризуютъ отношенія московскаго воинства къ малороссамъ, но и обратныя отношенія. Не рѣдко мелькаютъ такіе, напр., любопытные факты, какъ указаніе на то, что гадяцкій „намѣстникъ“ Семенъ Мамчичь и „наказной обозной“ Иванъ *Кусть* (завѣдывавшій „стацѣйнымъ сборомъ“) „ни для какихъ государевыхъ дѣлъ *не сходятся*“ съ московскимъ воеводою Ѳедоромъ *Протасьевымъ* и „при себѣ держатъ многихъ людей“...

Цѣнны данныя розыска и для характеристики вообще московскаго воинства, и особенно его начальныхъ людей изъ тѣхъ всесвѣтныхъ проходимцевъ, которыхъ не мало было въ полкахъ Тура, Грана и Балка. Каковы были эти проводники „европейской культуры“ въ московскіе полки—какъ курьезъ достаточно

указать на двухъ офицеровъ изъ полка Балка: поручикъ Андрей Тилликортъ и прапорщикъ Филипъ Саөаленъ однажды въ Ромнахъ, въ компаніи 2—3 товарищей, въ теченіе дня „выпили бочку меду“ и... остались живы до пріѣзда Измайлова, по приговору котораго заплатили хозяину бочки 10 тарелей...

Вообще, розыскъ очень богатъ бытовыми подробностями: цѣнами жизненныхъ и др. припасовъ, разными мелочами обыденной жизни малороссовъ того времени и проч. Въ виду этого я и позволилъ себѣ слишкомъ, можетъ быть, подробное изложеніе розыскнаго дѣла стольника П. В. Измайлова...

Изложеніе розыска начинаю съ событія въ Гадячѣ, затѣмъ перейду къ Миргороду, Котелвѣ, Ромнамъ и Опошнѣ.

I.

Гадячъ.

Въ Гадячѣ былъ расположенъ во 2-ой половинѣ 1665 года „салдатскаго строя“ полкъ полковника Николая *Балка*, но временами наѣзжали туда ратные люди другихъ полковъ, расположенныхъ въ сосѣднихъ городахъ. Такъ, въ послѣднихъ числахъ октября пріѣхалъ изъ Котелвы полковникъ Яковъ *Туръ*, съ ротмистромъ Балманомъ, и здѣсь-то учинилъ тотъ свой подвигъ, который вызвалъ розыскъ Измайлова... Начинаю разсказъ съ этого событія 2 ноября, когда „забравшись купою своею нѣмцы доставали замка Гадяцкаго въ ночи, съ Яковомъ Туромъ“...

Гадяцкій воевода Өедоръ Протасьевъ 8 ноября отправилъ отписку боярину Репнину о происшествіи 2 ноября и объ „извѣтѣ Гадяцкаго намѣсника Семена Мамчича и наказнаго обозного (Ивана Куста) про пріѣздъ къ городу Гадячу полковника Якова Тура, и что онъ изъ тюрьмы ляховъ роспускалъ“ и проч. Кн. Репнинъ 5 декабря отписалъ о томъ въ Разрядный Приказъ, приложивши присланныя Протасьевымъ „распросныя рѣчи“ Тура. Кромѣ того, Разрядъ узналъ о событіи отъ гетмана И. М. Брюховецкаго, которому 17 ноября писали изъ Гадяча „войтъ

съ мещаны", что „полковникъ Як. Туръ *со многими солдаты*, пришедши ночью къ городу, нарочно для разоренья крѣпости, уже въ башнѣ городской сторожю отбилъ и ворота учалъ было сѣчь"...

20 декабря кн. Репнинъ получилъ грамоту изъ Разряда о посылкѣ въ Гадячъ для розыска стольника Измайлова, и послѣдній немедленно туда выѣхалъ. Грамота предписывала Репнину—всѣ отписки Измайлова немедленно пересылать въ Москву, къ государю... Видимо, что похожденія Тура обезпокоили Москву, гдѣ съ нетерпѣніемъ ожидали вѣстей отъ Измайлова... Розыскъ его раскрылъ слѣдующія подробности дѣла.

Яковъ Туръ нарочно пріѣхалъ изъ Котелвы, гдѣ стоялъ его полкъ, въ Гадячъ, на крестины къ своему пріятелю Гедеону *Франку*—маіору изъ полка Николая Балка. Съ Туромъ пріѣхалъ и ротмистръ его полка Мартынъ *Болманъ* (онъ же Валтманъ). На крестинномъ пиру у Франка ротмистръ пробылъ недолго и ушелъ на квартиру одинъ, и о дальнѣйшихъ событіяхъ ничего не могъ показать. Полковники Туръ и Балкъ продолжали пировать у маіора съ офицерами Балкова полка. Когда сильно захмѣлѣвшіе гости стали расходиться, вышелъ и Туръ, сѣлъ на коня и одинъ поѣхалъ домой. Онъ также былъ пьянъ. Дорогою около церкви, „что противъ рынка, съ нимъ сшолся пѣшей черкашенинъ". Неизвѣстно, изъ-за чего между ними произошла стычка, и малороссъ, видя полковника одного да еще пьянаго, смѣло набросился на Тура и „*зашибъ* его дубиною", а самъ побѣжалъ въ замокъ, куда его впустили и затворили ворота. Гнавшійся за козакомъ Туръ подлетѣлъ уже къ запертымъ воротамъ, сталъ ломиться и требовать выдачи оскорбителя, или пропуска къ намѣстнику Семену Мамчичу. Но караульные воротъ не отворили и „по немъ изъ замка стрѣляли изъ пищали дважды"...

Взбѣшенный Туръ бросился назадъ, собралъ нѣсколькихъ товарищей и солдатъ и съ ними вернулся къ замку, гдѣ снова сталъ ломиться въ ворота—„къ замку приступалъ, и по воротамъ изъ ружья *стрѣлялъ*, и шпагою ворота *рубилъ*"... Въ

замкѣ поднялась тревога: „били по литаврамъ *въ тревогу*, и въ колоколъ *всполохъ* билижъ, и изъ замкужъ изъ пищали *стрѣляли*"...

Выстрѣлы услышали стоявшіе въ караулѣ около „государевой казны" („за рядами", въ 200 саженяхъ отъ замка) поручикъ Григорій Волчинской и прапорщикъ Матвѣй Гетлеръ. Они послали съ караула солдата Степана Афанасьева къ замку „провѣдать" о тревогѣ, но тотъ скоро вернулся назадъ и доложилъ офицерамъ, что ничего „провѣдать не мочно", такъ какъ изъ замка стрѣляютъ, „и онъ де итить убоялся"... Въ тоже время на караулѣ замѣтили, что „почели *сбиратся къ замку черкасы* съ ружьемъ"... Но „присылки отъ намѣсника, чтобъ имъ помощь учинити, къ нимъ на караулъ не бывало"...

Между тѣмъ, Туръ продолжалъ ломиться въ ворота замка. Но болѣе благоразумные товарищи, видя собирающихся къ замку черкасъ, уговорили Тура отступить и бросить неравную борьбу. Туръ согласился, но отъ замка повернулъ къ тюрьмѣ, и не найдя сторожей (сторожа Андрей Смолява съ товарищи говорили потомъ, что когда у замка „учинился крикъ и стрѣльба", они „убоася, разбѣжались"), *выпустилъ* всѣхъ содержавшихся тамъ 22 *ляховъ* и 2 нѣмцовъ.

Одинъ изъ выпущенныхъ—полякъ Янъ Лубовской былъ пойманъ около рѣки, черезъ которую не могъ вслѣдствіе болѣзни переправиться, чтобы бѣжать за товарищами. Онъ говорилъ, что „послѣ шуму, какъ замка доставали, пришелъ на сторожню мѣскую" какой-то „нѣмчикъ въ сѣромъ платьѣ, засовъ отсунулъ" и выпустилъ ихъ „въ двери".

Между тѣмъ, при осмотрѣ тюрьмы воеводою Ѳедоромъ Протасьевымъ и войтомъ Иваномъ Ивановымъ оказалось, что „у тюрьмы стѣна подкопана, и подлѣ стѣны мостина взломлена, и то-де знатно, что тѣ ляхи ушли подкопався". Но Янъ Лубовской рѣшительно увѣрялъ: „ а тюрьмы они не подкопывали и мостинъ не взламывали", и кто сдѣлалъ подкопъ—не знаетъ, такъ какъ „при нихъ-де тюрьма была не подкопана".

Возможно, что подкопъ сдѣланъ былъ уже послѣ побѣга тюремныхъ сидѣльцевъ и сдѣланъ именно для того, чтобы снять съ Тура вину за самовольный выпускъ ляховъ... По крайней

мѣрѣ самъ Туръ на розыскѣ упорно ссылался на досмотръ Протасьева, нашедшаго подкопъ, и голословно отвергалъ, что ляхи выпущены имъ, какъ отвергалъ и свой наѣздъ къ замку... Но свидѣтелей наѣзда и разгрома тюрьмы была такая масса, что отрицательнымъ показаніямъ Тура никто не вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что улика была на лицо: Измайловъ осмотрѣлъ „въ замку рубленныя мѣста“ и нашелъ что „городовыя ворота *рублены* и знатно, что рублены *саблею*, а не топоромъ“...

Во время этого розыска обнаружилось—по жалобамъ московскихъ властей, что „Гадяцкой намѣсникъ (Мамчичь, а иногда пишется—Мамчинъ) и обозной (Кустъ) *въ верхней городъ* (замокъ) великого государя ратныхъ людей *не пускаютъ*, и съ Өедоромъ Протасьевымъ ни для какихъ государевыхъ дѣлъ *не сходятся,* и при себѣ *держатъ многихъ людей*“...

На вопросъ Измайлова по этимъ обвиненіямъ Мамчичь и Кустъ подали „скаску“, гдѣ увѣряютъ, что государевыхъ ратныхъ людей въ замокъ „безпрестанно пускали и воротъ у замка не замыкали“, и только тогда ихъ заперли, какъ Яковъ Туръ „въ замокъ къ нимъ ломился“. На другой день послѣ этого воевода Протасьевъ, полковникъ Балкъ и другіе начальные люди „досматривали знаку на воротахъ, что рубилъ Туръ“. И позже ратные люди свободно ходили въ замокъ для осмотра „рубленыхъ мѣстъ“...

Что касается сношенія съ воеводою Протасьевымъ, то составители „скаски“ говорятъ, что они „для всякихъ великого государя дѣлъ и для расправъ всегда схаживались (съ воеводою) и про воинскихъ людей, что какихъ вѣстей у нихъ бывало, сказывалижъ. А многихъ людей казаковъ человѣкъ по 200 и больши у себя державали“, но въ городѣ, а въ замкѣ держали для караула не больше 10 человѣкъ...

Воевода Протасьевъ съ своей стороны подалъ сыщику „скаску“, гдѣ говоритъ, что знаетъ, что 3 ноября узналъ онъ отъ поручиковъ рейтарскаго строя Ивана Огарева, Григорья Тюкменева, и Харлампія Хорошева, что Мамчичь и Кустъ „въ верхній замокъ *не пускали* (ихъ) не по одинъ день“, хотя они собирались идти туда по приказу воеводы „для дѣлъ великого

государя" и именно потому, что Мамчичъ и Кустъ уже „день съ шесть *не схаживались*" съ Протасьевымъ для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ. Всѣ офицера увѣряли, что въ это время въ замкѣ находилось около 200 казаковъ...

На очной ставкѣ Мамчича и Куста съ офицерами Хорошевъ и Тюхменевъ (Огаревъ въ это время выбылъ въ Москву) сказали: Протасьевъ посылалъ ихъ въ замокъ на 3-й день послѣ того, „какъ у нихъ былъ шумъ" (т. е. набѣгъ Тура), чтобы узнать—почему въ замкѣ собираются „многіе люди"? „вѣсти-ли какія есть, или для какого иного дѣла? а прежъ-де сего у нихъ того не бывало"... Но караульные козаки не пустили офицеровъ въ замокъ, и они ни съ чѣмъ вернулись къ воеводѣ.—Мамчичь и Кустъ стояли на прежнихъ показаніяхъ и ничего новаго не сказали.

Въ ту же злосчастную ночь со 2 на 3 ноября случился въ Гадячѣ и другой эпизодъ, также связанный съ крестинами у маіора Гедеона Франка... Одинъ изъ гостей послѣдняго солдатскаго строя капитанъ полка Балка Вилимъ *Полсонъ* настолько захмѣлѣлъ у гостепріемнаго маіора, что, возвращаясь домой, не нашелъ своей квартиры и принялъ за нее хату „мѣскаго писаря" Өедора *Трушенка*. Подойдя къ ней, вмѣстѣ съ своимъ также пьянымъ „деньщикомъ", капитанъ сталъ ломиться въ запертыя двери, „мовячи: то моя господа!"... На шумъ выскочилъ писарь и сталъ урезонивать пьянаго капитана, что онъ хочетъ затесаться въ чужую „господу". Но капитанъ стоялъ на своемъ и сталъ угрожать писарю „шпагою". Писарь схватилъ тогда лопату и ударилъ по головѣ капитана, затѣмъ вбѣжалъ въ свою „свѣтлицу" и заперся тамъ...

Разсвирѣпѣвшій Полсонъ сталъ рубить окна шпагою и ломиться въ свѣтлицу, а денщика послалъ за „своимъ товариствомъ". Скоро собралась цѣлая „купа" солдатъ, которые „во всю ночь комнаты добывали", гдѣ спрятался писарь и гдѣ ему удалось отсидѣться отъ неожиданнаго непріятеля. Но за то последній ворвался въ другое помѣщеніе хаты—въ „избу", гдѣ солдаты безъ церемоніи „все поимали и пусто домъ учинили": взяли 2 кожуха (впрочемъ, одинъ кожухъ на завтра вернули),

кафтанъ, 2 шапки, 2 сѣкиры, 2 оловяныхъ блюда, миски, тарелки и проч. Писарь такъ былъ напуганъ разгромомъ, что, „по се число (розыска) съ дому своего *утекъ*", прячась „отъ нѣмцовъ по чюжихъ углахъ"...

На розыскѣ капитанъ Полсонъ все голословно отвергалъ: въ хату Трушенка онъ-де не ломился, „нѣмецъ и *русскихъ* людей" не приводилъ, ничего тамъ не грабилъ и пр. Шелъ онъ будто бы спокойно отъ маіора Франка на свой дворъ, но дорогою около двора Трушенка повстрѣчался послѣдній и „учалъ его бить и шаблею рубить", снялъ будто бы съ храбраго капитана шпагу, шапку, отнялъ деньги и проч.

Понятно, сыщикъ Измайловъ не повѣрилъ капитану, и такъ какъ истецъ и отвѣтчикъ указывали свидѣтелями близкихъ имъ лицъ (писарь своихъ домашнихъ, а капитанъ своихъ подчиненныхъ), а стороннихъ свидѣтелей не было, то Измайловъ „велѣлъ имъ *учинить вѣру*, потому что про то опричь вѣры *розыскать нѣчимъ*"—обѣ стороны на свидѣтелей „слались *въ послушенство*".

8 февраля, на „съѣзжемъ дворѣ поставлены къ вѣрѣ передъ образомъ Божіимъ, по ихъ *черкасскому звычаю*", Трушенко и Полсонъ, но они „въ вѣрѣ отсрочили" до 9 февраля, когда были приглашены присутствовать при обрядѣ успенскій попъ Кириллъ и наказной обозной Иванъ Кустъ. Оба противника „къ вѣрѣ стали" и Ѳедоръ Трушенко „въ своемъ Ѳедоровѣ и въ Вилимовѣ иску Полсона, по своему черкасскому звычаю, *присягу учинилъ*—цѣловалъ образъ Божій дважды"... Полсонъ же, на основаніи 3 статьи 14 главы „Уложенія", былъ только поставленъ ко кресту, но креста не цѣловалъ.

Измайловъ повѣрилъ клятвѣ Трушенка, подтверждавшей его показаніе, и приговорилъ капитана Полсона (по московскому „звычаю"...—„бить кнутомъ на козлѣ"... Но когда капитанъ былъ „поднятъ на козелъ для наказанья",—присутствовавшіе здѣсь московскія и мѣстныя власти (полковникъ Балкъ, подполковникъ *Непейцынъ*, маіоръ Франкъ и „всѣ начальные люди" рейтарскаго и солдатскаго полковъ, затѣмъ „войсковой судья" Павелъ *Животовской* и обозной Иванъ Кустъ) и самъ истецъ Трушенко „словесно" били челомъ Измайлову, чтобы „государь

пожаловалъ для дѣтей своихъ государевыхъ... многолѣтняго здравія *не велѣлъ* тому капитану такого жестокого *наказанья чинить*—бить кнутомъ"... Измайловъ уважилъ эту просьбу, но опять таки... уважилъ по московскому обычаю: капитана „кнутомъ бить не велѣлъ, а велѣлъ... вмѣсто кнута *бить батоги* нещадно", что того же числа и исполнено, а затѣмъ капитанъ „свобоженъ". Расплатился ли онъ съ ограбленнымъ Трушенкомъ—неизвѣстно.

Перехожу къ другимъ эпизодамъ изъ столкновеній ратныхъ людей съ жителями Гадяча. Печальная лѣтопись ихъ начинается съ 20 сентября 1665 г., когда ратные люди „*добывали*" Гадяцкаго сотника (въ февралѣ слѣдующаго года онъ былъ войсковымъ судьею) Павла Животовскаго. Нападеніе на усадьбу Животовскаго произвелъ Балкова полка прапорщикъ Яганъ *Шпиголь*, который „съ солдаты двора его добывали—хотѣли убить" сотника. Какъ онъ отсидѣлся—неизвѣстно. На другой день онъ ходилъ „жаловаться" къ воеводѣ Протасьеву, но тотъ „никакіе управы не далъ"...—На розыскѣ Измайлова, послѣ „очныхъ ставокъ" Шпиголя съ Животовскимъ, гдѣ первый „во всемъ запирался", противники „помирились"...

Того же 20 сентября, ночью, неизвѣстные ратные люди ,комнату *выкрали*", у гадяцкаго жителя Никифора Иванова: воры „скрозь оконца вытягнули крюками" разныя вещи—„курту", „кожухъ", 3 „мушкета" и проч. На другой день „ратной человѣкъ на имя *Ермакъ*, салдатъ", принесъ кожухъ Иванова къ одному „кушнеру", чтобы перешить. Узналъ это Ивановъ и отобралъ кожухъ. Ивановъ жаловался Протасьеву, но „управы никакой" не получилъ...

На розыскѣ Измайлова „солдатъ *Ермошка* Дементьевъ роспрашиванъ" и сказалъ, что не участвовалъ въ обкрадываніи Иванова, а кожухъ его купилъ „въ ряду", за 20 алтынъ, у неизвѣстнаго черкашенина. Ермакъ ссылался на свидѣтелей—солдатъ, имена которыхъ онъ сказалъ, но прозвищъ ихъ не могъ указать—„только ихъ *съ рожей* знаетъ". Благодаря этому ихъ нашли, и они подтвердили, что Ермакъ купилъ кожухъ, а не укралъ.

Но Измайловъ „по Соборному Уложенью“ велѣлъ *пытать* Ермака, какъ пойманнаго „съ поличнымъ“. Ему дали 22 удара, но онъ „ни въ чемъ не винился — сказалъ прежнія свои рѣчи.“

„У распросу и у пытки“ присутствовали „истецъ“ Н. Ивановъ, войсковой судья П. Животовской, наказной обозной И. Кустъ, сотникъ Семенъ *Остренко, войтъ* Иванъ Ивановъ и атаманъ Михаилъ *Приступа.* Послѣ первой пытки Ермака всѣ они били челомъ Измайлову, „чтобъ великій государь пожаловалъ—*не велѣлъ* того солдата Ермошка *больши тово пытать*, и велѣлъ бы его съ пытки спустить...“ Къ этому „словесному челобитью“, внесенному въ „розыскное дѣло“, вмѣсто всѣхъ челобитчиковъ „;приложилъ руку Гадяцкой писарь Ѳедоръ Трушенко.“

На этотъ разъ Измайловъ смягчился, такъ какъ вѣроятно и самъ сомнѣвался въ виновности Ермака: „и солдатъ Ермошка Дементьевъ, по ихъ челобитью, свободенъ“...

Въ продолженіе розыска нерѣдко случались подобныя челобитья малороссовъ—стороны пострадавшей—о смягченіи участи виновныхъ въ томъ или другомъ преступленіи „москалей“. Иногда съ подобными челобитьями обращались къ сыщику и московскіе начальные люди, вступаясь за своихъ товарищей. Но малороссы въ этихъ случаяхъ дѣйствовали въ интересахъ не товарищей и друзей своихъ, а своихъ противниковъ и оскорбителей... Нельзя не отмѣтить эту симпатичную черту, свидѣтельствующую о мягкости и сердечности малорусскаго народа.

10 ноября „нѣмчинъ“ поручикъ Балкова полка Ганцъ *Юнканъ* „шпагою *покололь* немного не до смерти бабу“ Прасковью *Войникову*...

Поручикъ объяснилъ Измайлову: „какъ-де по государеву указу велѣно Гадяцкимъ жителямъ государевыхъ ратныхъ людей *кормить*, гдѣ кто стоитъ“, получилъ онъ жалобу отъ капрала своей роты Никиты Фофанова съ товарищи на бабу Войникову, завѣдывавшую дворомъ какого-то „уѣзднаго попа“, гдѣ было поставлено это капральство. Капралъ жаловался, что ихъ „на томъ дворѣ не кормятъ“. Поручикъ пошелъ туда и „зашибъ

по головѣ посохомъ" (а не шпагою) Прасковью „за то, что она салдатъ не кормила"...

Баба пожаловалась воеводѣ Протасьеву, и тотъ поручика держалъ „*на пушкѣ прикована* на чепи, 2 недѣли..."

Къ удивленію, когда Измайловъ запросилъ объ этомъ „памятью" у Протасьева, послѣдній „памятью"же отвѣтилъ сыщику, что Войникова „не била челомъ" на Юнкана, что послѣдняго не держалъ 2 недѣли прикованнымъ на цѣпи и, что вообще „такова дѣла *не бывало*"...

Очевидно, ни баба, ни поручикъ не могли такъ солгать на воеводу Протасьева, но послѣдній понялъ, что поступилъ съ поручикомъ незаконно и слишкомъ жестоко, а потому и не захотѣлъ сознаться въ томъ въ оффиціальной бумагѣ сыщику, который могъ притянуть къ розыску и самого воеводу...

Конечно, сыщикъ не повѣрилъ воеводѣ, что „такого дѣла не бывало" и велѣлъ учинить наказаніе поручику за истязаніе бабы—„*бить батоги*"... Послѣ наказанія Войникова заявила Измайлову, что она теперь „помирилась" съ поручикомъ...

29 октября разыгралась крупная исторія на дворѣ Гадяцкаго жителя Яцка *Ермашенка*: „нѣмцы салдаты ночью *набѣжавъ*, окончины посѣкли, господаря свазали и за караулъ взяли", жену его избили и „*все убожество разшарпали*"—взяли шубу, денегъ на 4 рубля слишкомъ и проч.

По разсказу Яцка дѣло происходило такъ: жившіе въ его домѣ „гончары побились" изъ-за чего-то между собою. Драка происходила на улицѣ, гдѣ собралась толпа любопытныхъ, въ томъ числѣ и нѣсколько солдатъ. Въ пылу свалки одинъ гончаръ для облегченія снялъ свой „жупанъ" и бросилъ на землю, „а москали припавшы, той жупанъ вхопывшы, втекли..." Примѣръ подѣйствовалъ заразительно: другіе москали набросились на другого гончара и его жупанъ „силою злупывшы, всего ошарпали..." Тотъ „ободранный гончаръ" бросился въ хату Ермошенки и кликнулъ на помощь товарищей. Они стали ловить москалей, одного поймали и привели въ хату Яцка. Остальные москали разбѣжались и дали знать на „караулъ", что стоялъ „у государевой казны". Къ хатѣ Яцки прибѣжалъ ка-

раулъ, подъ начальствомъ капитана Юрія Гавермона. Солдаты „напали“ на домъ Яцка, избили его и жену, отняли кожухъ, деньги и проч. Кожухъ потомъ вернули, но денегъ не отдали, причемъ воевода Протасьевъ замѣтилъ: „у мужика столько грошей отнюдь не было!.. все то *мужикъ мутитъ*“!..

Капитанъ Гавермонъ сказалъ на розыскѣ, что драки гончарей не видѣлъ, такъ какъ стоялъ въ то время на караулѣ около государевой казны. Но уже послѣ драки получилъ приказъ отъ маіора Гедеона Франка идти на дворъ Яцка Ермашенка, гдѣ по словамъ маіора „били солдатъ...“ Капитанъ взялъ 7 солдатъ (все это были русскіе, а не „нѣмцы“: Харламній Григорьевъ, Павелъ Логвиновъ, Владиміръ Васильевъ и т. д.) и пошелъ въ хату Яцка, гдѣ увидѣлъ лежащаго на полу и связаннаго солдата, на столько *избитаго*, что онъ не могъ самъ идти и товарищи „отнесли“ его на „большой караулъ“ у государевой казны. Капитанъ увѣрялъ, что Яцка и жену его солдаты при немъ не били и „приходовъ не грабили“—„при немъ тово не бывало“, а грабилъ-ли кто раньше его прихода—того онъ не знаетъ. Яцка же онъ взялъ за караулъ для того, чтобы дознаться объ избитомъ въ его хатѣ солдатѣ.

Яцко урѣрялъ на розыскѣ, что того солдата привели къ нему въ хату гончары Ѳ. Романовъ и Яцко Марченко уже избитымъ, а били они его за то, что онъ схватилъ жупанъ одного гончара и передалъ другимъ солдатамъ, которые и унесли жупанъ. Грабителей онъ не зналъ и не замѣтилъ въ лицо, такъ какъ дѣло происходило ночью.

Но при дальнѣйшемъ розыскѣ Яцко заявилъ сыщику, что съ капитаномъ Гавермономъ они „сопча сыскали того человѣка, кто ево Яцковы животы ограбилъ“: это оказался солдатъ полка Балка Аристка Сидоровъ. Еще раньше, когда Яцко жаловался воеводѣ Протасьеву, Сидоровъ вернулъ Яцкѣ его шубу и тогда „сидѣлъ за приставомъ“, по приказу воеводы, а потомъ освобожденъ. Теперь Яцко встрѣтилъ его, узналъ и потребовалъ возврата остальныхъ „пограбленныхъ животовъ“. Сидоровъ отдалъ ему 3 рубля 23 алтына 2 деньги, а остальныя обѣщалъ со временемъ отдать.

Аристка Сидоровъ показалъ: ночью 29 октября пилъ онъ въ корчмѣ пиво, съ 2 солдатами, затѣмъ пошелъ домой „на стоялой дворъ" и дорогою встрѣтилъ отрядъ капитана Гавермона, шедшій ко двору Яцка Ермошенка. Капитанъ велѣлъ Сидорову съ товарищи присоединиться къ отряду. Солдатъ, лежавшій тамъ, страшно избитый („и горло де у него *передавлено*"...), былъ Кириллъ *Макѣевъ*. Сидоровъ сознался, что взялъ здѣсь баранью шубу, предполагая, что она принадлежитъ избитому Макѣеву. Но больше онъ ничего не бралъ въ хатѣ Яцка, и никого тамъ не билъ—ни Яцка, ни жену его. Шубу онъ отдалъ воеводѣ Протасьеву, тотъ передалъ ее Яцкѣ, а Сидорова за то „били батоги". Теперь Сидоровъ платитъ деньги Яцкѣ за неизвѣстно кѣмъ пограбленные остальные животы только „для того, чтобъ на него не билъ челомъ, и боясь другого наказанья"... Съ Яцкомъ онъ „помирился", свидѣтелемъ чего былъ Гадяцкой Покровской церкви попъ *Елисей*, что тотъ и подтвердилъ. Но все же и это примиреніе не спасло Сидорова отъ наказанья: сыщикъ Измайловъ велѣлъ его еще разъ „бить батоги"...

31 октября „*выкрадена лавка*" мѣщанина Трофима *Трегуба*: взято 500 „злотыхъ" въ серебряной и мѣдной монетѣ, „плахты", рубашки, скатерти и проч. Пострадавшій не могъ указать воровъ и объяснилъ, что лавка его находилась „въ ряду", гдѣ былъ „свой караулъ", на что тамъ „городскимъ сторожамъ нельзя ходить, потому что караулъ (московскій) *не пускаетъ*"... Трегубъ и сынъ его Иванъ просили Измайлова допросить поручика Кондрата *Мера*, стоявшаго въ ту ночь на караулѣ у государевой казны.

Поручикъ Меръ сказалъ, что съ нимъ были на караулѣ „разныхъ ротъ солдаты, а близко *ряду* стояли солдаты Ивашко Семеновъ съ товарищи 5 человѣкъ". Какъ и кѣмъ обокрадена лавка Трегуба—Меръ не знаетъ. Семеновъ и товарищи его также о томъ ничего не знаютъ, такъ какъ хотя они и стояли около „рядовъ", но „имъ лавокъ караулить не приказано"— „въ ряду у Гадяцкихъ мѣщанъ караулъ учиненъ свой".

По досмотру посланнаго Измайловымъ подъячаго Логина Осипова оказалось, что лавка Трегуба лежитъ въ 7 саженяхъ

отъ „большого караула, гдѣ стоитъ начальной человѣкъ" и въ 4 саженяхъ отъ „отхожаго караула" около рядовъ. Удивительно, какъ при такихъ малыхъ разстояніяхъ солдаты не слышали никакой возни и шума въ обкрадываемой лавкѣ. Недаромъ Трегубъ подозрѣваетъ именно солдатъ этихъ карауловъ въ разгромѣ своей лавки...

Стоявшіе около тюрьмы „мѣскіе караульщики" (въ 18 саженяхъ отъ лавки) Максимъ Чернятенко и Панько Соломниченко ничего ночью не слышали и о покражѣ узнали только на другой день. Эти сторожа жаловались Мамчичу и Кусту, что не только въ ту ночь, а и всегда вообще караульные солдаты „ихъ мѣскихъ сторожей мимо караула ряду осматривать *не пущают*..." Мамчичъ говорилъ объ этомъ воеводѣ Протасьеву, который обѣщалъ наказать за то караульныхъ солдатъ. Однако, на розыскѣ Протасьевъ это отвергнулъ.

2 ноября, кромѣ разсказанныхъ въ началѣ этой главы наѣздовъ полковника Тура на Гадяцкій замокъ и капитана Палсона на дворъ писаря Трушенка, произошли отдѣльно отъ этихъ двухъ наѣздовъ еще двѣ стычки ратныхъ людей съ гадячанами.

Донской атаманъ Андрей *Кутеповъ* встрѣтилъ на улицѣ *жену* Гадяцкаго жителя Семена Остраго, сталъ приставать къ ней, но, встрѣтивши отпоръ, избилъ ее... Но они „помирилися" еще до пріѣзда сыщика Измайлова, а потому и не было розыска объ этомъ происшествіи.

Второе происшествіе этого дня: на дворъ Өедора *Бувайлова* „*набѣжали* нѣмцы, челядь всю разогнали, бьючи, а самъ господарь едва и съ женою въ комнатѣ отсидѣлся"... Розыска и по этому дѣлу не было, такъ какъ Бувайловъ въ генварѣ умеръ, а жена его Агафья ни на кого не могла указать.

Послѣ 2 ноября не видимъ уже никакихъ столкновеній между московскими ратными людьми и гадячанями. Очевидно, подвигъ Тура всѣхъ смутилъ, и ратные люди затихли, стали сдерживаться и мирно уживаться съ горожанами, въ ожиданіи пріѣзда сыщика Измайлова...

Какому наказанію былъ подвергнутъ полковникъ Туръ— изъ розыска не видно. Возможно, что его и не подвергали ни-

какому наказанію, такъ какъ онъ занималъ довольно видное положеніе въ арміи и имъ очень дорожили, какъ хорошимъ спеціалистомъ военнаго дѣла. Съ другой стороны и Туръ считалъ себя пострадавшимъ и оскорбленнымъ въ этой исторіи, когда его „зашибъ дубиною" неизвѣстный черкашенинъ...

Въ розыскѣ по Гадячу не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о недоразумѣніяхъ по „стацѣйному сбору". Отсюда слѣдуетъ заключить. что въ Гадячѣ не производился сборъ „стацѣи": ратные люди были расквартированы по дворамъ горожанъ, которые были обязаны кармить своихъ постояльцевъ (см. выше дѣло Юнкана съ Войниковой). Притомъ, ниже мы увидимъ, что для стоявшаго въ Гадачѣ солдатскаго полка Н. Балка „стацѣйный сборъ производился въ Миргородѣ, Опошнѣ и др.

II.

Миргородъ.

Въ Миргородѣ недоразумѣнія происходили только по „*стацъйному дълу*", а о личныхъ столкновеніяхъ ратныхъ людей съ мѣстнымъ населеніемъ розыскъ Измайлова не говоритъ.

Въ „опчей скаскѣ", поданной сыщику Измайлову полковникомъ Николаемъ Балкомъ, полуполковникомъ Василіемъ Непейцынымъ, начальными людьми ихъ полковъ и Донскихъ казаковъ, читаемъ, что по приказу гетмана И. М. Брюковецкаго „велѣно ему (Непейцыну) стацѣи на себя и на начальныхъ людей и на рейтаръ имать съ Миргорода", на что отъ гетмана данъ „листъ, чтобъ того города жители давали стацѣю". По этому „листу" начальные люди „стацѣю имали, а *лишніе*-де стацѣи ни у кого ничего не имали". Во избѣжаніе ожидавшихся недоразумѣній, Непейцынъ просилъ гетмана, „чтобъ онъ приказалъ въ томъ листу написать *имянно*—по скольку какой стацѣи и на сколько имать". Гетманъ очень легко отнесся къ этой благоразумной просьбѣ и замѣтилъ Непейцыну, что онъ „приказалъ о томъ" обозному Ивану Кусту, а потомъ добавилъ

подполковнику: „стацѣю имать въ городахъ, въ которыхъ указано, *что ему надобно*".

Такое неопредѣленное распоряженіе развязывало руки начальнымъ людямъ, и нужно еще удивляться, что они въ большинствѣ случаевъ видимо сдерживались при сборѣ стацѣи... Непейцынъ посылалъ въ Миргородъ за стацѣей своихъ начальныхъ людей, но обязательно съ козаками обознаго Ивана Куста, во избѣжаніе недоразумѣній при разсчетахъ. Стацѣйные припасы собирали „въ разныхъ числахъ, а не въ одно время, а что собрано и принято, и въ томъ даваны обозному И. Кусту росписи, за руками" обѣихъ сторонъ. Миргородскому войту и мѣщанамъ предписано давать начальнымъ и рядовымъ ратнымъ людямъ и „конемъ ихъ всякую стацѣю по мѣрѣ (?), *безъ отказу*, по росписи подполковника"... А между тѣмъ, никакой „мѣры" не было установоновлено, да еще прибавлено, что давать все „безъ отказу"!.. Понятно, какая здѣсь была благодатная почва для всякихъ недоразумѣній.

Такъ, по „московской росписи" подполковникъ Непейцынъ взялъ съ Миргорода для ратныхъ людей слѣдующую стацѣю, съ 31 іюля 1665 и до февраля 1666 г.: 185 „осмачекъ" житной муки, 2 осмачки пшеничной, 3 осмачки житныхъ крупъ, 4 пуда коровья масла, 3 „полтя" ветчины, 3 гусей, 600 „ступокъ" соли, бочку пива, 84 „кварты" вина, 50 куръ, 10 яловицъ и 41 барана.

А въ „росписи" Миргородскаго войта Евсѣя Павлова оказались другія цифры взятой стацѣи, напр.: 68 куръ (а не 50), 4 гуся (а не 3) и т. д. Кромѣ того, „въ московской росписи *не написано*"; 5 осмачекъ пшена, 15 осм. овса и 172 воза сѣна.

На очной ставкѣ во время розыска Непейцынъ сказалъ, что „не вѣдаетъ"—почему „объявилась" лишняя стацѣя... Онъ ссылался на свои „росписки", которыя давалъ войту „во всякой стацѣи". Но „росписокъ" не было на лицо: войтъ передалъ ихъ Кусту, тотъ гетману, а послѣдній отправилъ ихъ въ Москву, въ Малороссійскій приказъ. Но въ апрѣлѣ бояринъ кн. Б. А. Репнинъ прислалъ ихъ сыщику Измайлову, который сдѣлалъ свѣрку „росписокъ" съ росписью Миргородскаго войта. Послѣд-

ній оказался правъ: въ „росписи“ Непейцына не было много стацѣи, о которой „росписки“ его же говорили... Эту „лишнюю стацѣю“ Непейцынъ объяснялъ тѣмъ, что онъ—„по гетманскому указу“—продолжалъ брать стацѣю и послѣ того, какъ войтъ отправилъ его „роспись“ къ гетману. Понятно-де, что въ эту роспись не вошла позднѣйшая стацѣя...

Правъ ли былъ полуполковникъ или нѣтъ—нельзя рѣшить, такъ какъ розыскъ Измайлова по миргородскому стацѣйному дѣлу не былъ вполнѣ законченъ, вслѣдствіе того, что 25 мая 1666 г. Непейцынъ съ своимъ рейтарскимъ полкомъ „отпущенъ къ Москвѣ“. Отпустилъ его воевода О. Протасьевъ, не списавшись съ сыщикомъ Измайловымъ...

III.

Котелва.

Въ Котелвѣ стояли полки солдатскій Ивана *Грана* и рейтарскій Якова *Тура*, съ 15 іюля 1664 г., по февраль 1665 г. когда прибылъ туда сыщикъ Измайловъ. Чтобы показать составъ этихъ полковъ, привожу имена начальныхъ людей, упоминающихся въ Котелвинскомъ розыскѣ по стацѣйному дѣлу: маіоры Никита *Глазуновъ* и Яковъ *Колеръ*, ротмистры Мартынъ *Болманъ* и Иванъ *Улфъ*, капитаны Матвѣй *Гвоздовскій*, Евсей *Журавлевъ*, поручики Никифоръ *Овсяниковъ*, Андрей *Яблонской*, Илья *Боровской*, Петръ *Арентъ*, прапорщикъ Ѳедоръ *Сопуновъ* и др. Вообще, русскіе люди преобладали въ этихъ полкахъ иноземскаго строя, особенно среди начальныхъ людей низшихъ ранговъ, тѣмъ болѣе среди рядовыхъ.

Въ Котелвѣ, гдѣ московскихъ войскъ было больше, чѣмъ въ другихъ городахъ, много было недоразумѣнія между ратными и горожанами, какъ по стацѣйному дѣлу, такъ и по личнымъ столкновеніямъ. Послѣднихъ было особенно много, хотя они не были такъ крупны, какъ въ Гадячѣ.

Отъѣзжавшему въ Котелву сыщику Измайлову Мамчичъ и Кустъ сообщили полученный ими отъ котелвинскихъ властей

„листъ", въ которомъ тѣ жаловались на „*насильства* и *обиды нестерпимыя*" отъ московскихъ ратныхъ людей. Но такъ какъ это было „написано глухо" въ томъ листу, то Измайловъ, пріѣхавши изъ Гадяча въ Котелву, потребовалъ отъ мѣстныхъ властей точнаго указанія именъ обидчиковъ и подробностей самыхъ столкновеній. Котелвинскіе наказной полковникъ Ефимъ Яковлевичъ *Вечерка*, войтъ Филиппъ *Колесницкой*, „городовой атаманъ" Антонъ *Лайка* „градской писарь" Петръ Осиповъ, сотники Левъ Прокофьевъ, Мартынъ *Дорошенко*, Леско *Мантропов*ъ и др. представили Измайлову обстоятельную „роспись" столкновеній съ московскими ратными людьми за время съ 1 сентября по ноябрь 1665 г. Съ декабря ратные люди затихли, очевидно подъ вліяніемъ гадячскаго скандала съ Туромъ и въ ожиданіи пріѣзда сыщика... Данныя котелвинской „росписи" Измайловъ провѣрялъ очными ставками обвиняемыхъ ратныхъ людей съ истцами.

Какъ и въ Гадячѣ, и въ Котелвѣ приходится начинать перечень съ рейтарскаго полковника Якова *Тура*, который 1 сентября 1665 г. „*стрѣлялъ на дворы*, ѣздя по рынку", въ томъ числѣ „и на *господу*, гдѣ стоялъ" котелвинскій наказный полковникъ Ефимъ *Вечерка* и гдѣ „теперь пуля есть въ столбу въ томъ дворѣ"... Очевидно, разгулявшійся полковникъ праздновалъ выстрѣлами наступившій новый годъ (по тогдашнему московскому лѣтосчисленію)...

На розыскѣ (въ мартѣ) полковникъ Туръ сознался Измайлову, что дѣйствительно 1-го сентября онъ ѣздилъ по городу и стрѣлялъ, но будто бы направлялъ выстрѣлы „въ землю", а не на дворы и, если одна пуля засѣла въ столбѣ усадьбы Вечерки, то—наивничалъ полковникъ—„развѣ-де та пулька *всплыла*"...

„И послѣ очной ставки Я. Туръ съ Е. Вечеркою помирились"—обычное окончаніе почти каждой очной ставки въ розыскѣ Измайлова. Иногда еще прибавляется, что стороны „руки приложили" къ допросу. „Очныя ставки" въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли какіе-нибудь результаты: обыкновенно, въ серьезныхъ обвиненіяхъ московскіе ратные люди упорно и голословно отказывались отъ уликъ, представленныхъ котелвинцами, и стояли

на своихъ показаніяхъ, или измѣняли ихъ въ нѣкоторыхъ несущественныхъ подробностяхъ. Но въ пустячныхъ обвиненіяхъ они очень скоро сознавались, какъ бы удивляясь, что къ нимъ предъявляютъ такія обвиненія...

Но 1 сентября полковникъ Туръ не ограничился одною стрѣльбою по дворамъ, а учинилъ еще нѣсколько подвиговъ... Понадобилась ему какая-то *Павлиха*, очевидно—мѣстная кокотка, охотно водившая знакомство съ богатыми „москалями"... Долго полковникъ искалъ ее по городу и не могъ найти. Тогда, недолго думая, онъ „взялъ насильствомъ" на улицѣ какого-то мѣстнаго жителя Ерему *Тандетника* и повелъ его, самъ сидя на конѣ, „за волосы, своими руками, *абы казалъ Павлиху*".

Но Ерема не могъ указать Павлихи, и полковникъ скоро бросилъ его. Кто-то другой сказалъ Туру, что Павлиха находится въ хатѣ Ѳедора *Гнилосыра*. Полковникъ вернулся домой оставилъ коня и поѣхалъ за Павлихой въ своей „каретѣ". Гнилосыръ не хотѣлъ отпустить Павлиху, и Туръ, „напавши на дворъ, *побилъ* въ дому всѣхъ и, Павлиху взявши въ карету", привезъ ее въ свою „господу".

Гнилосыръ жаловался Измайлову не за отнятіе Павлихи и даже не за бой, учиненный полковникомъ въ его дворѣ, но на то, что будто бы Туръ захватилъ у него „пистоликъ малой"... Однако, никакихъ уликъ Гнилосыръ не представилъ, а Туръ увѣрялъ, что „пистоля" не бралъ. Но онъ сознался, что дѣйствительно пріѣзжалъ ко двору Гнилосыра и именно за Павлихою, но что Павлиха отправилась съ нимъ „*сама, по добротѣ*" своей...

Что касается Еремы Тандетника, то полковникъ увѣрялъ, что онъ Ерему „за волосы не водилъ и Павлихи у него не спрашивалъ. И Ерема *уличалъ* его Якова *вѣрою*, отвѣтчикъ Я. Туръ вѣру далъ Еремѣ *на душу*, и послѣ очные ставки Е. Тандетникъ съ Я. Туромъ помирились" и руки приложили (за Ерему подписался „мѣсной писарь").—Эта формула очень часто встрѣчается въ розыскѣ и также свидѣтельствуетъ, что очная ставка не дала новыхъ результатовъ, и стороны остались при своихъ первыхъ показаніяхъ.

Полковникъ Туръ продолжалъ безобразничать и послѣ 1 сентября. Такъ, 17 сентября, полковникъ „ѣдучи новымъ мѣстомъ, безвинно шпагою руки Андрею *Брыцѣ порубилъ*"... Но Туръ увѣрялъ, что ударилъ Брыцу „шпагою *плазомъ*" (т. е. плашмя), но не по рукѣ, а „по спинѣ" и именно „за то, что онъ его бранилъ *матерны*"...

20 октября Туръ „*побилъ* безвинно Филипа *Бурмистра*—своими руками *синеты* забилъ"...

Туръ говорилъ на розыскѣ, что Бурмистра не билъ, и дѣло будто бы происходило такъ: пьяный Филипъ шелъ ночью мимо полковничья двора, когда „*заказъ* былъ въ Котелвѣ *ввечеру* никому *не ходить*". Туръ велѣлъ людямъ своимъ „отвесть прочь" Филипа: только-де и было всего, а откуда взялись у него „синеты"—Туръ не знаетъ...

Имя Тура встрѣчается и въ описаніи подвиговъ другихъ ратныхъ людей, напр. въ исторіи рейтара его полка Никона *Кривцова* съ котелвинцемъ Иваномъ *Передерей*. 24 октября рейтаръ „нашедъ на *веселья* до Ивана Передеря, и тамъ *сварку* вчалъ"—подрался изъ-за чего-то съ хозяевами и гостями, „*схопилъ*" 2 шапки съ сыновей Ивана и бросился съ жалобою къ Туру. Полковникъ потребовалъ къ себѣ Передеря и сталъ его „*мордовать*"...

На розыскѣ Туръ говорилъ, что Кривцова теперь нѣтъ въ полку: онъ сбѣжалъ неизвѣстно куда. Но Туръ помнитъ его исторію съ Передерей: по его словамъ—рейтаръ не насильно вломился на „веселье" къ Передерю, но былъ „званъ на свадьбу", откуда прибѣжалъ къ Туру „битъ въ крови", въ чемъ обвинялъ Передеря съ сыновьями. Привели Передеря къ Туру, и тотъ велѣлъ его „сковать въ желѣзо" на одинъ часъ, а затѣмъ отдалъ пришедшему за нимъ наказному полковнику Ефиму Вечеркѣ. О шапкахъ, отнятыхъ Кривцовымъ у сыновей Передери, полковникъ не знаетъ, какъ и не понимаетъ заявленія Передери, будто эта исторія нанесла ему „убытку 19 золотыхъ"...

Передеря объяснилъ, что онъ далъ Туру „одну *тарель* (т. е. талеръ), чтобы ево росковалъ, да рейтару Никону (Кривцову) далъ 6 золотыхъ"...

Туръ на это обидчиво замѣтилъ: „хотя его Якова того тарелью и *поклепалъ* (Передеря), и онъ де тарель ему Ивану заплатитъ"... И дѣйствительно, Туръ „далъ ему Ивану на очной ставкѣ тарель"...

Около этого же времени, въ октябрѣ, отличались „челядники" того же Тура и ротмистра Мартына *Балмана*: ночью они напали на дворъ Өедора *Гнилосыра* и отняли у него „семрягу и чеботы"... Подробности этого грабежа неизвѣстны. Это—тотъ самый Гнилосыръ, на котораго Туръ точилъ зубы изъ-за Павлихи...

Не отставалъ отъ Тура и его коллега солдатскаго строя полковникъ Иванъ *Гранъ*, хотя подвиговъ его занесено въ розыскное дѣло гораздо меньше. Такъ, 31 октября Гранъ послалъ своего челядника Леску, съ нѣсколькими солдатами, на дворъ козака Матюшки, у котораго шло *„веселье"—„по музыку"*. Но Матюшка „музыки" не отпустилъ и вмѣстѣ съ гостями своими избилъ „ослономъ" Леску и солдатъ. Мало того: у Лески тамъ отняли „2 ножа нѣмецкаго дѣла", „рукавицы червчатые нѣмецкіе", саблю, кафтанъ, шапку и „2 золотыхъ червонныхъ, съ платомъ". Гранъ послалъ туда поручика Илью *Боровскаго*, съ командою салдатъ, выручать Леску и взять Матюшку съ сыновьями и гостями. Всѣ они были переданы полковнику Вечеркѣ, который ихъ „сажалъ на пушки" за избіеніе Лески.

1 ноября Иванъ Гранъ, „нашедчи на дворъ до Якова *Перекреста*, въ ночи и съ челядью, и великія насильства чинилъ, *ломячись* въ комнату *до жены* Яковлевой"...

Гранъ увѣрялъ на розыскѣ, будто Перекрестъ „звалъ его къ себѣ въ гости", и онъ пошелъ къ нему съ 2 челядниками, но никакого „насильства" не чинилъ...

Повидимому, Яковъ Перекрестъ торговый человѣкъ: 2 ноября Гранъ „взялъ" у Перекреста „2 локтя червонного *кармазину*" на 20 „золотыхъ" „*бунтъ швабскаго полотна*" и желѣза на 20 алтынъ, сафьяну на 1 рубль.

Гранъ увѣрялъ, что за 1 локоть сукна отдалъ 3 „тарели“, а остальное-де Перекрестъ ему „подарилъ“... Однако, „послѣ очной ставки“ Гранъ „расплатился“ съ Перекрестомъ...

У Кузьмы *Краморя* Гранъ взялъ 25 *шинъ* и заплатилъ за шину по 7 копѣекъ, т. е. *не доплатилъ* по 5 коп. за шину... Но на розыскѣ Гранъ „у вѣры росплатился“ съ Кузьмою.

У того же Краморя и Туръ бралъ желѣзо и ничего не заплатилъ. А на розыскѣ Туръ, „не ходя въ очную ставку— расплатился“ съ Краморемъ...

Вообще, оба полковника, Туръ и Гранъ, и другіе начальные люди ихъ полковъ очень щедро пользовались даровою работою котелвинцевъ, или даромъ брали въ лавкахъ разные предметы, хотя за все это обѣщали заплатить. Нѣкоторые еще коечто платили до розыска, но большинство „платы не дали“ въ свое время и только у розыска вынуждены были „росплатиться“... Изъ длиннаго перечня этихъ неблаговидныхъ проступковъ ратныхъ людей привожу, для примѣра, нѣкоторые:

Полковнику Туру котелвинцы даромъ обили желѣзомъ 3 „скарбныхъ воза“, дали 11 паръ „ чеботъ“, 8 овчинъ, 3 воловьи шкуры, „дѣлали шубы“ и другое платье, оковали на 4 ноги 14 коней, „уробили“ 7 паръ пистолетовъ и пр. и пр.

Полковнику Грану Савка *Слюсаръ* „робилъ“ 7 паръ пистолетовъ, оковалъ 7 возовъ и пр. Онъ же Слюсарь маіору Никитѣ Глазунову „осадилъ“ 2 пары пистолетовъ и пр. Маіору Якову Колеру оковали возъ, ротмистру М. Балману оковали 2 воза и подковали 4 коней, ротмистру Ивану Улеру „уробили *рыдванъ*“, сани, 2 пары чоботъ, 5 паръ подковъ и проч. Поручикъ Петръ Аркытъ взялъ у Кузьмы Краморя 2 сабли и т. д. и т. д.

По всѣмъ этимъ незаконнымъ поборамъ подавали сыщику Измайлову „скаски“ котелвинскіе „*цехмистры*“ разныхъ цеховъ—„*шевскаго*“, „*резницкаго*“, „*колесницкаго*“, „*кушнерскаго*“ и др.

IV.

Ромны.

Съ Роменъ (или *Рамони*) собирали стацѣю всего больше *Донскіе* козаки, у которыхъ также произошли недоразумѣнія съ роменцами по стацѣйнымъ разсчетамъ. Сборъ стацѣи производился на основаніи гетманскаго „листа", предписывавшаго „Рамонскому атаману, и войту, и инымъ мѣщанамъ" давать донскимъ козакамъ „всякую стацѣю *безъ отказу*, по росписямъ" Гадячскаго воеводы Ѳедора Протасьева. Съ гетманской стороны и здѣсь завѣдывалъ стацѣйнымъ сборомъ наказной обозной Иванъ Кустъ, но онъ лично не присутствовалъ въ Ромнахъ и только посылалъ туда своихъ козаковъ, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, пріѣзжавшими въ Ромны за стацѣей. Непосредственное наблюденіе въ городѣ за стацѣйнымъ сборомъ имѣли войты Грицько Ильинъ и Пахомъ Даниловъ и другія роменскія власти.

И здѣсь, какъ и въ другихъ городахъ, гдѣ собиралась стацѣя, сыщикъ Измайловъ нашелъ большую путаницу въ стацѣйныхъ росписяхъ: въ рѣдкихъ случаяхъ донскія и роменскія росписи стацѣй вѣрно совпадали другъ съ другомъ, но чаще встрѣчались разности—то въ роменскихъ стояли болѣе крупныя цифры, чѣмъ въ донскихъ, то наоборотъ. Иногда разница была очень большая, напр. въ одной донской росписи было показано 86 осмачекъ урожая муки, а въ роменской только 22 осмачки и т. п.

Разобраться въ этой „лишней стацѣѣ" было невозможно: у „стацѣйнаго пріема" въ Ромнахъ находился присланный воеводою Протасьевымъ донской козакъ Евсей Мироновъ, но самъ онъ стацѣйныхъ росписей не составлялъ, а только „сказывалъ" воеводѣ разныя стацѣйныя цифры, и уже въ воеводскомъ управленіи составлялись росписи, на основаніи словесныхъ докладовъ Миронова (очевидно, онъ былъ безграмотенъ). Эти росписи, составленныя по памяти и потому ошибочныя, Протасьевъ отдавалъ обозному Ивану Кусту.

Но и роменскія росписи также велись небрежно и составлялись по памяти. Почему-то въ Ромнахъ ихъ не составляли и роменцы, доставляя стацѣйные припасы въ Гадячъ, сдавали ихъ по принадлежности безъ росписей. Потомъ уже самъ Кустъ составлялъ росписи стацѣи, безъ участія самихъ роменцовъ.

Сыщикъ Измайловъ не могъ разобрать всю эту путаницу уже по тому одному, что не могъ дать „очныхъ ставокъ" роменцамъ съ донскимъ козакомъ Е. Мироновымъ. Во время розыска Миронова не было на лицо и его никакъ не могли найти: онъ былъ раньше отпущенъ въ Бѣлгородъ, „въ челобитчикахъ" отъ своихъ товарищей донскихъ козаковъ, къ боярину воеводѣ кн. Б. А. Репнину. Послали за нимъ въ Бѣлгородъ, но тамъ онъ не оказался—„не сысканъ". Такимъ образомъ роменское дѣло о стацѣйномъ сборѣ „не вершено" стольникомъ Измайловымъ.

Но по поводу роменскаго стацѣйнаго дѣла возникли еще слѣдующія два дѣла о личныхъ столкновеніяхъ роменцевъ съ ратными людьми.

На розыскѣ войтъ роменскій Пахомъ Даниловъ показалъ, что пріѣзжавшимъ въ Ромны для стацѣйнаго сбора донскимъ козакамъ Кондрату Бѣлому съ 4 товарищи роменцы „дали", по требованію козаковъ, 5 паръ сапоговъ, стоимостью въ 1 рубль 16 алтынъ 4 деньги. Бѣлой съ товарищи не отвергали, что получили отъ войта 5 п. сапоговъ, но увѣряли, что сапоги даны имъ „впочесть (т. е. какъ подарокъ), а силою сапогъ (они) не имывали"... Однако войтъ Даниловъ доказывалъ противное, и сыщикъ Измайловъ постановилъ: „и за тѣ сапоги на Кондраткѣ (Бѣломъ) съ товарищи *доправлены* по цѣнѣ деньги рубль 16 алтынъ 4 деньги и отданы съ роспискою войту" Данилову.

Другое дѣло—о „бочкѣ меда", выпитой въ Ромнахъ двумя нѣмцами-офицерами... Тотъ же войтъ Пахомъ Даниловъ жаловался сыщику Измайлову, что какой-то „*нѣмчинъ*", пріѣзжавшій изъ Гадяча въ Ромны для стацѣйнаго сбора, вмѣстѣ съ поручикомъ Петромъ *Мичюровымъ*, „отбилъ погребъ" у мѣстнаго жителя Ѳедора *Дьяка* и „*выпилъ бочку меду*", которая стоила 10 „тарелей"...

Этотъ фактъ видимо заинтересовалъ Измайлова, и онъ ревностно сталъ искать этого „героя", съумѣвшаго выпить цѣлую бочку меду въ одинъ присѣстъ. Оказалось однако, что войтъ ошибся: не одинъ, а 3 или 4 „нѣмчина" одолѣли бочку Ѳедора Дьяка, ничего ему не заплативши...

Поиски свои сыщикъ началъ съ допроса указаннаго войтомъ поручика П. Мичюрова, который показалъ: былъ онъ посланъ въ Ромны для стацѣйнаго сбора одинъ, но при немъ и отдѣльно отъ него присланы для того же сбора еще 2 начальныхъ человѣка—нѣмцы поручикъ Андрей *Тилликортъ* и прапорщикъ Филипъ *Саѳаленъ*. Но Мичюровъ не знаетъ—отбили-ли они погребъ у Ѳ. Дьяка и „бочку выпили-ль", а помнитъ только, что къ нему приходилъ роменскій войтъ и дѣйствительно обвинялъ тѣхъ нѣмцевъ въ разгромѣ погреба и сокрушеніи бочки.

Герои были найдены, но по скромности не сознавались сначала въ своемъ подвигѣ: и Тилликортъ, и Саѳаленъ отвергали показаніе войта—они-де „меду бочки не выпивывали"... Въ подтвержденіе они ссылались на свидѣтельство ѣздившаго съ ними въ Ромны отъ обознаго Ив. Куста гадяцкаго есаула Юски, „а чей словетъ" (т. е. какое его прозвище)—нѣмцы не знають.

Но Измайловъ нашелъ и Юску—оказался есаулъ Юско *Булаенко*, который нѣсколько раскрылъ завѣсу надъ похожденіями нѣмцевъ въ Ромнахъ. Булаенко разсказалъ: о погромѣ нѣмцами погреба роменца Дьяка онъ ничего не знаетъ. Но онъ слышалъ, какъ нѣмцы „просили себѣ пива и меду" у роменскаго войта, на что войтъ имъ отвѣтилъ: „ у насъ меду нѣтъ, а пива-де гарнецъ къ вамъ принесу"...—Нѣмцы настаивали: „буде вы меду не дадите, мы и сами сыщемъ!"..—Войтъ поторопился удовлетворить ихъ—„велѣлъ *шинкаркѣ* принести 2 *коновки* меду". Скоро „той господы хозяинъ", гдѣ остановились нѣмцы, принесъ „2 *конвы* меду", который нѣмцы съ есауломъ „выпили вмѣстѣ". Но какъ разгорѣлась дальше жажда у нѣмцевъ и какъ они отъ „коновокъ" перешли къ бочкѣ меду—есаулъ умолчалъ...

Однако войтъ продолжалъ настаивать, что нѣмцы, дѣйствительно, „отбивъ погребъ, выпили бочку меду" у Ѳедора Яковлева Дьяка, причемъ войтъ добавилъ, что очевидцемъ нѣмецкаго дебоширства былъ поручикъ Петръ Мичюровъ. На Мичюрова слались и нѣмцы, въ подтвержденіе своихъ показаній. Тогда Мичюровъ долженъ былъ сознаться, что въ первомъ своемъ показаніи онъ умолчалъ о многомъ... Дѣло еще было такъ: когда войтъ прибѣжалъ къ нему съ жалобою на бушевавшихъ нѣмцевъ, поручикъ пошелъ съ войтомъ на дворъ Дьяка и видѣлъ еще съ улицы, какъ „Ондрей (Тилликортъ) и Филипъ (Саѳаленъ) съ товарищи (вѣроятно что были 2—3 солдата, или челядники нѣмцевъ) *медъ изъ погреба носятъ и пьютъ*"... Войдя во дворъ, Мичюровъ нашелъ обоихъ офицеровъ въ „свѣтлицѣ" Дьяковой хаты и „товарищи-де Андреевы и Филиповы изъ погреба на Федохинѣ дворѣ носятъ въ свитлицу медъ конвамы и пьютъ"...

Мичюровъ „почалъ имъ говорить, что они дѣлаютъ *нехорошо*—погребъ отбили и медъ пьютъ *насильствомъ*"... Нѣмцамъ эти рѣчи не понравились, и Сафаленъ „зато ево Петра ударилъ обухомъ"... Конечно, уговоры Мичюрова нисколько не подѣйствовали на пьяную компанію, и она продолжала свое дѣло, пока не покончила бочку меду. Прекратить безчинство Мичюровъ не могъ, такъ какъ былъ въ Ромнахъ одинъ, безъ команды солдатъ.

Когда сыщикъ Измайловъ упрекнулъ Мичюрова за первое невѣрное показаніе, Мичюровъ оправдывался такъ: „въ прежнемъ роспросѣ онъ Петръ про то не сказалъ потому, что-де они (нѣмцы) въ томъ на него (сначала) не слались"...

Измайловъ не сталъ добиваться сознанія нѣмцевъ и постановилъ: „и по общей ссылкѣ (т. е. по показаніямъ обвинителя войта и свидѣтеля Мичюрова) на Андреѣ Тилликортѣ съ товарищи, за бочку меду *доправлено* 10 тарелей", кои отданы „съ роспискою" роменскому войту Пахому Данилову для передачи пострадавшему Ѳ. Дьяку.

V.

Опошня.

Съ Опошни стацѣю брали на полкъ Николая *Балка*, также на основаніи гетманскаго „листа“ и подъ ближайшимъ наблюденіемъ Ивана Куста, которому Балкъ отдавалъ полученныя отъ начальныхъ людей своего полка „росписки“ на взятые стацѣйные припасы.

Любопытна „скаска“ Куста, поданная на розыскѣ сыщику Измайлову. Кустъ между прочимъ пишетъ: „отъѣзжаючи приказалъ ему Ивану *гетманъ* въ Гадячѣ съ воеводою съ Ѳедоромъ Протасьевымъ быть *въ любви* и *въ совѣтѣ*, и по гетманскимъ-де листамъ, что велѣно, давать стацѣю съ Опошни, съ Ромна и съ Миргорода. И онъ обозной гетманскому указу *противенъ* ни въ чемъ *не былъ*“... Гетманъ приказалъ Кусту внимательно „досматривать“ за стацѣйнымъ дѣломъ и наблюдать, чтобы московскіе начальные люди „стацѣю *по мѣрѣ брали, а не съ досадою*“ для населенія... Однако, эта „досада“ скоро проявилась... Когда въ Опошню былъ посланъ съ „нѣмчиномъ“ *Трутманомъ* гадяцкой козакъ для наблюденій при сборѣ стацѣи—„и Трутманъ нѣмчинъ того козака билъ и *увѣчилъ* безвинно, и *что хотѣли* стацѣи, то и *брали*“... Очевидно, за то и били посланнаго козака, что онъ былъ помѣхою при незаконномъ сборѣ лишней стацѣи. Другого же Кустовскаго козака *Скидаченка* московскіе ратные люди даже „въ Гадячъ выслали“ изъ Опошни, чтобы онъ не мѣшалъ имъ своевольничать... Они взяли здѣсь „большую стацѣю“, но „*всей* стацѣи въ роспискахъ *не писали*“. Кромѣ того, они писали въ своихъ росписяхъ, „будто де брали *немощные* яловицы—одногодки и бараны *худые*“, а въ дѣйствительности брали у опошенцевъ самыхъ „добрыхъ“ яловицъ и барановъ... Подлинныя московскія „росписки“ Кустъ отправилъ черезъ гетмана въ Москву, оставя у себя „списки“, кои и представилъ на розыскѣ Измайлову.

Гадяцкаго козака, избитаго Трутманомъ, не нашли, но козакъ Романъ Скиданенокъ явился къ сыщику и заявилъ: съ

Трутманомъ онъ не ѣздилъ въ Опошню и ничего не знаетъ о его стычкѣ съ Кустовскимъ козакомъ. Онъ былъ въ Опошнѣ для стацѣйнаго сбора съ „нѣмчиномъ" Вилимомъ *Полсуномъ*, который-де „стацѣю сбиралъ по указу", а не „своевольствомъ"... Личными отношеніями Полсуна Скидаченко остался доволенъ: нѣмчинъ „не бивалъ" его и пр.

Возможно, конечно, что Полсунъ добросовѣстно собиралъ стацѣю, но за то другіе начальные люди нисколько не церемонились и „что хотѣли, то и брали"... Сыщикъ Измайловъ, провѣряя росписи Балка съ росписями Опошенскаго войта Левка *Макаренка*, нашелъ большую разницу между ними, напр.: у Балка было показано 454½ осмачки ржаной муки, 118 осмачекъ овса и т. д., а у Макаренки—531 осмачка ржаной муки (на 76½ осмачекъ больше), 180 осмачекъ овса (на 62 осмачки больше) и т. д.

Полковникъ Н. Балкъ на розыскѣ объяснялъ: отчего произошла такая большая разница—онъ „не вѣдаетъ" и „развѣ-де потому лишняя стацѣя объявилась, что онъ Николай у опошенцовъ пріималъ муку и овесъ *въ Гадяцкую мѣру, а Опошенская мѣра меньши* Гадяцкой мѣры"... Но полковникъ не указалъ точно разницы между этими двумя „мѣрами". Притомъ же, Опошенскій войтъ Макаренко утверждалъ, на очной ставкѣ что опошенцы отдавали Балку стацѣю именно „ въ Гадяцкую мѣру, а не въ Опошенскую, и ту-де (Гадяцкую) мѣру и въ росписи своей написали"...

Затѣмъ войтъ Макаренко жаловался сыщику Измайлову, что присланный въ Опошню для стацѣйнаго сбора капитанъ салдатскаго строя Симонъ *Сонъ* съ товарищи „набралъ *напоемъ* 5 *цебровъ* меду, да 7 цебровъ пива"...

Капитанъ Сонъ оправдывался такъ: былъ онъ въ Опошнѣ 2 недѣли, и войтъ Опошенскій „приносилъ на дворъ, а въ иное время присылалъ съ мѣсскими ясаулы пива по *конвѣ* на день" и именно „*вчесть*, а насильствомъ-де они и напоемъ у войта ничего не имывали"... Капитанъ ссылался въ томъ на бывшихъ съ нимъ въ посылкѣ товарищей Степана Гнѣдина и Афанасья Ѳедянинова, а также на посланнаго Кустомъ гадяцкаго козака

Алексѣя Захченка (онъ же Токченко). Показанія Сона подтверждали всѣ эти свидѣтели—Токченко и др.

Въ такомъ же проступкѣ обвинялъ войтъ маіора Балкова полка Гедеона *Франка*, пріѣзжавшаго въ Опошню 27 ноября 1665 г.: маіоръ-де выпилъ у войта „2 цебра пива"...

Франкъ подтвердилъ это: съ нимъ послано было въ Опошню 5 салдатъ и они пробыли въ городѣ 3 дня, причемъ самъ войтъ и мѣщане вполнѣ добровольно, безъ всякаго принужденія, приносили имъ по одному цебру пива „на пріѣздѣ" и „на отъѣздѣ". Мало того: по приказу обознаго Куста, опошенцы должны были „кормить и поить" салдатъ, что они дѣйствительно и дѣлали, и приносили имъ ежедневно вино—всего около 1½ „кварты" за 3 дня. Все это подтвердилъ и гадячскій козакъ, посланный Кустомъ сопровождать маіора въ Опошню.

Но эти недоказанныя обвиненія не смущали войта Макаренка, и онъ продолжалъ выкладывать передъ Измайловымъ новыя обвиненія противъ московскихъ начальныхъ людей. Такъ Балкова полка капитана Никиту *Владиславлева* войтъ обвинялъ въ такомъ же гомерическомъ пьянствѣ, какимъ отличились въ Ромнахъ нѣмцы Тилликортъ и Сафаленъ..; русскій капитанъ однако значительно уступилъ своимъ нѣмецкимъ сотоварищамъ: капитанъ съ 5 товарищи выпили пива *2 бочки* и *22 цебра*, но въ продолженіе 5½ недѣль...

Показаніе войта: капитанъ Владиславлевъ съ товарищи „*набралъ* 22 цебра пива, да 2 бочки пива жъ, да товарищи-де ево Микитины *отняли* горшокъ масла"... Пріѣзжали они въ Опошню для стацѣйнаго сбора.

Объясненіе Владиславлева: съ нимъ пріѣзжали въ Опошню капитанъ Вилимъ *Палсонъ* (см. о немъ выше), поручики Александръ *Хорошой* и Богданъ *Перской*, прапорщикъ Яганъ *Грилсонъ*. Прожили они здѣсь 5½ недѣль, получая каждый день отъ войта и мѣщанъ по ведру пива, также извѣстное количество хлѣба, мяса, рыбы и проч.—„чѣмъ имъ сытымъ быть"... Сколько именно чего они выпили и съѣли—капитанъ не помнитъ, такъ какъ тѣ припасы имъ „приносили не вдругъ", не сразу, а носили ежедневно, по мѣрѣ надобности и по аппетиту офицер-

скому глядя... Капитанъ не записывалъ этихъ приношеній, такъ какъ-де это кормленіе входило въ обязанности опошенцевъ, принимавшихъ всѣ мѣры къ ублаготворенію незванныхъ гостей... Но капитанъ хорошо-де помнитъ, что онъ и товарищи его благодушно принимали все приносимое имъ, „а насильствомъ-де ничего не имывали" у опошенцовъ...

Правда, вышелъ непріятный казусъ съ „горшкомъ масла"... Но и тутъ де виноваты не то опошенцы, не то аппетитъ офицерскій... Честью увѣрялъ капитанъ, что товарищи его „у бабы горшка масла не имывали"... Дѣло же происходило гораздо проще; опошенцы должны были представить въ стацѣю и масло коровье, но „стацѣйнаго масла не достало по вѣсу въ пудъ". Опошенцы заупрямились и не захотѣли восполнить недостающее количество масла. Начальные люди исполнились жалости къ опошенцамъ и не стали ихъ принуждать къ доставкѣ масла „въ дополнку въ тотъ пудъ". Однако, дополнить его было необходимо, такъ какъ въ Гадячѣ не приняли бы отъ нихъ неполнаго пуда... Но тутъ случай помогъ горевавшимъ офицерамъ. На ихъ счастье какой-то „мужикъ" привезъ къ нимъ на дворъ свиную тушу, доставленную отъ города въ счетъ стацѣи. Стали ратные люди принимать свинью и кстати обшарили возъ мужика: и что же!... въ возу какъ нарочно оказался „горшокъ масла", привезенный мужикомъ для продажи на базарѣ... Конечно, горшокъ былъ немедленно конфискованъ для государевыхъ ратныхъ людей, а мужикъ отпущенъ на всѣ четыре стороны безъ всякаго „насильства"... Пробовалъ было мужикъ протестовать, но ему посовѣтовали съ этими претензіями обратиться къ войту и мѣщанамъ... Горшокъ же присоединили къ другимъ стацѣйнымъ припасамъ и бережно доставили въ Гадячъ, гдѣ и сдали въ свой полкъ.

Въ Гадячъ же—увѣрялъ капитанъ Владиславлевъ—онъ доставилъ и 3 бочки пива и отдалъ ихъ Балку, вмѣстѣ съ разными „стацѣйными хлѣбными запасами". Въ Опошнѣ-же капитанъ и его товарищи не истребляли 2 бочекъ пива, какъ говоритъ войтъ, а пили только то пиво, которое ежедневно доставлялось имъ на постоялой дворъ.

Но войтъ доказывалъ, что „сверхъ стацѣйныхъ 3 бочекъ пива“, увезенныхъ въ Гадячъ, капитанъ Владиславлевъ съ товарищи взяли у него еще 2 бочки пива и „выпили въ Опошнѣ, а въ Гадячъ не возили“...

Сыщикъ Измайловъ, повидимому, не убѣдился доводами войта Макаренка: по крайней мѣрѣ больше не допрашивалъ Владиславлева и его товарищей и не заставилъ ихъ заплатить за 2 бочки пива, какъ постановлено было въ аналогичномъ случаѣ относительно Тилликорта и Сафалена...

Послѣднія обвиненія войта касаются уже упомянутаго выше капитана Симона *Сона*. Войтъ говорилъ, что пріѣзжавшій вторично въ Опошню, 26 октября, Сонъ съ товарищи, дорогою въ селахъ и деревняхъ опошенскаго уѣзда „*взяли* на себя стацѣи *денегъ* рубль 24 алтына 4 деньги“...

Сонъ доказалъ, что въ указанныхъ войтомъ селахъ и деревняхъ „онъ не бывалъ и стацѣи деньгами не имывалъ“ съ крестьянъ, да и въ Опошнѣ онъ былъ всего одинъ только разъ для стацѣйнаго сбора (см. выше, гдѣ войтъ обвинялъ Сона, что онъ „набралъ напоемъ“ нѣсколько цебровъ пива и меда). Очевидно, что войтъ смѣшалъ его, Сона, съ товарищемъ его Степаномъ *Гнидинымъ*, который дѣйствительно пріѣзжалъ въ Опошню для стацѣи 26 октября, но отдѣльно и самостоятельно отъ Сона.

Степанъ Гнидинъ показалъ, что знаетъ указанныя войтомъ села и деревни, но самъ въ нихъ не бывалъ и никакихъ денегъ отъ тамошнихъ крестьянъ не получалъ. Но Гнидинъ знаетъ, что въ тѣ села ѣздили для стацѣйнаго сбора „квартерместеръ“ Ларіонъ *Хомяковъ* и поручики Андрей *Рыхортъ* и Григорій *Волченской*. Ѣздили они туда вмѣстѣ съ Опошенскимъ бурмистромъ. Но брали-ли они деньги съ крестьянъ—Гнидинъ не знаетъ.

Сыщикъ Измайловъ допросилъ Хомякова, и тотъ долженъ былъ сознаться, что дѣйствительно былъ съ Рыхортомъ и Волченскимъ въ указанныхъ селахъ и деревняхъ и „съ жителей стацѣю *деньгами имали*“, именно взяли съ крестьянъ „8 золотыхъ (т. е. злотыхъ) и 7 *шаговъ*“. Но Хомяковъ увѣрялъ, будто они не требовали денегъ съ крестьянъ, которые „давали-де тѣ деньги имъ впочесть“, добровольно.

Поручики Рыхортъ и Волченской показывали тоже самое, что и Хомяковъ, однако сыщикъ Измайловъ постановилъ взыскать со всѣхъ ихъ 1 рубль 24 алтына 4 деньги. Деньги были „доправлены" съ начальныхъ людей тутъ же, во время розыска и переданы опошенскому войту Макаренкѣ.

Наконецъ, войтъ обвинялъ пріѣзжавшихъ съ Сономъ нѣмцевъ въ томъ, что они „взяли *насильствомъ* 10 барановъ" у опошенцовъ...

Сонъ утверждалъ, что знаетъ только о 5 баранахъ, да и тѣ получены-де были отъ войта „вчесть".

Войта привели къ присягѣ, послѣ которой онъ продолжалъ настаивать, что товарищи Сона „взяли всѣ 10 барановъ у него насильствомъ"... Сыщикъ тогда „доправилъ" съ Сона и его товарищей по 20 алтынъ за барана и деньги отдалъ войту.

Этимъ приговоромъ и заканчивается „розыскное дѣло" стольника И. А. Измайлова, которое онъ велъ почти полгода— съ конца января до половины іюня 1666 г. Еще въ маѣ Бѣлогородскій воевода бояринъ кн. Б. А. Репнинъ писалъ Измайлову, чтобы онъ возвращался въ Бѣлгородъ, если „у него стацѣйныя и всякія дѣла въ довершеніе дошли". Хотя многія розыскныя дѣла далеко не были закончены, но Измайловъ не сталъ дожидаться окончанія ихъ, такъ какъ встрѣтилъ разныя препятствія и задержки и не разсчитывалъ на возможность когда либо вполнѣ закончить эти дѣла.

17 іюня Измайловъ вернулся въ Бѣлгородъ и подалъ Репнину „невершенымъ дѣломъ перечневую роспись". Изъ этой росписи между прочимъ видно, что опошенское „стацѣйное дѣло потому и не вершено" Измайловымъ, что гадячскій воевода Ѳедоръ Протасьевъ не прислалъ въ Котелву (гдѣ Измайловъ производилъ опошенскій розыскъ) полковника Микулая Балка, а гетманъ Брюховецкій съ своей стороны не высылалъ (вторично) въ Котелву опошенскихъ войтовъ и другихъ черкасскихъ властей. Гетманъ писалъ Измайлову, что „войтовъ *за тревогою* въ Котелву прислать не мочно".

Хотя, такимъ образомъ, розыскъ не былъ вполнѣ законченъ Измайловымъ, но и изъ того, что имъ было сдѣлано, мы видѣли, что московскій сыщикъ отнесся къ своей задачѣ вполнѣ добросовѣстно. Своихъ людей—московскихъ ратныхъ—онъ нисколько не щадилъ и ни разу не покрылъ ихъ грѣховъ. Если преступленія ратныхъ людей были доказаны, Измайловъ наказывалъ ихъ сейчасъ же, безъ всякаго снисхожденія, не разбирая ни чина, ни званія. Несомнѣнно, это былъ человѣкъ въ высшей степени честный и справедливый и, кромѣ того, отлично понимавшій, что въ виды московскаго правительства никакъ не могло входить стремленіе раздражать своихъ новыхъ подданныхъ. Измайловъ постарался изгладить своимъ—*иногда можетъ быть и черезчуръ*—строгимъ розыскомъ то дурное впечатлѣніе, какое естественно зародилось въ малорусскомъ населеніи при первомъ знакомствѣ съ московскими ратными людьми. Измайловъ наглядно показалъ, что и Москва, если захочетъ, можетъ быть справедлива, что и въ Москвѣ можно при случаѣ найти управу на беззаконія сильныхъ надъ безсильными... Насколько удалось ему убѣдить въ этомъ черкасъ—не знаю, но полагаю, что кое-чего онъ достигъ и заронилъ среди нихъ не одно зерно довѣрія къ московскому правительству... Словомъ, миссію свою Измайловъ исполнилъ очень умно и честно, обнаруживши въ себѣ качества не зауряднаго московскаго дѣятеля XVII вѣка.

Н. Оглоблинъ.

Дядько-землякъ.

(Разсказъ).

(ОКОНЧАНІЕ)[1].

VI.

Пріѣхали на ст. Ворожбу. Красивое вокзальное зданіе стоитъ на значительномъ отлогомъ холмѣ. Съ платформы вокзала видно далеко, далеко... Въ широкомъ раздольномъ просторѣ зеленѣющихъ полей видно тутъ много селъ и деревень, тонущихъ въ садахъ; а дальше пошли лѣса, потомъ — опять поля... Вотъ тамъ за полями и лѣсами на горизонтѣ, въ синевѣ, виднѣется не то мѣстечко, не то городъ... Кто его разберетъ?

Дядько любовался картиной всё время стоянки поѣзда и разспрашивалъ меня, какъ звать то или другое село, какой это уѣздъ, и какая тутъ идетъ рѣка, и есть ли въ ней рыба? Понятно, что я далеко не на всѣ вопросы могъ дать удовлетворительный отвѣтъ; но замѣчательно, что до Ворожбы дядько совершенно почти не выходилъ изъ „машины“ и не интересовался...

Онъ перемѣнился: сдѣлался сосредоточеннѣе и молчаливѣе. Близость родины дѣйствовала на него возбуждающимъ образомъ и въ тоже время набрасывала на него печать сдержанности и молчаливости. Онъ теперь болѣе наблюдалъ, думалъ и соображалъ... и даже какъ будто стыдился своей прежней болтливости

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 11.

и шутливости. Онъ сталъ серьезенъ и на предлагаемые ему вопросы отвѣчалъ кратко.

Мѣсто его оставалось пустое. Онъ съ своимъ узломъ окончательно переселился къ окну для наблюденія.

— Замѣчательный старикъ, говорили въ вагонѣ, всё время стоитъ...

— Родину почуялъ и сѣсть не хочетъ... интересуется все...

Дядько слышалъ замѣчанія на свой счетъ, но не оглядывался. Ему пріятно было, что онъ своимъ исключительнымъ поведеніемъ обращаетъ общее вниманіе публики. Онъ былъ радъ и еще больше погрузился въ созерцаніе.

На одной изъ станцій сѣлъ малороссъ, съ виду не то приказчикъ, не то писарь. Узнавши, что дядько ѣдетъ изъ Сибири на Волынь, онъ принялся, по обычаю всѣхъ своихъ соотчичей, въ минуту вынужденной праздности говорить по адресу дядька разныя полушутливыя замѣчанія.

— Але у̂ дядька чоботы настоящои Пеньковскои роботы... Оце дыво: прожывъ чоловикъ двадцять симъ литъ, а на ему хоть бы що зминылося... и свытка, и поясъ и шапка... все таке, що сказавъ бы въ Конотопи на ярмарци купывъ.

Дядько ничего не сказалъ въ слухъ; но мнѣ было слышно, какъ онъ процѣдилъ въ полъ-голоса: „а на тоби, голодранцю, все переминылося, хочь ты и завше въ Конотопи буваешь на ярмарци".

— А почимъ дядько тютюнъ куповавъ? не прекращалъ своихъ замѣчаній тотъ. Котикъ стоялъ у окна и курилъ. Дымъ вѣтромъ относился въ вагонъ. Може то японскій? Чи багато везете его въ Пеньково? Дядьку?

Видя, что дядько упорно молчитъ,—прикащикъ перестал дѣлать замѣчанія.

Въ Нѣжинѣ дядько обратилъ вниманіе на куполы церквей и колоколенъ, выглядывавшихъ невдалекѣ отъ вокзала среди садовъ и зелени.

— То Кіевъ? спросилъ онъ, тревожно указывая на церкви и держась за узлы.

— Ни, ще далеко до Кіева.

— Панычъ скажуть, колы буде Кіевъ?

— Скажу... ще не хутко.

— А я думавъ, що Кіевъ.

— А дядько въ Кіевѣ не буде останавливаться?

— А якъ-же можно?! Треба.. треба статы на дня три, або й чотыри. Треба Богу помолытыся, подзинковаты, що Господь Богъ сподобывъ... Тамъ, кажуть, святы пещеры... А якъ-же, треба... О, теперь... теперь...

И вдругъ, не выдержавши, старикъ бросился безъ всякой видимой причины обнимать перваго попавшагося ему подъ руки. Крѣпкими своими руками обхватилъ онъ сидѣвшаго ближе къ нему какого-то крестьянина тоже малоросса... и повисъ на нѣсколько секундъ. Тому видно не особенно пріятно было такое безпричинное изліяніе чувствъ, и онъ старался освободиться отъ объятій.

— Что, что такое? кинулись всѣ въ вагонѣ.

Но растроганный старикъ не могъ сказать ни слова отъ давившаго его волненія. Возбужденный, стоялъ онъ во весь свой ростъ, какъ-то кисло улыбаясь; на рѣсницахъ у него дрожала слеза... Выраженіе лица его словно говорило: „судите, какъ хотите... а я не могу... Мнѣ хочется обнять кого-нибудь... обнять крѣпко, щиро, хотя бы это и непріятно было тому, кого я обнимаю“.

— Не выдержалъ старый...

— Запевне... стильки литъ не бачивши своихъ... Плаче...

Онъ снова уткнулся въ окно и какъ бы вытиралъ слезу. Ему немножко, кажется, стыдно было, совѣстно отъ несдержанности. Онъ что-то такое шепталъ про себя и ковырялъ пальцами въ углу оконной рамы. Должно быть онъ думалъ: „крипывся, крипывся всю дорогу, а пидъ кинець таки не вытрымавъ... роскисъ, якъ дурень якій... Воно-то певне ничого... але все таки якось ніяково... Ну, тай щожъ, що я его поцилувавъ?!. Не вытримавъ“.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно было „вытримать“, когда послѣ двадцатисемилѣтней разлуки съ своими, послѣ столь продолжительнаго пребыванія въ Сибири, ему опять дали

возможность видѣть родину? Предъ нимъ опять открылись *знакомыя* картины родной жизни, хотя эти картины онъ видѣлъ собственно первый разъ. Но онѣ знакомы были ему духомъ... Онъ уже изъ вагоннаго окна видѣлъ „били хаты зъ соняшныками и тютюномъ въ городи... и волы въ ярми, и обмазаннаго Богъ знае въ що воза, и хозяина коло воза, такого-жъ обдрипаннаго, якъ визъ, и бабу въ конопляхъ"... Ему такъ и хотѣлось полетѣть, выпрыгнуть изъ окна и спросить мужика, „чи багато въ его поля"? а бабу—„почимъ продавала тальку прошлу зиму?" Его приковало къ окну. Онъ уже жилъ той жизнью, которая тамъ, за окномъ, среди полей и обильныхъ урожаемъ огородовъ... и только необходимость заставила его оставаться въ душномъ вагонѣ.

Поѣздъ вошелъ въ приднѣпровскій лѣсъ... Громыхая и слегка покачиваясь изъ стороны въ сторону, летѣлъ онъ по слегка наклонному, отлогому пути; и его грохоты, и свистки отдавались далеко въ густомъ лѣсу, широко раскинувшемуся по теченію Днѣпра. Онъ безпрерывно свисталъ, и эти свистки отдавались какъ-то отчетливѣе и гуще... Словно-бы раньше поѣздъ совсѣмъ такъ и не свистѣлъ. Его будто рвало, будто хотѣлось ему скорѣе вылетѣть изъ лѣсу... и онъ въ нетерпѣніи работалъ колесами сильнѣе и сильнѣе. Только мостъ на Днѣпрѣ нѣсколько сдержалъ его энергію, и, какъ-бы съ неудовольствіемъ уменьшивъ свой ходъ, поѣздъ медленно вступилъ въ желѣзную шахту днѣпровскаго моста... Громадная желѣзная рѣшетка медленно мигала передъ глазами, чередуясь время отъ времени съ крѣпкими желѣзными устоями, связывавшими рѣшетку.

— Отъ тутъ певне железа та камня пишло не доведы Боже... певне, не една тысяча пудивъ, сказалъ дядько, глядя поверхъ головъ столпившихся у окна пассажировъ. Всѣ прильнули къ окнамъ. Широкая, оживленная рѣка плескала внизу свои волны. Впереди открывалось большое водное пространство... А влѣво, на высокихъ кіевскихъ горахъ высилась кіево-печерская лавра, горя на солнцѣ своими позолоченными главами. Множество церквей и разныхъ построекъ ютились по холмамъ и долинамъ горъ, размытыхъ кой-гдѣ оврагами, ущельями и усѣян-

ныхъ садами... А надъ всѣмъ этимъ царственно возвышалась грандіозная колокольня, представляющая лучшее сочетаніе архитектурнаго изящества и прочности.

Я слѣдилъ за впечатлѣніями дядька. Онъ давно снялъ шапку и съ слегка раскрытымъ ртомъ и болѣе обыкновеннаго раздвинутыми глазами наблюдалъ... Что онъ скажетъ? Наши взгляды встрѣтились.

— Я думаю, тутъ на Днипри рыбына бувае... сказалъ онъ, наконецъ словно угадывая, что я жду отъ него слова. Але трудно еи тута зачепыты!.. О, що трудно-то трудно... Ой, дывиться-но вы (онъ взялъ стоявшаго предъ нимъ пассажира за плечо),—яка тута выспа... Чи то що року така бувае? чи може іи зносыть?.. Скажитъ-но вы мени, якимъ способомъ тутъ рыбу можно зловыты? бо невода тутъ я думаю, не можна затягнуть... Га?

Но вопросы дядька остались безъ отвѣта.

Въ послѣднемъ пролетѣ сильно рвануло вагоны... Мостъ миновалъ и поѣздъ, пыхтя какъ-бы въ нетерпѣніи и досадѣ на встрѣчающіяся препятствія, сталъ подниматься по извилистому пути на кіевскія горы, ежеминутно оглашая окрестности свистками.

Дядько давно уже сложилъ всѣ свои узлы и приготовился къ выходу. Еще двѣ остановки на кіевскихъ второстепенныхъ вокзалахъ... Дядько порывался идти. Но его останавливали, говоря, что это еще не та станція...

Запестрѣлъ на горѣ Владимірскій Соборъ.

— Це Лавра тежъ?

— Ни, тутъ една тильки Лавра, що була... а це соборъ.

Поѣздъ остановился. Ѳедоръ Котикъ сошелъ на платформу съ благоговѣніемъ безъ шапки... Его то и дѣло толкали, прося идти скорѣе и не задерживать пассажировъ своими узлами. Но дядько молчалъ и медленно подвигался впередъ, не обращая вниманія на толчки и пинки, которыми угощали его сзади.

— Хвалыты Бога, теперъ мижъ своимы... сказалъ онъ, стоя какъ вчера на московскомъ вокзалѣ среди пассажировъ, на платформѣ. Какъ и тогда, онъ былъ выше головою многихъ...

Его узлы валялись въ ногахъ, но онъ на нихъ меньше теперь обращалъ вниманія. Теперь это было для него какъ-бы второстепенное. Онъ даже забылъ и про свои амурскіе гачки и глазѣлъ по сторонамъ.

— Ну, бувайте здоровы! обратился я къ Котику.

— Бувайте здоровы!

— Дай Боже счастлыво добратыся до дому... та добре життя!... Щобъ вамъ завше рыба ловылася!

— Спасыби за щире слово! И вамъ всего доброго.

— Та глядить-но свои вещи, бо щобъ часамы не вкралы... Туты часамы трапляется: чоловика зовсимъ обикрадуть.

— Ни, ни, Боже бороны... Дай Боже вамъ всего...

— Сторонись, старикъ, куда лѣзешь? крикнулъ на него багажный съ ношей на спинѣ... И, не докончивъ своихъ благожеланій, Котикъ пошелъ къ своимъ вещамъ, сторонясь „казнивъ", отъ которыхъ, по его убѣжденію, теперь нигдѣ нельзя было скрыться.

VII.

„Замѣчательный старикъ", думалъ я, оставаясь довольно продолжительное время подъ впечатлѣніемъ новаго знакомства и перебирая въ своей памяти разговоры съ Котикомъ. Главное, что поражало въ немъ—это его *надежды*... Онъ жилъ однѣми надеждами. Надежды сопровождали его въ Сибирь, поддерживали его двадцатисемилѣтнее пребываніе въ Сибири и, наконецъ, возвращали его обратно, на родину... Онъ ѣхалъ на Волынь съ цѣлымъ роемъ надеждъ, которыя питали въ немъ возможность самыхъ неосуществимыхъ предпріятій. Онъ мечталъ о рыбной ловлѣ въ такихъ размѣрахъ, которымъ вовсе не могла отвѣчать дѣйствительность... Это былъ *идеалистъ*, жившій розовымъ будущимъ, не смотря на свои семьдесятъ три года, и мечтавшій о своихъ будущихъ планахъ съ жаромъ двадцатилѣтняго юноши. Мечты отдаляли его отъ дѣйствительности, но онъ не замѣчалъ этого, и хорошо извѣстная ему Волынь представилась теперь въ его воображеніи совсѣмъ другою, чѣмъ она была на

самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Живя мечтами и надеждами, онъ создалъ *свою* Волынь и, возвращаясь на родину, онъ серьезно былъ убѣжденъ, что возвращается въ тотъ именно край, который создался въ его представленіи. Любовь къ родинѣ имѣла руководящую роль въ созданіи этого представленія.—Онъ напоминалъ дитя—по жизнерадостности и воспріимчивости впечатлѣній. Какъ дитя, онъ интересовался всѣмъ, что было близко ему... Болтая безъ умолку о своей Волыни на чужой сторонѣ, онъ разсказами замѣнялъ для себя дѣйствительность; а когда подошла сама дѣйствительность съ своими жизненными впечатлѣніями, онъ умолкъ и весь превратился въ зрѣніе, стоя у вагоннаго окна. Эта жизнерадостность и жизнь надеждами молодила старика, задерживала вліяніе на него времени, и старикъ, при своихъ 73 годахъ, казался гораздо моложе. Ему можно было дать 45—50 лѣтъ.

Старика ждали разочарованія. Это было ясно. Я мысленно старался представить себѣ, какъ разочаруется Ѳедоръ Котикъ, вернувшись на родину въ свое Пеньково и найдя многое совершенно несоотвѣтствующимъ тому, о чемъ онъ такъ возбужденно мечталъ.

Я не ошибся. Разочарованіе началось у него съ Кіева.

По обстоятельствамъ, я долженъ былъ пробыть въ Кіевѣ нѣсколько дней. Случилось мнѣ быть въ Лаврѣ. Былъ праздникъ. Въ Лаврѣ было людно. Медленно, группами ходили усталые богомольцы по лаврскимъ церквамъ, галлереямъ и пещерамъ съ тою молчаливою сосредоточенностью и какъ бы торжественностью, которая всегда характеризуетъ отношеніе простого русскаго народа къ своей національной святынѣ.

Проходя мимо лаврскихъ столовыхъ, гдѣ постоянно толпится много народа по праздникамъ, я замѣтилъ подъ деревомъ не вдалекѣ отъ будки, гдѣ монахъ продавалъ квасъ, дядька... Да, это онъ: мрачный, невеселый, видно усталый, сидитъ на лавочкѣ подъ деревомъ и о чемъ то думаетъ. Я подошелъ къ нему. Онъ улыбнулся.

— Ось такъ сыжу, спочиваю—сказалъ онъ, отодвигаясь и давая мнѣ мѣсто.

— Намолылыся?

— Эге... Маты Божая, яке тутъ миеце?! Скильки тутъ святыхъ!

— Въ пещерахъ булы?

— Бувъ, поклонявся святымъ мощамъ, молывся щиро, що Господь Богъ сподобывъ до Кіева добратыся... Онъ хотѣлъ еще что-то такое сказать, но замолкъ. Онъ былъ не въ духѣ. Нерасположеніе духа явно сказывалось у него на лицѣ, всегда подвижномъ и отражающемъ на себѣ всякія настроенія...

— Невжежъ-то тамъ въ тыхъ пещерахъ святыи жилы? спросилъ онъ, сохраняя прежнее выраженіе лица.

— Жилы.

— И на свитъ не выходылы?

— Булы таки, що и не выходылы. Або що?

— Все молылыся? всю свою жизнь?

— Эге.

Онъ покивалъ головой и задумался.

— Або що?—спросилъ я.

— Ничого, то я такъ соби, значится, миркую... Ще я хтивъ спытаты: зъ якихъ мистъ воны булы, тыи святыи? чи тутейшіи, чи може здалека?—спросилъ онъ, нѣсколько оживляясь.

— Булы и тутейшіи, а більшъ такихъ, що здалека попрыходылы... А що дядька такъ цикавыть?

— Ничого, то я миркую все нибы такъ. Що то значыть святый чоловикъ? Ось напрыкладъ, скажемъ, я бувъ въ Сибири: то мене такъ и кортило все время додому, а въ мене все було и хата, и худобына, и каваловъ земли... И все таки кортило... А святый чоловикъ ось въ чому живъ—въ пещери, де наветь повернутьсл не можна и ничого въ его не було—ни хатыны людськои, ни худобы... и ёго не кортило до дому, бо винъ — святый. Въ его и систы наветь не було на чому полюдски, не то що... Святы люде!

Онъ замолкъ, свѣсилъ голову на грудь и какъ бы зажмурилъ глаза. Какія-то новыя морщины пробѣгали у него по лицу. Иногда онъ открывалъ глаза и тупо глядѣлъ въ заборъ. Казалось, вотъ-вотъ онъ заплачетъ.

— Чи дядько здоровъ, чи ни? бо щось невеселый—спросилъ я.

— Ни... зовсимъ здоровый... але... въ мене гроши вкралы, то я трошки сумный ставъ.

— Колы вкралы? де?

— Ось тутъ вже, въ Лаври. Я вамъ роскажу. Якъ я прыйшовъ сюды, то першимъ диломъ пишовъ по святымъ Богу молыться... Помолывшись, значится, треба Котыку поисты трохи. Ось я пишовъ сюды (онъ указалъ на домъ, гдѣ помѣщалась народная столовая). Тамъ спытавъ соби обидаты, то мени далы борщу и рыбыны... Отъ я смачно соби поивъ трохи тай розбалакався звычайно зъ людьмы, що обидалы зо мною, розсказувавъ имъ про свое життя въ Сибири, про китайцивъ...

— И гачки показувалы?

— А показувавъ... Але було въ мене въ шматыни завязаны рублывъ сто-пятнадцать, що зложивъ я въ Сибири, думавъ додому занесты гостынця. Лежалы воны въ торбыни недалечко отъ гачкивъ. Поки я росказувавъ та показувавъ, жулыки и пидгледилы де що лежить... Отъ я балакавъ та балакавъ, багато-багато людей було, слухалы мене... Потымъ пишовъ въ соборъ Богу молытыся, ставъ за стовпомъ тай молюся, положивши коло себе торбыну. Людей, правда, багато було: тиснота була велыка... Отъ, помолывшись, думаю, треба вже йты... Колы я до торбы—цапъ,—а вона розвязана... Такъ въ мене ось тутъ и застукало (онъ указалъ на грудь)... Я до мотузка зъ грошима, а его вже чортъ-ма. Такъ и згинулы. Я заразъ зъ церквы на цвинтарь, ставъ разглядаты свою торбу... ничого... все на свому мисти лежить: и хлибъ, и паспортъ, и гачки, и одежина—тильки грошей нема. Отъ якъ бачите... Ну, ну... Оце то взявъ! такъ, якъ нибы самъ положивъ!..

Удивлялся старикъ, вертя головой во всѣ стороны.

— Я думаю такъ, що поки я молывся Богу, воны и обикралы мене.

— Щожъ у васъ теперь зовсимъ грошей нема?

— Ни, ще е трохи, бо бачте (онъ обернулся кругомъ, не подслушиваетъ ли его кто-нибудь. Убѣдившись, что никого

по близости нѣтъ, онъ продолжалъ въ полъ-голоса, ежеминутно оборачиваясь), въ мене ще въ шапци зашиты гроши, рубливъ зъ двадцать... то ще е... але тыи то пропалы зовсимъ. Шапку я стережу теперъ добре. Але, знаете що? Оглядавъ я тоди, якъ укралы въ мене гроши, свою шапку, дывлюсь, въ ней по шви— нибы якъ ножичками розризано... Оце дывиться-но!

Онъ снялъ четыреуголку и показалъ мѣсто гдѣ было разрѣзано...

— То, якъ бачите, счастя ще мое, що винъ не зъ того кинця почавъ ризаты, тай ошпетывся, дулю зъивъ... А якъ бы не дурень бувъ да зъ другого боку помоцювавъ, то кепсько пришлося-бъ Ѳедьку Котыку; тра було-бъ теперъ пидъ викнамы ходыты, та хлиба за Бога прохаты. Эге...

Во время разговора мимо насъ по дорожкѣ проходили монахи и послушники. Старикъ съ почтеніемъ каждый разъ вставалъ, отдавалъ имъ низкій поклонъ и у нѣкоторыхъ, которые казались ему поважнѣе, цѣловалъ руку.

— Що-жъ вы никому не говорылы про свою пропажу?

— А кому тутечка скажешь? Пидійшовъ я бувъ до того монаха, що свички продае въ церкви. „Такъ и такъ, кажу, батюшка, гроши въ мене пропалы"—„А скильки?" пытае.—Сто и пятнадцять рубливъ", кажу. То щожъ винъ, думаете, сказавъ А?.. Винъ сказавъ... Перше засміявся, а потимъ сказавъ... „Дуракъ ты, каже, та на що-жъ ты, дуракъ, носышъ стильки грошей; подиломъ тоби, дураку, каже"... Такъ и сказавъ. Наветь не спытався,—хто я такій, звиткиль я иду; хочь бы узнавъ, що я за чоловикъ?

Дядьку было особенно обидно не столько то, что монахъ не принялъ участія въ его горѣ, сколько то, что онъ какъ бы не обратилъ на него вниманія, не разспросилъ, кто онъ, откуда идетъ?.. Вездѣ его спрашивали, въ вагонѣ проходу не давали отъ разспросовъ, такъ что Котикъ не успѣвалъ отвѣчать... а теперь на него даже не смотрятъ. Въ громадной толпѣ, сошедшейся въ Лаврѣ, онъ былъ совершенно незамѣтенъ. Это было для него обидно... Онъ былъ такъ простодушно общителенъ, готовъ былъ каждому до подробностей всё разсказывать о себѣ,

а его даже не удостоиваютъ отвѣтомъ, подтруниваютъ надъ нимъ въ горѣ, обзываютъ дуракомъ...

— Слухайте-но, може ваши грошi пропалы ще въ вагони, на машыни, якъ ихалы?

Котикъ отрицательно покачалъ головой.

— Ни, не може буты, бо ще на вокзали я дывывся въ торбу: гроши лежалы... Ни, що вже тута... тутейшiи мазурики.—Ой, дывится но, хто це йде?! чи не архiерей?

Площадь переходилъ наискось отъ столовой къ адресному столу какой-то толстый монахъ съ наперстнымъ крестомъ и огромной бородой. Дядько тотчасъ-же выправился и отвѣсилъ монаху низкiй поклонъ. Онъ очень удивился, что это не архiерей.

— Я ще не бачивъ архiерея. Колыбъ Господь Богъ сподобывъ.

— Певне въ недилю тутъ буде служиты архiерей. Пождить до недили, то и зобачите...

— Ни, не можна мени до недили буты; боюсь... ще зовсимъ мене тута обикрадуть. А я ще наветь гостынцивъ хотивъ своимъ внукамъ купыты въ Кiеви... а теперь вже не можна... купывъ тильки хрестыки срибны. Ось воны (онъ не утерпѣлъ и, не смотря на мои просьбы оставить узелъ, развязалъ его и показалъ въ узелкѣ маленькiе, двадцати-копѣечные, крестики). А теперь вже все пропало, вся моя праця пропала.

Онъ минуту помолчалъ.

— Знаете, що я вамъ скажу, обратился онъ ко мнѣ: я думаю, що мене самъ Богъ покаравъ.

— За що?

— А ось за що. Я якъ выходывъ зъ Сибири, то давъ соби таке намиренье, значить: що якъ тильки прыйду въ Кiевъ, то, дякуючи Богу, поставлю свичокъ Божiй Маты на пять рублывъ. А якъ прыйшовъ, то, знаете, щось мени все въ ухо говорыть: „не ставъ свичокъ, не ставъ... Ты стильки трудывся"... Що не хочу я ставыты свичокъ на пять рублывъ, такъ заразъ мени щось и говорыть на ухо: „пожды, Ѳедьку, пожды трохи"... Ось, я ждавъ, ждавъ, та и дождався тепереньки...

И онъ, сложивъ руки долоня къ долонѣ, положилъ ихъ межъ колѣни и самъ, склонившись головой и глядя на дорожку, кивалъ головой, медленно говоря:

— Дож-дав-ся те-пе-рень-ки... Эге... Ѳедоръ Котыкъ розумный, а Богъ (онъ поднялъ глаза по направленью собора) ще розумнійшій. По-диломъ, щобъ не бувъ такій хитрый та розумный дуже.

Я слегка протестовалъ противъ этой мысли, но Котикъ оборвалъ меня замѣчаніемъ.

— Ни, Богъ таки хтивъ мене наказать, бо въ мене гроши въ *самій церкви* вкралы... Колы-бъ ще на улыци, то друге дило, а то, бачите, въ самій церкви, та ще и въ главній... Ни...

— А чому-бъ вамъ не заявыты полиціи, що гроши у васъ пропалы?

— Що?! по-ли-ціи... (Онъ схватился съ своего мѣста и принялъ удивленную позу). Ось чи бачите оце все, що на мени... (Онъ взялъ себя за свитку и указалъ на узелъ) Оце все отдамъ—оно тильки абы зъ тымы полиціямы та казнамы дила не маты. Досыть! Вже я мавъ зъ нымы дила, нехай ще други зъ нымы мають.

Ударилъ колоколъ къ вечернѣ.

Старикъ напялилъ на себя узлы и перекрестился.

— Треба йты... Теперь пійду въ тыи церквы. Ще я тамъ не бувъ. Онъ указалъ на дальнія пещеры.

— Бувайте здоровы, дядьку, да глядить свою шапку, щобъ не вкралы!

Больше я не видался въ Кіевѣ съ Котикомъ.

VIII.

Прошло три года.

Я успѣлъ уже забыть о Котикѣ, но проѣждая, однажды, чрезъ деревню Пеньково, вспомнилъ о своемъ старомъ знакомомъ, и мнѣ очень захотѣлось навѣстить его.

День былъ ненастный, осенній. Падалъ непрерывный, мелкій дождь изъ сѣрыхъ, низко нависшихъ надъ землей тучъ. Деревня

Пеньково, расположенная на небольшой прогалинѣ среди лѣса, глядѣла подъ дождемъ очень непригдядно. Рядъ низенькихъ избушекъ окаймлялъ грязную дорогу съ обѣихъ сторонъ. Избы были грязныя, черныя. Хозяйственныя постройки крестьянъ глядѣли сумрачно своими дырявыми, соломенными крышами. Бродили по грязи подъ дождемъ худыя коровы, а у подворотни визжали голодныя свиньи. Кой-гдѣ раздавался рѣзкій, крикливый голосъ бабы, загонявшей гусей... А у корчмы стоялъ, зѣвая во всю глотку, на порогѣ плотный Янкель, вылѣзшій изъ своей берлоги въ нижнемъ бѣльѣ и жилеткѣ посмотрѣть, кто ѣдетъ въ такую пору съ звонкомъ. Янкель былъ любопытенъ. Отъ него не скрывался ни одинъ путешественникъ, проѣзжавшій чрезъ село. Картина была грустная, не веселая...

— Гдѣ тутъ Котикъ живетъ? спросилъ я у жида.

— А вамъ нащо Котикъ?! Ну?! Винъ живе тамъ... Друга хата зъ краю... Ну?! Нехай паничъ скажить, нащо Котикъ, може я знаю...

У воротъ указанной избы я встрѣтилъ не старую еще бабу. Высоко priткнувъ подолъ своей „спидныци“ и держа въ рукахъ корыто съ кормомъ для свиней, она кричала во все горло на все Пеньково и даже далѣе...

— Чке, чке, чке, чке-е!..

На знакомый призывъ бѣжали съ разныхъ сторонъ свиньи, еле вытаскивая ноги изъ грязи, и хрюкали... Я велѣлъ остановиться.

— Тутъ живетъ Котикъ?

— Якій? Чи Иванъ, чи... Недовольнымъ голосомъ переспросила „молодыця“.

— Ѳедоръ... Старикъ...

— Тожъ воны вже вмерлы, рѣзко замѣтила хозяйка и продолжала кричать: „чке! чке! чке!“... Этимъ она давала понять, что не желаетъ разговаривать ни съ кѣмъ, даже съ паномъ, что ей не до того.

— Колы вмеръ Ѳедоръ?

— Вмерлы... Царство имъ небесное... вже давно... Чке! чке! чке!...

Свиньи подымали свои рыла къ корыту, которое все еще держала хозяйка, и немилосердно хрюкали. Дождь шелъ не переставая и заглушалъ разговоръ.

— Ще, позаторикъ... Эге... Чке, чке, чке!!. Вмерлы.

Она поставила корыто. Свиньи ринулись туда головами.

— Скажить вы мени, зъ чого винъ вмеръ?

— Хто?! крикнула она, наставляя ухо и постепенно допуская къ корму то одну свинью, то другую.

— Котикъ Өедоръ.

— А—цю!.. Щобъ ты лопло!.. Ото, недуги на васъ нема!.. Тожъ воны вже вмерлы, я кажу, ще позаторикъ... А, щобъ ты триснула!—крикнула она вдругъ неожиданно, оттаскивая одну особенно крупную назойливую свинью и ударивъ ее такъ, что палка переломилась на-двое. Она была больше заинтересована своимъ дѣломъ и повидимому вовсе не придавала никакого значенія моимъ вопросамъ. Память покойнаго Өедька также повидимому мало ее интересовала. Это было очень огорчительно. Уѣхать изъ Пенькова, не узнавши, какъ жилъ и отъ чего умеръ Котикъ, вовсе не входило въ мои планы.

Посмотрѣвши на мой совершенно промокшій костюмъ, баба должно быть немножко сжалилась... потому что совершенно неожиданно сказала:

— Якъ хочете, то проше до хаты... обсушиться трохи, бо дощъ ще певне буде довго иты. И она безнадежно посмотрѣла вверхъ, неизвѣстно для чего прислоняя руку къ глазамъ.

Изъ маленькаго окна избы давно уже выглядывали маленькія головки дѣтей (должно быть, внучата Котика) и межъ ними одна борода (должно быть, его сынъ). Я воспользовался приглашеніемъ.

Изба, въ которую я вошелъ, была наполнена такимъ удушливымъ, спертымъ воздухомъ, что человѣку непривычному недалеко было до обморока. Тутъ пахло курами, гусями, потомъ, дѣтьми... и Богъ его знаетъ чѣмъ.

— Здраствуйте!

— Здраствуйте! Просымо сидаты. Не успѣлъ я сѣсть, какъ вошла баба—хозяйка.

— Ото пытають все про дида—батька... то розскажи имъ, сказала она рѣзко, ткнувъ пальцемъ въ меня и выбѣжавъ изъ хаты. Скоро на порогѣ раздались ея энергичныя восклицанія: „А недождалы вы! А—цю—ю!.. Понаидалыся, та ще въ хату лизете?!." Хозяйка приступила къ продолженію своихъ хозяйственныхъ занятій.—Мужъ ея—высокій плотный мужикъ лѣтъ сорока, зммѣчательно сохранившій на себѣ черты своего отца, былъ любезнѣе и разговорчивѣе. Онъ всталъ при входѣ гостя и тщательно началъ вытирать лавку для сидѣнія, приглашая сѣсть. Около него жалось трое дѣтей отъ шести до трехъ лѣтъ. Старая баба „колыхала" четвертое въ „люлькѣ", нижняя часть которой совершенно гноилась и издавала невозможный запахъ. Она мурлыкала что-то про себя. Крючекъ, на которомъ висѣла люлька, скрипѣлъ при движеніи и вторилъ ея мурлыканью. Сѣрый, большой котъ лежалъ на печи, вытянувъ свои лапы, и тоже мурлыкалъ. Въ хатѣ по всѣмъ направленіямъ летали мухи и, сильно жужжа, дополняли гармонію этого незатѣйливаго тихаго концерта. Въ хатѣ былъ покой и бездѣліе, неизбѣжное въ хозяйствѣ, когда дождь идетъ на дворѣ... Спокойствіе нарушалось лишь крикомъ ребенка, котораго сейчасъ же старались унять. Плакалъ, впрочемъ, только маленькій ребенокъ. Остальные молчали и, прислонившись къ отцу, тяжело сопѣли, что свидѣтельствовало о пресыщеніи ихъ желудковъ, значительно выдавшихся впередъ...

И такую картину суждено было мнѣ нарушить своимъ посѣщеніемъ въ столь неурочный часъ.

— Сидайте отъ-тутъ блыжче... тутъ чисто... хлопоталъ хозяинъ. А вы зналы мого батька?

Я разсказалъ про свое знакомство съ старикомъ.

— Вмеръ... легка ему земля! Онъ перекрестился.

Старая баба подняла свою голову, обвязанную платками, внимательно посмотрѣла на насъ и тоже перекрестилась.

То—моя маты, стара баба, отрекомендовалъ Иванъ мнѣ свою мать: вона вже дуже стара и оглохла, вже пять годъ, якъ вона ничого не чуе. Ій вже симдесятъ годъ.

— Зъ чого-жъ вашъ бадько вмеръ?

— Отъ такъ, якъ бачите, захандрувавъ щось трохи. Я вамъ розскажу все попорядку. Зъ Кіева винъ прыйшовъ... такъ якось пицъ вечеръ нибы. Винъ думавъ, бачте по машини пріихаты, але въ его гроши въ Кіеви вкралы...

— Знаю, знаю... сто пятнадцать рубливъ.

То якъ вкралы гроши,—винъ дуже засумовавъ и тратытыся на машину не хтивъ, щобъ нибы намъ бильшъ прынесты на хозяйство грошей. Прыйшовъ старый пишки тай росплакався, старои своеи зовсимъ не пизнавъ. Мене на сылу пизнавъ... Въ велыкій жаль прыйшовъ. Все цилувався та плакавъ. Потимъ, ставъ розсказуваты про життя свое въ далекій сторони, якъ ему нибы тамъ жилося.

Баба, колыхавшая дитя, перестала убаюкивать ребенка и впялилась глазами въ своего сына. Сынъ сдѣлалъ ей жестъ рукою, и она опять принялась за свою привычную работу.

То вона, бачте, догадуется, що мы про батька балакаемо... Вона по губахъ пизнае, що мы говорымо, то нибы прислуховуется: хочется и ій знаты...

Онъ еще разъ мотнулъ ей головой и продолжалъ свой разсказъ.

— Потимъ пишовъ батько село оглядаты, по сусидахъ ходывъ... та все росказовавъ та росказовавъ... И чого, чого винъ тильки не говоривъ: и про...

Но я перебилъ Ивана. Я зналъ всѣ разсказы старика.

— Отъ старый ставъ у насъ нибы житы. Непосыдящій ставъ, страхъ якій... Старому тра отпочиты, а винъ все дмется: то до того ему треба, то до другого, то до еднои роботы, то до другои... И снопы винъ хотивъ возыты, и ныву ораты, и худобу пасты... а бильшъ всего рыбу ловыты...

— Зъ того старый и потухъ, що засумововъ за ричкою, сказала, быстро входя и перебивая рѣчь Ивана, его жена.

— Не перебывай-но я все по порядку розскажу.

— Ста-ары-й мі-й зъ са-ачкомъ ходывъ по-о ры-ыбу...— прошамкала баба еле слышно.

— Ось ще й вы свого носа тутъ вткните! Крикнула на нее хозяйка. Отъ знаете свое дило, то й колышить. Она опять выбѣжала въ сѣни.

— Баба подняла голову, посмотрѣла на свою „невистку“ какимъ-то полувопросительнымъ, полутревожнымъ взглядомъ, еще что-то такое пошамкала, почесала у себя за ухомъ подъ массой платковъ, которые были наверчены у нея на головѣ, и замолкла, тихо качая ногой „поводъ колыски“.

— Пишовъ разъ старый, каже: „пиду подывлюсь на ричку“... Прыйшовъ тай рукамы всплеснувъ: нема рички... обмелила зовсимъ, выспы всюды поробылыся, воды зовсимъ мало..., „Що це, каже, зъ ричкою вы зробылы? що се зъ нею подіялося таке? де въ неи вода подилася?“ Горюе старый, що ричка обмелила. „Я, каже, памятаю, якъ шовъ въ Сибиръ, то рика була мое почтеніе, воды скильки було. Де вона подилася?“—А хто-жъ еи може знаты, де вона подилася? Сохне тай годи... за двадцять и симъ литъ не една ричка помильшае. Ось подываться сами, якъ будете ихаты черезъ мостокъ; колысь то вона велыка була ричка, а теперъ схудла, бо теперъ всюды лисъ рубають, писквивъ багато, то вона худіе... Запевне, що шкода рички: але що-жъ вы зробыте? чимъ вы поможете? Вси на сели стары люде памятають, що колысь була гарна ричка...

— Ста—арый мі—й колысь гачки ма—авъ... зашамкала старуха снова, словно просыпаясь отъ глубокаго сна. Но на нее и на ея замѣчанія никто не обращалъ болѣе вниманія.

— А батько хтивъ въ тій ричци рыбу ловыты... та ще й продаваты ту рыбу жидамъ, та гроши зароблять... бо винъ дуже любывъ рыбу ловыты. Але яка въ тій ричци рыба? Якъ окунець, або плотычка яка дурна попадется, то то и занадто вже... Але проте старый ходывъ на рыбу и вечеромъ и въ досвитокъ. Часамы де що и зловыть, то въ вечери Гандзя зварыть крупничокъ. Этъ, забавка була... А въ его и гачки булы якись амурскіи...

— Знаю, знаю...

— Отъ, то, якъ бачите, засумовавъ старый надъ ричкою; седыть бувало на горбку тай все дывытся: „де вона, каже, подилась?“

— Ну, тай щожъ дальше?

— А що дальше!? Дальше и самъ ставъ худиты... „Вже, каже, якъ ричка пропала, то и моій тра пропадаты... вже я хутко вмру, бо рички нема“...

Въ хату снова вбѣжала Гандзя зъ накрытою „рядномъ“ головою отъ дождя. Въ рукахъ у нея были „китяхи“ и „бульба“...

— А то ще въ лиси тежъ, затараторила она своимъ рѣзкимъ голосомъ такъ, что даже мухи, казалось, по стѣнамъ пошли оживленнѣе летать—тежъ не сподобалось старому, що лисъ вже не той ставъ...

— Эге, эге, подхватилъ мужъ. Порубалы, бачте, лисъ, геть тепера вырубалы то на машину, то такъ вырубалы, вывозять его... А старый ще памятавъ, якъ лисъ цилый бувъ та буйный... То тежъ жаль его вылыкій взявъ, що лиса нема. Бувало якъ пиде въ дубыну, то сяде на пенекъ, пидложивши руки, погляне геть-геть кругомъ, де пеньки стоять, тай каже: „то-жъ то я колысь ось тута зъ своимы воламы заблудывъ“... Чуть не плаче старый, ажъ жаль на его дывытыся, дальби...

— Ста-ары-й мі-й... продолжала все шамкать старуха.

— Шкода батька... И зъ чого вмеръ, колы-бъ вы це зналы?

— Эге... пишовъ гачка доставаты... начала Гандзя.

— Не перебывай-но... Ловывъ винъ рыбу, въ ковбани, тутъ на лузи така выбоина есть, тамъ глыбоко, буде наветь зъ головою. Тамъ наветь сомы колысь водылысь. Ну, то захтилося тамъ старому сома вытягты. Мы наветь вси казалы ему: „до чого той сомъ? хиба намъ нема чого исты? чи що?“ Такъ ни бо, хтивъ все на свому поставыты. „Якъ-то, каже, щобъ я та не вытягнувъ тута сома?!“... Ну, нехай... Отъ седивъ винъ тамъ зъ своимы удкамы да шнуркамы едну ничь, потимъ другую. На решти зацинывъ удку обо щось тамъ такъ... Тай ставъ винъ возытыся коло теи удки, щобъ еи отципыты. И туды, и сюды торкае еи,—а ніякъ не можна... Що тутъ робыты?! А це було вже ранкомъ, передъ сходомъ сонця. Отъ взявъ винъ тай влизъ въ ковбаню гачка доставаты, порався, порався и гачка не доставъ и змерзъ дуже... Прыходыть до дому весь дрижить, зубъ

на зубъ въ его стукае.—„Що це зъ вами, батьку?"... Я заразъ ему горилки. Крипывся старый, потимъ о-пивъ дня, бачимо, лигъ въ постелю,—бо холодно... Мы его сталы ростыраты, чаю давалы...—„Э, ни вже, каже... Вже, каже, треба мени вмыраты! Буде вже зъ тебе Котыку. Нашвендався на свити... Було, каже всего було"...

— Та ще каже, дополнила тутъ Гандзя: „Николы не було того"...

— Эге, эге, подхватилъ мужъ, „ще николы, каже, того не було, щобъ Өедьку Котыку було холодно, якъ винъ вылизе зъ ковбани"... Що тутъ робыты? Зовсимъ заслабъ старый... Поклыкалы мы едну бабу—знахарку. Шептала вона, шептала—ничого не помогло. Поворочався винъ день, другій, похудивъ, страхъ на его дывытся... Кашляты ставъ... Цилый мисяць лежавъ, провалявся... а напослидокъ въ безпамятство впавъ: ничого не памятае... Клыче якогось Дорожиньского, та Гарбарчука, то зновъ про якіись гачки все згадуе, не висть що говорыть. Передъ самою смертью доциро въ память нибы прыйшовъ. Спытався: „де мои диты?" Мы прыйшлы, то винъ обнявъ насъ всихъ, благословывъ... Сповидався, причащався и предъ смертью, за мынутку до смерти открывъ очи и сказавъ: „живите соби здоровеньки та не свариться... та молыться Богу... Добре, що мижъ своимы вмираю". Тай бачимо, вже въ его свичка зъ руки вы пала... Тай поховалы...

Иванъ замолкъ.

— А якій бувъ крипкій та здоровый чоловикъ. Якъ прыйшовъ, то вси дывовалыся: „чи жъ то ему вже за семьдесятъ литъ?" Мы думалы, винъ проживе ще зъ десять литъ. Але Богъ не сподобывъ...

Мухи жужжали. Колыбель равномѣрно качалась, скрипя на гвоздѣ. Одинъ изъ сыновей Ивана давно храпѣлъ на лавкѣ. Остальные все еще съ любопытствомъ, не шевелясь, смотрѣли на меня. Баба все шептала, чавкала что-то своими беззубыми челюстями. Шелъ дождь на дворѣ, и его частыя капли, стуча о стѣну дома и въ маленькое оконце, навѣвали какую-то мысль о вѣчномъ, безмятежномъ снѣ. Становилось темно.

— Вичная ему память... Царство ему небесное!.. сказалъ Иванъ.

Старуха вдругъ опять встрепенулась, перекрестилась, догадываясь, что разсказъ конченъ, и быстрѣе за шевелила губами.

— Стары-ы-й мі-й... говорила всё она, воспоминая.

Казалось, я медленно засыпалъ какимъ-то летаргическимъ сномъ. Голова моя отяжелѣла.

— Вы бы хоть окно тутъ одчинылы... у васъ тутъ воздухъ такій, що дыхаты нема чимъ, сказалъ я, подымаясь...

— Окно у насъ не одчиняется... Нехай буде и такъ... Мы прывыклы...

Я вышелъ изъ хаты. На порогѣ лежали уже сытыя свиньи... Съ огорода доносился голосъ Гандзи. Она ругалась съ своей сосѣдкой изъ за какой то „гладышки“.

— Бувайте здоровы!

— Счастлыва дорога!

— Трогай!

Когда бричка выѣхала за село, моимъ глазамъ открылось болото, поросшее зеленью и водяными травами. Нѣкогда здѣсь было большое озеро, изъ котораго вытекалъ ручей, впадавшій далѣе въ рѣчку; но теперь это было болото... Дождь рябилъ воду и окутывалъ вдали виднѣвшійся ситникъ и очеретъ на болотѣ сизой, прозрачной дымкой... Стая дикихъ утокъ выпорхнула изъ камыша на срединѣ болота и сѣла въ другомъ мѣстѣ. У берега плескались на дождѣ гуси, поднявшіе большой крикъ при нашемъ появленіи...

На самой срединѣ плотины стояла дряхлая, вся обросшая мохомъ мельница. Сильно набекренившись въ сторону своихъ скрипучихъ колесъ, она вся колыхалась отъ сотрясенія. Два колеса, покрытые водянымъ мохомъ и тиной, тряслись какъ старцы, скрипѣли и пѣли все туже монотонно-однообразную пѣсню. „Долго-ли намъ тутъ еще дребезжать и скрипѣть на этой плотинѣ“?!—какъ бы говорила эта пѣсня.—„Еще долго, долго!“ отвѣчалъ имъ дождь, меланхолически равномѣрно падая изъ сѣрыхъ облаковъ. Мокрый песокъ тихо пересыпался межъ колесами.

— Трогай! Живѣе!

Мы выѣхали на мостикъ. Онъ тоже дрожалъ, какъ и мельница.

Доски заходили подъ колесами, какъ клавиши у рояля.

На звукъ колокольчика изъ „млына“ вышелъ Пеньковецъ въ одной рубахѣ и штанахъ, а за нимъ жидъ арендаторъ въ ермолкѣ съ засунутыми въ карманы руками. Они были покрыты мучной пылью и низко раскланялись при видѣ брички, какъ бы прося её сохранить существованіе дрожавшаго моста... Дальше за мельницей на холмѣ виднѣлось пеньковецкое кладбище,—унылое, мокрое, одинокое...

Картина была не веселая.

И какъ живой сталъ предъ моими глазами Ѳедоръ Котикъ, жизнерадостный и возбужденный, съ своими узлами и амурскими гачками, наивно спрашивавшій при видѣ царицинскаго пруда: „чи е тутъ млынъ?“—и не удостоившій прудъ вниманіемъ за отсутствіемъ млына. „Що винъ вартъ, колы на ему млына нема?“—до сихъ поръ стояло у меня въ ушахъ.

„Отчего онъ померъ? Захандровавъ“...

Мы ѣхали лѣсомъ. Кругомъ на насъ глядѣло множество пней...

— Да, дѣйствительно скучно!

Ѳ. Кудринскій.

Грановскій протопопъ Іоаннъ Строцкій, какъ поборникъ православія на Украинѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

(Окончаніе) [1]).

Не смотря на скоропостижную смерть митрополита Леона Шептицкаго, вышеприписанное секретное распоряженіе его о противозаконныхъ способахъ приклоненія на унію издревле православнаго украинскаго народа исполнялось съ чрезвычайнымъ фанатизмомъ и энергіею. Уніатскіе оффиціалы и разнаго рода суррогаты съ своими инстигаторами безбоязненно вторгались во всѣ украинскія протопопіи, составляли отъ имени громадъ подложныя просьбы о якобы добровольномъ желаніи ихъ принять унію, гвалтовно отнимали православныя церкви и священнослужителей ихъ, послѣ ограбленія, съ крайнимъ глумленіемъ изгоняли изъ приходовъ. Дошла наконецъ очередь и до Грановской протопопіи, которою завѣдывалъ ревностный поборникъ православія отецъ Іоаннъ Строцкій и которая находилась подъ особеннымъ покровительствомъ князя Адама Чарторыжскаго. Но на границахъ ея ревностные уніатскіе миссіонеры призадумались надъ вопросомъ, вторгаться ли имъ въ эту протопопію, или же до поры до времени оставить ее въ покоѣ?—Рѣшеніе сего вопроса уніатскими миссіонерами Грановскій протопопъ въ доношеніи своемъ, поданномъ 19 генваря 1780 года переяславскому епископу Иларіону, такъ описываетъ: „Предусматривая, что Его Сіятельство князь Адамъ Чарторыжскій въ своемъ

---

1) См. „Кіевск. Стар.". 1895 г. № 11.

владѣніи православіе истреблять не позволитъ, и что народъ грановскій въ намѣреніи уніатовъ будетъ спорный, то суррогатъ уманскій Яхимовичъ впредъ поучилъ своего инстигатора ксендза Петра Твордіевича, чтобъ только развѣдалъ въ каждомъ селѣ, какъ зовется осадчій, ктиторъ и прочіе начальнѣйшіе мужики, и на супликахъ или доношеніяхъ, секретно сочиненныхъ, что уніи желаютъ, имена ихъ поподписывалъ, и суплики ему суррогату подалъ, а церкви бъ насильно поотбиралъ уже тогда, когда возможность укажетъ"...

То, что суррогатъ Яхимовичъ предусматривалъ касательно князя Чарторыжскаго и народа, населявшаго Грановщину, не подлежало никакому сомнѣнію, и потому уніатскіе миссіонеры до поры, до времени оставили Грановскую протопопію въ покоѣ. Между тѣмъ Іасону Смогоржевскому, преемнику Леона Шептицкаго, захотѣлось какъ можно поскорѣе подчинить себѣ и эту протопопію. Вслѣдствіе такого желанія Смогоржевскій поручилъ кіевскому оффиціалу Михаилу Примовичу придумать способъ, нельзя ли приклонить на унію самаго главнаго представителя православія въ Грановскомъ ключѣ. Исполняя такое порученіе, Примовичъ приклонялъ о. Строцкаго на унію и чрезъ его сына, бывшаго тогда субдіакономъ при радомысльской уніатской каѳедрѣ, и непосредственно самъ письмами своими. Одно изъ сихъ писемъ сохранилось между рукописями о. Строцкаго и въ переводѣ на русскій языкъ читается такъ:

„Превелебный въ Богу ксендже брате! Жизнь свою вы провели въ бурѣ всевозможныхъ вѣтровъ и вслѣдствіе разныхъ испытаній потеряли свое здоровье, истощенное разными невзгодами. Dedimus corpori annos, demus animae dies. Исполните это святое изреченіе, дабы спасти безцѣнную душу свою, искупленную дражайшею кровію Господа Спасителя. Я думаю, что вельможный панъ добродзій не сомнѣвается въ моей искренней давнишней къ нему привязанности, во имя которой я призываю его къ себѣ (т. е. уніи) и даю завѣреніе въ томъ, что все, чего достигнетъ превелебный братъ отъ нашего ясневельможнаго митрополита, пастыря своего и моего, будетъ для него полезно. Чрезъ ксендза субдіакона, сына вашего, я неоднократно пере-

давалъ, а нынѣ самъ письменно выражаю, что желаю вамъ отъ Бога для души вашей всевозможныхъ благополучій и остаюсь съ истинною рекогниціею (уваженіемъ) превелебнаго пана и брата нижайшимъ слугою М. Примовичъ". Радомысль. 15 генваря 1782 г.

На оригиналѣ сего письма о. Строцкій на польскомъ языкѣ начернилъ слѣдующій отвѣтъ.

„Я мало довѣрялъ субдіакону, наслѣднику моему, который передавалъ мнѣ, что превелебный панъ добродзій, ради давней расположенности (przychilności) къ своему слугѣ, желаетъ ему всевозможныхъ благъ. Но когда получено было писанное изъ Радомысля 15 генваря письмо, то я очень пораженъ былъ не столько соболѣзнованіемъ къ моему несчастному положенію и искреннею давнею ко мнѣ привязанностію, сколько усерднымъ изъявленіемъ заботливости о спасеніи души моей".

„Что касается спасенія души моей, то вопросъ сей разрѣшится послѣ смерти моей; въ настоящее же время я достовѣрно знаю, что нѣтъ притворства въ исповѣданіи мною восточной вѣры и я убѣжденъ sine umbra, что сія вѣра имѣетъ превосходство предъ римско-католическою вѣрою. Хотя съ дѣтства своего я ничего добраго не нахожу въ себѣ, однако мать наша святая восточная церковь повелѣваетъ мнѣ ежедневно возсылать мольбы къ Спасителю Господу Іисусу Христу въ надеждѣ на Его милосердіе ко мнѣ остатнему изъ грѣшниковъ. Я ежедневно, между прочимъ, молюсь такъ: Спасе! Спаси мя по благодати, молю Тя: аще бо отъ дѣлъ спасеши мя, нѣсть се благодать и даръ, но долгъ паче. Ей, многій въ щедротахъ, и неизреченный въ милости, вѣруяй въ Мя, реклъ еси, о Христе мой, живъ будетъ, и не узритъ смерти во вѣки. Аще убо вѣра, яже въ Тя, спасаетъ отчаянныя, се вѣрую, яко Богъ мой еси Ты и Создатель; вѣра же вмѣсто дѣлъ да вмѣнится мнѣ, Боже мой: не обрящеши бо дѣлъ отнюдъ оправдающихъ мя. Но та вѣра моя да довлѣетъ вмѣсто всѣхъ, та да отвѣщаетъ, та да оправдитъ мя, та да покажетъ мя причастника славы Твоея. Да не убо похититъ мя сатана, и похвалится, Слове, еже отторгнути мя отъ руки Твоея и ограды" [1])... (т. е. православной церкви).

[1]) Извлеченіе изъ 9-й утренней молитвы.

„Я дожилъ до глубокой старости, содержа исповѣданіе святой восточной церкви и, перенося въ семъ году посланныя Богомъ мнѣ испытанія и болѣзни, нахожу единственное утѣшеніе въ исповѣданіи своемъ восточной религіи. Сообщая о всемъ прописанномъ превелебному пану добродзію и благодаря за пожеланія мнѣ всяческихъ благъ, имѣю быть его нижайшимъ слугою“.

Изъ этого отвѣта оффиціалъ Примовичъ весьма ясно увидѣлъ, что попытка его приклонить о. Строцкаго на унію обѣщаніемъ всякихъ благъ и даже спасенія души оказалась безъ ожидаемыхъ результатовъ. А потому мнимую пріязнь свою къ представителю православія въ Грановщинѣ онъ измѣнилъ въ открытую месть. По секретному требованію его, у священнослужителей Грановщины почти одновременно явились два врага. Однимъ изъ нихъ былъ Бернатовичъ, главный коммисаръ надъ Грановскими имѣніями, который въ началѣ 1683 года отнялъ у православныхъ право совершать кануны (медовареніе) на храмовые праздники, а затѣмъ по частямъ началъ отнимать тѣ фундуши и угодія, которыми содержались, какъ православныя церкви, такъ и священнослужители ихъ. Другимъ же врагомъ оказался Іерличъ, генералъ польскихъ войскъ въ брацлавскомъ воеводствѣ. По распоряженію послѣдняго, дома и службы всѣхъ священнослужителей (въ томъ числѣ и о. Строцкаго) были заняты подъ воинскій постой и разорены до крайности. Разореніе это коснулось даже хозяйства, которымъ занимались тогдашніе священнослужители, имѣвшіе свои приходы въ Грановскомъ ключѣ. И къ Бернатовичу, и къ Іерличу о. Строцкій посылалъ свои меморіалы о противозаконныхъ дѣйствіяхъ ихъ. Когда же ни тотъ, ни другой не обратили вниманія на меморіалы, тогда онъ въ 1786 лично занесъ жалобу преосвященному Виктору Садковскому, пріѣзжавшему въ этомъ году на Украину, для обозрѣнія православныхъ церквей и монастырей. Преосвященный Викторъ отослалъ эту жалобу, при своемъ письмѣ, на благоусмотрѣніе молодого князя Адама Чарторыжскаго. Чарторыжскій, разсмотрѣвши оную, отъ 20 февраля 1787 года, изъ г. Сѣдлеца, прислалъ о. Строцкому слѣдующее увѣдомленіе.

„Превелебнѣйшій въ Богу Ксендже, декане Грановскій, мой любезнѣйшій пане и брате!“

„До меня дошло письмо Ясне въ Богу вельможнаго Ксендза Бискупа Переяславскаго (Виктора Сидковскаго) съ приложеніемъ вашего дѣла и съ просьбою о моемъ содѣйствіи къ справедливому разрѣшенію его. Дѣло ваше мнѣ хорошо извѣстно и моему сердцу весьма близко, а потому я съ величайшею охотою берусь за него и уже писалъ къ Коммисару моихъ имѣній Бернатовичу, чтобъ онъ привелъ его къ желательному вами результату. Мой всегдашній принципъ, чтобы каждому была оказываема справедливость, и ущерба въ совершенно справедливомъ дѣлѣ превелебнѣйшаго декана, моего вельможнаго пана и брата, я не потерплю. Остаюсь на всегда, при глубокомъ почтеніи, доброжелательнымъ братомъ и нижайшимъ слугою Адамъ Чарторыжскій. 20 февраля 1767 года изъ Сѣдлецъ.“

Съ 29 генваря по 22 число апрѣля 1787 года Императрица Екатерина II гостила въ Кіевѣ и въ свои салоны весьма любезно приглашала украинскихъ Польскихъ Магнатовъ, съ которыми неоднократно заводила рѣчь о крайне угнетенномъ положеніи православія въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ. Благодаря обаятельному могуществу Государыни, магнаты эти въ своихъ отношеніяхъ къ православнымъ исповѣдникамъ стали (хотя отчасти) подражать молодому князю Чарторыжскому. Но это продолжалось весьма не долго. Къ концу 1788 года надъ Украиною стала появляться грозная, страшная туча, которая незамедлила разразиться, какъ только русскія войска, квартировавшія на Украинѣ, двинулись къ границамъ Турціи. Во всемъ юго-западномъ краѣ неизвѣстно откуда стали распространяться слухи, о затѣвавшемся якобы крестьянскомъ возстаніи. На происходившемъ тогда въ Варшавѣ сеймѣ князь Сангушко открыто утверждалъ, что на Волыни всѣ ждутъ этого бунта съ минуты на минуту. Ксендзы, мелкіе чиновники и шляхтичи потянули за магнатами и стали доносить, что крестьяне вооружаются и намѣрены повторить ужасы Коліивщины, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Это взволновало польское общество. На сеймѣ стали высказываться различные странные проекты для преду-

преждения зла, въ родѣ поголовнаго вооруженія шляхты противъ народа и т. под. Король съ трудомъ отклонилъ эти мѣры, и въ концѣ концовъ, по рѣшенію сейма, были учреждены въ четырехъ русскихъ воеводствахъ (Волынскомъ, Кіевскомъ, Брацлавскомъ и Подольскомъ) особыя военно-гражданскія коммиссіи, на которыя и было возложено производство дознаній и вообще принятіе должныхъ мѣръ для предупрежденія возстанія. Начавшіеся розыски еще болѣе усиливали панику и раздували слухи. Всѣмъ и всюду мерещились гайдамаки. Россія представлялась главной попустительницей мятежа. Священники, православные и уніатскіе, монахи, ходившіе за милостыней, особенно же великороссы-коробейники—всѣ эти лица въ глазахъ перепуганной шляхты превратились въ русскихъ агентовъ-подстрекателей и организаторовъ новой гайдамачины. По самымъ пустымъ оговорамъ ихъ схватывали, подвергали пыткамъ, приговаривали къ казнямъ...

Среди польскихъ государственныхъ людей были, правда, и лица благоразумныя, не поддавшіяся общему безумію, но такихъ было не много и они не въ состояніи были образумить помѣшанныхъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ князь А. Чарторыжскій. Лишь только на сеймѣ начались раздаваться тревожные вопли объ ожидаемыхъ ужасахъ въ русскихъ воеводствахъ, князь Чарторыжскій, желая, очевидно, провѣрить страшные слухи, письмомъ отъ 14 янв. 1789 г. звалъ въ Варшаву протопопа Строцкаго, къ которому привыкъ относиться съ большимъ довѣріемъ. На приглашеніе Его Сіятельства о. Строцкій такъ отвѣчалъ: Быть въ Варшавѣ и приклонить главу свою къ ногамъ Вашей Свѣтлости—это принесло бы мнѣ великое утѣшеніе. Но къ крайнему моему прискорбію я съ самаго начала сей зимы испытываю не только старческія немощи, но и страдаю отъ постигшей меня болѣзни и еле-еле могу ходить по комнатѣ; а потому считаю великимъ рискомъ отправляться въ далекій путь. Отложивши поѣздку въ Варшаву до своего выздоровленія и предоставляя въ руки Божіи продленіе моей семидесятилѣтней жизни, считаю долгомъ своимъ, пока живъ буду, молиться о

счастливой и по возможности долголѣтней жизни свѣтлѣйшаго благодѣтеля, покровителя и защитника православія“ [1])...

Когда же о. Строцкій узналъ, для какой цѣли Чарторыжскій вызывалъ его въ Варшаву, то въ февралѣ того же года письменно донесъ Его Сіятельству, что „Украина находится въ совершенномъ спокойствіи и среди обывателей ея нѣтъ никакихъ замысловъ къ повстанію... Разглашаемая молва не имѣетъ никакого основанія, и всѣ здѣшніе управители считаютъ ее баснію... Раньше и теперь народъ всей Грановщины къ Вашей Свѣтлости питаетъ искреннюю любовь и вѣрность... И всѣ мои старанія будутъ приложены къ сохраненію и утвержденію спокойствія и тишины“ [2])...

Отославши это письмо въ Варшаву, о. Строцкій копію съ онаго отправилъ къ Смѣлянскому протопопу Левандовскому и совѣтовалъ ему немедленно созвать всѣхъ ближайшихъ къ нему украинскихъ протопоповъ и, „составивши коллективное завѣреніе, что по всей Украинѣ народъ пребываетъ въ тишайшей спокойности... и что священство къ вѣрности, почитанію и повиновенію своимъ властямъ, какъ долгъ велитъ, прихожанъ своихъ наставляетъ, научаетъ и предостерегаетъ отъ возмущенія... отослать оное князю Чарторыжскому по почтѣ“ [3]).

Ни частное завѣреніе о. Строцкаго, ни коллективное всѣхъ украинскихъ протопоповъ не могло разсѣять быстро распространявшейся въ Польшѣ басни, что на Украинѣ замышляется страшный бунтъ. 18 апрѣля 1789 года преосвященный Викторъ Садковскій, по распоряженію Посполитной Рѣчи, былъ арестованъ и, какъ государственный преступникъ, заключенъ въ темницу. Конечно, и подвѣдомственное ему украинское духовенство не было оставлено въ покоѣ.

Въ то время, когда преосвященный Викторъ томился въ неволѣ, а подвѣдомственные ему украинскіе священнослужители изнывали подъ тяжестію самыхъ суровыхъ истязаній, отецъ Строцкій жилъ довольно спокойно и рѣшился оставить послѣ

---

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 52.

[2]) Тамъ же

[3]) Тамъ же стр. 51 на оборотѣ.

себя память, во-первыхъ, постройкою въ Грановѣ, вмѣсто обветшавшей, новой Успенской церкви и во-вторыхъ — возстановленіемъ права на безспорное пользованіе тѣми матеріальными средствами, которыя, для содержанія сей церкви и ея священнослужителей, еще въ 1706 году были дарованы Адамомъ Сѣнявскимъ, краковскимъ каштеляномъ и княземъ Августомъ-Александромъ Чарторыжскимъ. Для осуществленія этого важнаго дѣла онъ обратился съ покорнѣйшею просьбою къ своему патрону молодому князю Чарторыжскому, который довольно скоро прислалъ на имя грановской успенской церкви за своею подписью слѣдующее эрекціональное право.

„Объявляемъ, кому слѣдуетъ знать, а именно коммисару, губернатору, администратору нашихъ Грановскихъ имѣній, и всякому начальству нынѣшнему и впредъ имѣющему быть, что я, для умноженія хвалы Божіей, желаю соорудить въ Грановѣ новую церковь, подъ титуломъ Успенія Пресвятой Богородицы, на счетъ моихъ собственныхъ средствъ; также желаю возстановить и возстановляю всѣ фонды, данные грановской успенской церкви ея колляторами, Адамомъ Сѣнявскимъ, каштеляномъ краковскимъ, и княземъ Августомъ-Александромъ Чарторыжскимъ, для того, чтобы она всегда имѣла свои средства для своего существованія; возстановляю также издавна существующій обычай ежегодно справлять кануны на табельный праздникъ Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи, т. е. варить къ сему празднику двѣ бочки прѣснаго меду и шинковать имъ въ теченіе трехъ дней, а собранныя отъ продажи деньги вносить въ церковную кассу и употреблять на нужды храма Божія, по усмотрѣнію церковнаго причта и братчиковъ. Воскъ, добытый при медовареніи, приказываю употреблять на освѣщеніе церкви. Мнѣ благоугодно, чтобы этотъ назначаемый для церкви даръ имѣлъ начало отъ моего имущества; и потому для кануна, имѣющаго быть въ семъ году, приказываю выдать изъ моего магазина двѣ полубочки меду, въ послѣдующіе же годы церковь на свои средства должна пріобрѣтать медъ для справленія кануновъ. Желаю также, чтобы и парохъ грановской успенской церкви, и впредъ имѣющіе быть парохи сей церкви имѣли свое содер-

жаніе отъ меня, и даю во владѣніе ихъ отъ себя: домъ съ садомъ и постройками; леваду при домѣ; пахатныя поля въ три руки— въ каждую на пятнадцать дней оранки (ежедневная мѣра оранки—шнуръ въ сорокъ локтей); сѣнокосъ на шестьдесятъ копенъ; лѣсокъ для пасѣки, называющійся Адамковъ; ниже этого лѣска прудъ, чрезъ который протекаетъ рѣчка, текущая чрезъ Грановъ; садъ съ щепами въ лѣску; для отопленія пароху назначаю на каждый мѣсяцъ по три фуры дровъ изъ моихъ лѣсовъ; на праздники Рождества Христова и на табельный Успенія Пресвятой Дѣвы Маріи приказываю моей экономіи отпускать пароху по одному спусту горѣлки и по одной бочкѣ пива изъ моихъ подваловъ; пароховъ грановской успенской церкви разъ навсегда освобождаю отъ всякихъ податей и отъ всего, что подлежитъ доходности моей казны" [1]).

Между тѣмъ политическая кутерьма въ югозападномъ краѣ не прекращалась въ теченіе всего 1789 г. Слѣдственныя коммиссіи неутомимо разыскивали нити и корни предполагаемаго мятежа, хотя и не съ одинаковымъ рвеніемъ и успѣхомъ. Свирѣпѣе другихъ была волынская коммиссія, перевѣшавшая нѣсколько сотъ неповинныхъ крестьянъ и нѣсколькихъ уніатскихъ священниковъ (за отсутствіемъ въ томъ воеводствѣ православныхъ). Либеральнѣе всѣхъ оказалась коммиссія брацлавская, но и то потому лишь, что добрая половина этого воеводства принадлежала Станиславу-Феликсу Потоцкому, горячему стороннику Россіи. Тѣмъ не менѣе и здѣсь положеніе православныхъ священниковъ въ это тревожное время было не изъ легкихъ; ихъ не казнили, положимъ, но десятками сажали по тюрьмамъ во время производства слѣдствія и требовали или отречься отъ „благочестія", или подвергнуться изгнанію изъ отечества. Во время этихъ розысковъ обнаружилось между прочимъ, что православные священники повсемѣстно молились въ церквахъ за русскую императрицу, а не за польскаго короля. Это происходило отъ того, что такіе священники обыкновенно рукополагались въ Переяславѣ и тамъ приносили присягу на вѣрность

[1]) Копія сего права хранится между рукописями о. Строцкаго см. стр. 56.

русской государынѣ, а въ Украинѣ никто и не думалъ требовать отъ нихъ присяги своему государю, королю. Разумѣется, это упущеніе было тотчасъ исправлено, но это открытіе еще болѣе усилило подозрительное отношеніе властей къ православному духовенству. Не ушелъ отъ этихъ подозрѣній и престарѣлый парохъ и деканъ м. Гранова, о. Іоаннъ Строцкій. Этотъ печальный эпизодъ изъ жизни своей о. Строцкій въ письмѣ, посланномъ князю А. Чарторыжскому въ концѣ іюня 1790 года, излагаетъ такъ: „Въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1790 года я письменно доносилъ Вашей Княжеской Свѣтлости, что вся Украина находится въ совершенномъ спокойствіи и среди обывателей ея не проявляется никакихъ замысловъ къ новому повстанію. Такое же точно, по благости Божіей, состояніе Украины и въ настоящее время. Украинское народонаселеніе всѣхъ сословій и всякаго вѣроисповѣданія наслаждается законнымъ покоемъ, кромѣ одного неуніатскаго духовенства, которое и подвергалось и теперь подвергается чрезвычайному угнетенію, всякаго рода лишеніемъ и жесточайшему преслѣдованію, по распоряженію брацлавской цивильно-войсковой коммиссіи".

„Сеймовая Коммиссія, продолжающая свои засѣданія въ Варшавѣ по сіе время, универсаломъ, послѣдовавшимъ 18 апрѣля сего 1790 года, раздѣлила все неуніатское духовенство на двѣ категоріи. Къ первой категоріи она отнесла неуніатовъ, называемыхъ чернецами, которые переходятъ съ одного мѣста на другое и нигдѣ не имѣютъ своей осѣдлости, а ко второй—неуніатовъ, составляющихъ бѣлое духовенство, которые имѣютъ свою постоянную осѣдлостъ и имѣютъ быть возвращены къ своимъ бенефиціямъ. Неуніатовъ первой категоріи конституція предписала изгнать изъ польскаго королевства въ двухнедѣльный срокъ; относительно же вторыхъ та же конституція постановила, чтобы они, по возвращеніи ихъ къ своимъ бенефиціямъ, немедленно выполнили присягу на вѣрность королю и Посполитой Рѣчи, и за тѣмъ на служебахъ Божіихъ вечернихъ, полунощныхъ, утреннихъ и полуденныхъ поминали короля и шляхту и молились Богу о благоденствіи ихъ. Вотъ что коммиссія порѣшила и узаконила. Хотя мы, принадлежащіе къ бѣлому неуніатскому

духовенству, и не возвращены къ своимъ бенефиціямъ, однако уже принесли присягу на вѣрность нашему королю и Посполитой Рѣчи, одни въ брацлавскомъ воеводствѣ, а другіе въ кіевскомъ, и письменное удостовѣреніе, съ приложеніемъ городской печати, о выполненіи такой присяги каждый изъ насъ имѣетъ. Справедливое постановленіе конституціи каждый изъ насъ сердечно лобызалъ; мы надѣялись, что милосердая и справедливая конституція доставитъ намъ покой, и терпѣливо ожидали дальнѣйшей къ намъ милости короля и Посполитой Рѣчи въ возращеніи намъ бенефицій. Но ожиданія наши оказались напрасными. Въ недавное время брацлавская цивильно-войсковая коммиссія опубликовала свое постановленіе, на основаніи котораго неуніатское бѣлое духовенство, если откажется отъ принятія уніи, подлежитъ заключенію въ карцеры и немедленному изгнанію изъ польскаго края. Мандатъ съ такимъ постановленіемъ мнѣ предъявилъ брацлавскій губернаторъ, и копію съ сего мандата я прилагаю при семъ для свѣдѣнія Вашей княжеской Свѣтлости. Все бѣлое неуніатское духовенство теперь стонетъ и не знаетъ, что предпринять ему для своего спасенія".

„26 числа сего іюня, по дѣлу о взнесенной на меня клеветѣ въ моей якобы политической неблагонадежности, я былъ вытребованъ въ Брацлавскую Цивильно-войсковую Коммиссію но по милости Божіей оказался совершенно невиннымъ. Въ той-же Коммиссіи меня допрашивали: гдѣ и отъ кого я родился; гдѣ и чему учился; какъ давно я священствую, почему я неуніатъ; почему отказываюсь отъ принятія уніи?—На эти и подобные имъ вопросы я далъ надлежащіе отвѣты. Послѣ моихъ отвѣтовъ Коммиссія указала мнѣ на прошлогоднюю, опубликованную Универсаломъ Конституцію, которая якобы распространяетъ изгнаніе изъ края и заключеніе въ карцеры на всѣхъ неуніатовъ, отрекающихся отъ принятія уніи. Я доложилъ Коммиссіи, что указанная Конституція касается только бродячихъ неуніатовъ монаховъ, не имѣющихъ осѣдлости, но не относится къ бѣлому неуніатскому духовенству, имѣющему свою осѣдлость. Съ моимъ объясненіемъ Коммиссія не захотѣла согласиться и указала на трактатъ 1768 года, въ которомъ говорится, что вся-

кій, отступившій отъ римско-католической церкви, подлежитъ изгнанію изъ края, и, на основаніи сего трактата, угрожала мнѣ за отказъ отъ принятія уніи немедленнымъ изгнаніемъ изъ края. Угроза Коммиссіи поставляетъ меня въ весьма затруднительное положеніе; но я нисколько не отчаяваюсь въ надеждѣ на милость Божію и многомощное заступничество Вашей Княжеской Свѣтлости, моего всегдашняго благодѣтеля и патрона. Волею Божіею я прожилъ въ свѣтскомъ званіи болѣе 25 лѣтъ, а священствую въ Грановѣ 44 года съ лишнимъ; но въ теченіе столь долгой жизни никто не замѣчалъ за мною никакихъ неодобрительныхъ поступковъ. Когда мнѣ исполняется 70 лѣтъ отъ рожденія, когда я ежедневно долженъ ожидать смерти,—въ это время Брацлавская Цивильно-войсковая Коммиссія съ угрозами приклоняетъ меня на унію. Отче Небесный, Боже Милостивый, избави меня отъ уніи!“

„Находясь нынѣ въ весьма критическомъ положеніи, я обращаюсь къ заступничеству Вашей Княжеской Свѣтлости и, обливая ноги ваши своими старческими слезами, умоляю протянуть мнѣ руку помощи и оказать мнѣ одну изъ двухъ милостей: либо дозволить мнѣ спокойно окончить жизнь свою въ Грановѣ, или же, если это невозможно, предоставить мнѣ право вмѣстѣ съ моимъ служителемъ (у меня нѣтъ уже ни жены, ни дѣтей) безъ всякой помѣхи выѣхать за границу и взять изъ моего имущества то, что окажется возможнымъ“[1]).

Въ просимой о. Строцкимъ защитѣ князь Чарторыжскій не отказалъ, и 27 іюля 1790 года изъ с. Кржезовицъ посланъ въ Брацлавскую Цивильно-войсковую Коммиссію слѣдующій протестъ: „Пресвѣтлая Цивильно-войсковая Коммиссія Брацлавскаго воеводства! Полученная мною жалоба отъ превелебнѣйшаго Протопресвитера, Ксендза Строцкаго, моего Грановскаго пароха, достойнаго всякаго уваженія, даетъ мнѣ справедливый поводъ отнестись съ просьбою къ ясневельможнымъ панамъ Коммиссіи объ оказаніи милости этому истинно достойному человѣку и уважаемому священнослужителю, чтобы онъ впредь не подвергался

[1]) Рукописи О. Строцкаго стр. 57.

тѣмъ преслѣдованіямъ, которыя уже испыталъ и отъ которыхъ его защищаетъ законъ, но свободно бы оставался въ Грановѣ при своей благочестивой вѣрѣ и при исполненіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Самъ я могу засвидѣтельствовать, зная на дѣлѣ, что, когда вся Украина была воспламенена огнемъ рѣзни, Грановская окрестность его стараніями и настойчивостію была спасена отъ этой шкарады и даже не обнаружила ни малѣйшаго сочувствія къ повстанію. А потому не знаю, на какомъ основаніи онъ могъ быть принуждаемъ къ уніи, ежели не существуетъ закона, на который въ этомъ случаѣ можно бы опереться, или который бы это допускалъ, а тѣмъ болѣе нѣтъ такого закона, который бы это предписывалъ. Ежели у насъ изданъ законъ о преслѣдованіи монаховъ, бунтующихъ народъ, то законъ сей не касается бѣлаго духовенства, имѣющаго свои парохіи. Всѣмъ намъ понятны тѣ чрезвычайныя лишенія и бѣдствія, какія отечество наше потерпѣло отъ насилія надъ исповѣдниками Восточной вѣры и стало жертвою невознаградимыхъ потерь. Не сомнѣваюсь въ прозорливости и свѣтломъ взглядѣ ясневельможныхъ пановъ и надѣюсь, что они поудержатъ свое рвеніе въ насильственномъ приклоненіи о. Строцкаго на унію и уважатъ мое ходатайство относительно предоставленія ему права свободно исповѣдывать свою Восточную вѣру и исправлять свои обязанности. Если же послѣдуетъ противное, то дѣло сего Протопресвитера я вынужденъ буду представить на благоусмотрѣніе высшей власти. А теперь, пользуясь настоящимъ случаемъ, ввѣряю себя доброжелательности Ясневельможныхъ пановъ и добродзѣевъ Брацлавской Цивильно-войсковой Коммиссіи и остаюсь найнизшимъ слугою Адамъ, князь Чарторыжскій.“ [1]).

На протестъ князя Чарторыжскаго Брацлавская Коммиссія не обратила вниманія и дѣло (свое) объ изгнаніи о. Строцкаго изъ края представила на усмотрѣніе Варшавской Сеймовой Коммиссіи. Послѣдняя уважила усиленное ходатайство Чарторыжскаго и предоставила о. Строцкому право оставаться въ Гра-

---

[1]) Тамъ же стр. 42.

новѣ, но не дала ему защиты отъ уніатскихъ насилій и преслѣдованій. Съ этими гоненіями и преслѣдованіями ревностный поборникъ православія, въ теченіе почти полувѣковаго служенія Церкви Божіей, довольно свыкся, и душа его нисколько не возмущалась продолженіемъ ихъ и беззащитностію отъ нихъ,— онъ твердо убѣжденъ былъ, что онѣ въ ближайшемъ будущемъ окончатся, и православная церковь на Украинѣ восторжествуетъ не только надъ уніею, но и надъ католицизмомъ.

Когда преосвященный Викторъ Садковскій, послѣ тридцати девятимѣсячнаго пребыванія подъ тяжкимъ арестомъ, опять вступилъ въ отправленіе своихъ архипастырскихъ обязанностей, о. Строцкій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему не только описалъ свое горестное состояніе съ 1780—1793 г., но выразилъ и свои твердыя надежды, что, послѣ бывшихъ тяжкихъ гоненій, на Украинѣ „возсіяетъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго восточнаго исповѣданія свѣтъ.“ „Утѣшаяй всякого въ скорбяхъ, Создатель“, писалъ онъ въ началѣ февраля 1794 года, „не оставилъ въ горестномъ состояніи и меня, съ 1788 года бѣдствующаго и до 1793 года претерпѣвающаго жесточайшую бурю гоненій отъ враговъ нашей Святой Восточной вѣры. Дражайшее Вашего Высокопреосвященства письмо [1]), пущенное истекшаго года декабря 21 дня изъ Слуцка протоіереемъ о. Димитріемъ, а мною января сего текущаго года полученное, я принялъ съ униженнѣйшимъ почтеніемъ и со слезами облобизалъ оное. Чрезъ Ваше архипастырское письмо Господь Богъ меня, состарѣвшагося въ гоненіяхъ и бѣдахъ, утѣшилъ и семидесятилѣтній вѣкъ мой, яко юность орлю, обновилъ. Теперь я имѣю твердое и неложное упованіе, что, послѣ тяжкихъ гоненій и волненій, возсіяетъ у насъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго восточнаго исповѣданія свѣтъ. Вашего Высокопреосвященства письмо не токмо меня, но и всѣхъ, подобно мнѣ бѣдствовавшихъ въ Уманщинѣ, Бершадщинѣ и на Побережью до ста священниковъ обрадовало извѣстіемъ, что мы съ сего года перестанемъ платить помѣщикамъ полякамъ ежегодно съ грунту

[1]) Письмо это не сохранилось между рукописями отца Строцкаго.

по 30 рублей чиншу и избавимся отъ всѣхъ громадскихъ повинностей, по милосердію Божію и по Высочайшей волѣ нашей Россійской монархини. Возблагодарить Ваше Высокопреосвященство, какъ подобаетъ, я невѣжа, но желаю, да въ небесныхъ обителяхъ своихъ Всеблагій Господь вознаградитъ Васъ всѣми благами, которыя не восходили на сердце человѣку. Мое же одолженіе—сіе есть: знать, что я всегда есмь и буду недостойнымъ подножіемъ Вашего Высокопреосвященства [1])".

Исходатайствованное Чарторыжскимъ о. Строцкому право оставаться въ Грановѣ и исполнять свои пастырскія обязанности не осталось безъ добрыхъ послѣдстій для того святого дѣла, которому всецѣло посвятилъ себя этотъ приснопамятный ревнитель православія на Украинѣ.

Подъ его (весьма) бдительнымъ надзоромъ, на ассигнованныя княземъ Чарторыжскимъ средства, была построена въ Грановѣ, на каменномъ фундаментѣ, новая (весьма) благолѣпная деревянная церковь во имя Успенія Пресвятой Богоматери. При постройкѣ ея между о. Строцкимъ и главнымъ коммисаромъ княжескихъ имѣній Бернатовичемъ возникали разнаго рода пререканія, которыя, хотя на нѣкоторое время пріостанавливали работу, но разрѣшались княземъ, согласно желаніямъ перваго изъ нихъ. По поводу этихъ пререканій князь 29 апрѣля 1791 года изъ Пулавъ такъ писалъ о. Строцкому: „Письмо превелебнаго господина моего, съ приложенными къ нему бумагами, касающимися постройки церкви въ Грановѣ, мною получено; относительно сей постройки я, насколько возможно, буду согласоваться съ вашими требованіями, но предварительно мнѣ слѣдуетъ объясниться съ вельможнымъ Бернатовичемъ, коммисаромъ моихъ имѣній" [2]). Постройка новой Успенской церкви въ Грановѣ окончилась въ половинѣ 1792 года, а освященіе ея послѣдовало въ концѣ того же года, по благословенію преосвященнаго Виктора Садковскаго, проживавшаго тогда въ Варшавѣ послѣ своего освобожденія изъ Ченстоховскаго каземата.

---

[1]) Копія сего письма приложена къ рукописямъ о. Строцкаго стр. 46 и 47.

[2]) Оригиналъ сего письма хранится между рукописями о. Строцкаго, стр. 17.

Часы досуга своего, во время постройки церкви въ Грановѣ, отецъ Строцкій посвятилъ составленію„ Отповѣди [1]) своей тогдашнему Уніатскому Митрополиту. Поводъ къ принятію на себя этого труда онъ излагаетъ такъ: „Высшая уніатская духовная власть—Митрополитъ Іасонъ Смогоржевскій, въ добавленіе къ разнаго рода преслѣдованію неуніатовъ, еще присоединилъ разнаго рода шкаредное глумленіе надъ неуніатскою православною церковью и ея духовенствомъ. Онъ и въ публичныхъ универсалахъ своихъ, разсылаемыхъ повсюду, и въ письмахъ къ частнымъ лицамъ употребляетъ разные гнусные оскорбительные термины, чтобы еще болѣе разжечь среди враговъ благочестія вражду къ православному исповѣданію и духовенству его.

„Въ универсалѣ своемъ, выданномъ 17 марта 1781 года, онъ, между прочимъ, пишетъ: „*О какую расшатанную вѣтромъ сопротивленія отверженныхъ и бунтовническими наѣздниками наполненную церковь нашелъ я! Можетъ ли эта церковь сохранить единство при бурныхъ теченіяхъ? Она упорствуетъ въ своемъ богомерзкомъ отступничествѣ.*"

„Въ универсалѣ, выданномъ 5 марта 1782 года, тотъ же ясневельможный Смогоржевскій цитируетъ манифестъ, отъ лица Ея Величества россійской Императрицы, опубликованный въ 1768 году, и утверждаетъ, что *неуніатское духовенство само вымыслило волю касательно избіенія поляковъ и уніатовъ на Украинѣ и называетъ это духовенство злодѣями и возмутителями противъ общественнаго спокойствія.*"

„Въ письмѣ къ одной высокопоставленной особѣ ясневельможный Смогоржевскій утверждаетъ, что *неуніатское духовенство нашихъ мѣстностей получило посвященіе отъ католическихъ бискуповъ, но отступило отъ единства съ римскою столицею и теперь служитъ католичеству помѣхою и нарушаетъ спокойствіе;* что *законы Посполитой Рѣчи сеймовые и трактатовые признаютъ неуніатское духовенство за криминальныхъ преступниковъ, которыхъ слѣдуетъ наказывать строго и изгонять изъ края.*"

---

[1]) Отповѣдь сія написана на польскомъ языкѣ и хранится между рукописями о. Строцкаго.

Вслѣдъ за симъ о. Строцкій отъ себя и отъ всѣхъ тогдашнихъ украинцевъ дѣлаетъ такое обращеніе къ найвысшей польской власти: Мы, находившіеся въ мнимой уніи съ Римомъ, но по милости Божіей возвратившіеся въ лоно Восточной православной католической церкви, просимъ найвысшую власть о дозволеніи дать отповѣдь ясневельможному митрополиту Смогоржевскому." Послѣ такого обращенія слѣдуетъ самая отповѣдь, которую о. Строцкій раздѣлилъ на 12 отдѣловъ, примѣняясь въ семъ случаѣ къ 12 главнымъ эпитетамъ, которыми Смогоржевскій клеймилъ православную украинскую церковь и ея священнослужителей.

„1. На выраженія: *О какую расшатанную вѣтромъ сопротивленія отверженныхъ... я нашелъ церковь*—даемъ слѣдующій отвѣтъ. Ясневельможный Смогоржевскій не имѣетъ никакого уваженія къ трактату 1768 года, запрещающему выраженія оскорбительныя для ближняго. Ни во что онъ ставитъ апостольское и самого Іисуса Христа приказаніе: *не судите ближняго раньше времени*. Безъ зазрѣнія совѣсти, уніатскій митрополитъ осмѣлился назвать исповѣдниковъ православной Восточной церкви *отверженными* и таковыми опубликовалъ ихъ по всѣмъ мѣстамъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ. Мало того, онъ даже оплакалъ души *отверженныхъ*. Слишкомъ ретивый пастырь! Богъ, Судія справедливый, да видитъ неправоту ясневельможнаго уніатскаго митрополита! Мы отвѣтственны предъ Богомъ за всѣ наши дѣла; мы грѣшны; однако *неотвержены*. Что касается нашего исповѣданія,—мы истинно правовѣрныя чада католической, восточной греко-россійской православной церкви и неизмѣнно сохраняемъ ея ученіе во всемъ, что Духъ Святой возвѣстилъ устами святыхъ апостоловъ, пророковъ, великихъ учителей и Отцевъ церкви о таинствѣ Пресвятой Троицы, о рожденіи Сына Божія предвѣчномъ и временномъ, объ исхожденіи Святаго Духа предвѣчномъ и временномъ ниспосланіи Его, о Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, о святыхъ Таинствахъ церкви и всѣхъ вообще догматахъ христіанской вѣры. Въ исповѣдуемой нами вѣрѣ мы желаемъ умереть и несомнѣнно надѣемся, что страшный судъ Божій не признаетъ насъ за *отверженныхъ*,

если дѣла наши будутъ согласоваться съ нашею святою истинною вѣрою. Судія всѣхъ живыхъ и мертвыхъ не обратитъ никакого вниманія на приговоръ ясневельможнаго Смогоржевскаго, и ему совѣтуемъ со вниманіемъ прочитать, если имѣетъ досугъ, постановленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ; тамъ онъ найдетъ, когда и за что Св. Церковь признала людей отверженными и предала анаѳемѣ; причемъ считаемъ не лишнимъ посовѣтовать ему прочесть гимнъ на праздникъ Св. Духа, поемый въ этотъ день уніатами въ городскихъ и сельскихъ церквахъ. Гимнъ этотъ находится въ Тріоди, которая, послѣ корректуры уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго, напечатана была 1739 года въ Львовской типографіи и читается въ переводѣ на польскій языкъ такъ: Wielbimy Cię, Zyciadawco Chryste, i czcimy Swętego Ducha Twego, Ktoregos' od Ojca i Syna posłalés błagosłowjonym swoim. Кажется, какъ будто гимнъ сей составленъ согласно ученію Римской церкви; но пусть ясневельможный Смогоржевскій посчитаетъ лицъ, поименованныхъ въ гимнѣ; онъ найдетъ четверицу, а не Тройцу,—найдетъ Христа величаемаго и затѣмъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа святаго,—въ краткихъ словахъ скажемъ, найдетъ ересь Несторія, который утверждалъ, что иной есть Христосъ, а иной Сынъ Божій. За таковое лжеученіе Вселенская церковь предала анаѳемѣ Несторія и послѣдователей его. Такъ какъ уніаты въ прописанномъ гимнѣ близки къ ереси Несторія, то не подлежатъ ли и они тому же отлученію, какое изречено на III вселенскомъ соборѣ противъ сего еретика? Пусть рѣшитъ сей вопросъ самъ ясневельможный Смогоржевскій, дерзнувшій назвать насъ *отверженными*.

2. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный митрополитъ утверждаетъ, что наша *неуніатская церковь наполнена бунтовническими наѣздниками*. Отвѣчаемъ: не наша, а уніатская церковь наполнена *бунтовническими наѣздниками*. Для доказательства сего представимъ нѣсколько фактовъ. Янъ Яхимовичъ, бывшій уманскій суфраганъ, 1780 г. отдалъ приказъ своему инстигатору Петру Твардіевичу собрать 20 уніатовъ и столько же дьяковъ и напасть на неуніатскую церковь въ Грановѣ.

Толпа эта, довольно подпившая, въ теченіе цѣлаго дня, таранами, дрюками, клиньями, топорами и долотами выламывала церковныя двери и работу свою кончила только предъ заходомъ солнца. Не только христіане, но и невѣрующій жидовскій людъ, живущій въ Грановѣ, крайне возмущался уніатскою работою. Что же продѣлывалъ Яхимовичъ въ другихъ мѣстахъ Грановской и Уманской протопопій? Бунтовническія уніатскія нападенія на неуніатскія церкви вездѣ сопровождались отбиваніемъ замковъ, ломкою церковныхъ дверей, разбитіемъ церковныхъ окошекъ и глумленіемъ надъ неуніатскою святынею.

Ксендзъ Василій Рогаля-Левицкій, дзеканъ Браиловскій своими дѣйствіями еще нагляднѣе доказалъ, что уніатская церковь наполнена бунтовническими наѣздниками. Онъ, также собравши 20 уніатовъ и столько же пьяныхъ дьяковъ, вмѣстѣ съ ними въ день Св. Анны, 25 іюля 1781 года, поздно вечеромъ, передъ самымъ началомъ всенощнаго бдѣнія, неожиданно ворвался въ Литинскую церковь, въ которой ни дьяка, ни пономаря тогда не было,—они, боясь уніатскаго тиранства, разбѣжались; не было тамъ даже ни одного мірского человѣка, а только шесть священниковъ. Въ тотъ моментъ, когда Рогаля-Левицкій входилъ въ 40 людьми въ церковь, одинъ священникъ вышелъ изъ олтаря со свѣчей и, ставши предъ царскими вратами, возгласилъ, *востаните, владыко благослови*! Сего священника ксензъ Рогаля-Левицкій дьяку своему велѣлъ ударить дрюкомъ по головѣ, и тотъ, ошеломленный отъ удара, безъ чувствъ упалъ на землю. По приказу того же Рогаля-Левицкаго, другой дьякъ, вбѣжавъ въ олтарь, палкою ударилъ по головѣ другого священника, возглашавшаго: *Слава Святѣй, Единосущнѣй, Животворящей и Нераздѣльнѣй Троицѣ*... Отъ сильнаго удара и этотъ священникъ въ безпамятствѣ упалъ на землю, обливаясь кровью; дьякъ немедля схватилъ его за бороду и вытащилъ на средину церкви. Обоихъ прибитыхъ священниковъ уніаты терзали и дрюками били, сколько хотѣли. Между тѣмъ, по приказу Рогаля-Левицкаго, потушены были всѣ свѣчи, исключая горѣвшей на престолѣ. Стоявшіе на двухъ клиросахъ—по два—неуніатскіе священники, чтобы спастись отъ дрюковъ, припали къ полу, а уніаты дрю-

ками били иконы и разбивали ставники передъ ними. Такъ какъ въ церкви было довольно темно, то никто изъ уніатовъ не видѣлъ, кого бьетъ, и сами себя дрюками страшно били и гвалтовали. И дзеканъ Рогаля-Левицкій не оставался въ бездѣйствіи. Онъ, добывши рапиръ изъ своей палки, не одного уніата скалѣчилъ—одному дьяку своему отсѣкъ ухо, а двумъ другимъ носы. Во время такой баталіи, вбѣжалъ въ церковь вновь прибывшій уніатъ и, увидѣвши здѣсь уніата въ бѣлой капотѣ и сочтя его за священника въ ризахъ, дрюкомъ такъ сильно ударилъ его по головѣ, что онъ мгновенно повалился на землю. Омертвѣвшаго уніата другіе окровавленные уніаты выволокли на цвинтарь и едва отрезвили водою. Когда уніаты учинили свою баталію, въ то время на всѣхъ литинскихъ колокольняхъ ударили тревогу, сзывая людей на гвалтъ. Вооруженные дрюками поспѣшно собирались на городскую площадь. Сбѣжалась сюда и многолюдная толпа жидовъ, которая учинила гвалтъ, уподоблявшійся тому гвалту, который былъ при разрушеніи Іерусалима и храма его. Перепуганные крикомъ уніаты выбѣжали изъ церкви и скрылись—куда кто могъ. Да разсудитъ же здравый смыслъ, кто бунтовничіе наѣздники—неуніаты, или уніяты? Кто нарушители общественнаго спокойствія—первые, или послѣдніе.

3. Въ томъ же универсалѣ неуніаты называются *безбожными отступниками*. Отвѣчаемъ: Святая церковь называетъ безбожными только тѣхъ, которые отрекаются отъ христіанской церкви и впадаютъ въ идолопоклонство. Названіемъ безбожнаго отступника слѣдуетъ титуловать Юліана, римскаго императора, и подобныхъ ему. Но такой титулъ не можетъ быть примѣнимъ къ намъ, отказавшимся отъ уніи и принадлежащимъ къ православной греко-россійской церкви. По какому же праву ясневельможный Смогоржевскій называетъ насъ безбожными отступниками? Invidia, ira es malitia nihil recti sentiunt. Ради этихъ (ненависти, гнѣва и злости) уніатскихъ добродѣтелей, уніатскій пастыреначальникъ уклонился отъ справедливости. Оклеветаніе неуніатовъ въ отступничествѣ предоставляемъ рѣшенію исторіи и сохранившимся еще съ 1340 года монаршимъ

привилегіямъ, изъ которыхъ ясно видно, что наша вѣра въ Польшѣ признана древнею восточною вѣрою, имѣющею свое начало одновременно съ началомъ польской короны. Хотя митрополитъ Исидоръ 1439 года на Флорентинскомъ Соборѣ принялъ унію съ Римомъ, но, еще раньше чѣмъ онъ возвратился въ Россію, Промыслъ Божій чрезъ Св. Сергія, Радонежскаго Чудотворца, предувѣдомилъ, что сей митрополитъ сталъ отступникомъ. Предупрежденный русскій народъ исидоровской уніи не принялъ и пребывалъ въ древней восточной вѣрѣ. Въ 1595 году Ипатій Поцѣй, владимірскій епископъ, и Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій, самовольно отступили отъ константинопольской апостольской столицы, основанной апостоломъ Андреемъ, а также и отъ власти кіевскаго митрополита и безъ вѣдома духовенства и народа устроили унію. Однако діоцезіи—Львовская, Галицкая, Каменецкая, Подолія, Волынь, Полѣсье и вся Украина, въ силу трактата 1686 года, заключеннаго съ Россіею, непрерывно пребывали въ неуніи, вплоть до Замойскаго Собора, бывшаго 1720 года. Послѣ Замойскаго Собора въ 1727 году, а главнымъ образомъ 1735 года, уніатская власть—и духовенство и народъ принудили къ уніи; съ того времени мы и находились въ уніи; но Богъ просвѣтилъ насъ, что эта унія не есть унія, а настоящая апостазія, и потому мы отъ уніатской апостазіи вернулись въ лоно православной восточной церкви и теперь состоимъ истинными исповѣдниками православной восточной греко-россійской вѣры, а не безбожными отступниками, какъ титулуетъ насъ ясневельможный Смогоржевскій.

4. Въ томъ же универсалѣ онъ пишетъ: по *діавольскому наущенію уклонились отъ уніи.* Отвѣчаемъ: фарисеи, ненавидѣвшіе Іисуса Христа и Его Божескія дѣла, злословили Его и клеветали, что *Онъ прогоняетъ бѣсовъ якобы силою веельзевула, князя бѣсовскаго.* Неудивительно поэтому, что и митрополитъ уніатскій нашу каѳолическую вѣру, Іисусомъ Христомъ и Его святыми апостолами засвидѣтельствованную посредствомъ знаменій и чудесъ, называетъ послѣдствіемъ *діавольскаго наущенія.* Пребывая въ уніи, мы не только чрезъ Богомъ дарованнаго Радонежскаго Чудотворца Сергія, но и чрезъ другихъ святыхъ ви-

димыми знаменіями и чудесами убѣждались, что оставленная нами восточная грекороссійская вѣра есть каѳолическая. Такому убѣжденію содѣйствовали: часть руки Св. Іоанна Крестителя, находящаяся въ Бржезанахъ на Подоліи въ мѣстной церкви, Св. Іоаннъ Сочавскій въ Жолквѣ и Св. Іовъ Желѣзо въ Почаевѣ; а въ Россіи за наше время прославился чудесами Святитель Димитрій, и митрополитъ Ростовскій. На основаніи сихъ и другихъ доказательствъ святости вѣры неуніатской, мы оставили унію и вернулись на лоно матери нашей восточной церкви, но отнюдь не по наущенію діавольскому.

5. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный Смогоржевскій называетъ насъ *закоренѣлыми въ упорномъ отступничествѣ*. Отвѣчаемъ: доколѣ мы пребывали въ уніи, насъ никто не упрекалъ въ упорномъ отступничествѣ, но за то совѣсть каждую минуту мучила насъ, что въ такой отступнической уніи остаемся. Мы тогда сомнѣвались на счетъ нашего спасенія, потому что, по отступленіи отъ православія, мы не приняли обрядовъ римской церкви. Мы оплакивали свое отступничество и всегда пылали сердцами своими къ православію и молились объ избавленіи отъ навязанной намъ уніи. Когда же многомилостивый Господь услышалъ нашу молитву, когда указалъ подходящее время, мы немедленно возсоединились съ православною церковью и теперь не сомнѣваемся въ спасеніи душъ нашихъ, если человѣколюбецъ Господь Богъ будетъ милостивъ къ намъ и благостію своею покроетъ беззаконія и грѣхи наши. Предоставляемъ здравому смыслу и ясневельможному Смогоржевскому разсудить, слѣдуетъ ли насъ называть *закоренѣлыми въ упорномъ отступничествѣ?*

6. Въ универсалѣ, выданномъ 2 марта 1782 года, митрополитъ Смогоржевскій обозвалъ неунитовъ *бунтовщиками и нарушителями общественнаго спокойствія*. Отвѣчаемъ: исторія свидѣтельствуетъ, что пока въ Польшѣ не было уніи, то религія древняя восточная уживалась съ римскою, какъ душа съ тѣломъ, и всѣ подданные Польши наслаждались спокойствіемъ. Но какъ только 1596 года народилась унія, тотчасъ появились въ Польшѣ волненія, смятенія и безпорядки. Просимъ прочитать письмо ясневельможнаго Леона Сапѣги, канцлера великаго княжества

Литовскаго, къ Іосафату Кунцевичу, архіепископу полоцкому, которое написано и послано изъ Варшавы 1622 года. Мы предоставляемъ высшей власти обратить благосклонное вниманіе и на событія недавно минувшихъ лѣтъ, которыя совершались на нашихъ глазахъ. Начиная съ 1727 по 1766 годъ, уніатская духовная власть насильно начала отнимать у неуніатовъ церкви и парафіи, грабила ихъ движимое и недвижимое имущество, изгоняла ихъ изъ собственныхъ домовъ, глумилась надъ ихъ святынею,—что хотѣла, то и дѣлала съ ними; но неуніаты терпѣливо все переносили. Такимъ самоволіемъ отличался ксендзъ Михаилъ Примовичъ, кіевскій офиціалъ, за все время своего пребыванія въ этомъ званіи. Когда же покойный Володкевичъ, митрополитъ уніатскій, смѣстилъ Примовича и опредѣлилъ кіевскимъ офиціаломъ ксендза Григорія Мокрицкаго, послѣдній, изъ желанія заявить свое особенное усердіе къ распространенію уніи, задумалъ отобрать отъ неуніатскаго духовенства всѣ церкви и парафіи. Для успѣшнѣйшаго достиженія своего замысла, онъ чрезъ Володкевича, тогдашняго уніатскаго митрополита, исходатайствовалъ у региментаровъ, находившихся на Украинѣ, право брать, когда ему понадобятся, народовыя жолнерскія команды, при содѣйствіи которыхъ въ 1767 и 1768 годахъ отнялъ у неуніатовъ нѣсколько сотъ церквей и почти всѣхъ неуніатскихъ священниковъ, которыхъ успѣлъ захватить, заковалъ въ кандалы и отправилъ въ Радомысль, гдѣ ихъ содержали въ тюрьмѣ, морили голодомъ и холодомъ, ежедневно сѣкли не только розгами, но и канчуками и, употребляя на самыя тяжкія и позорныя работы, приклоняли на унію. Многіе изъ нихъ не вынесли тяжкихъ работъ и ежедневнаго сѣченія и скоро поумирали. Тѣла ихъ были лишены христіанскаго погребенія и, какъ падаль, зарыты на радомысльскихъ поляхъ. Такъ какъ благочестиваго духовенства на Украинѣ не стало и не было кому совершать христіанскихъ требъ для неуніатовъ, то офиціалы, кіевскій Мокрицкій и брацлавскій Янъ Любѣнскій, предписали дзеканамъ выслать каждому изъ своего деканата по шести уніатскихъ пароховъ, и каждому пароху поручено было въ досмотръ не менѣе шести благочестивыхъ парафій. Тогда много людей безъ испо-

вѣди, а дѣтей безъ крещенія поумирало. Украинскій народъ не подчинялся уніатскимъ парохамъ и возмущался изъ-за своего духовенства, за что официалы Мокрицкій и Любѣнскій многихъ изъ возмущавшихся мучили и даже лишали жизни посредствомъ самой лютой казни. Такъ, Млѣевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ, послѣ тяжкихъ мученій, живымъ былъ сожженъ и обезглавленъ, а Смѣлянскому сотнику, послѣ смертельныхъ побоевъ, была отрублена голова топоромъ. Другіе изъ возмущавшихся подвергались заключенію въ казематы, тяжкимъ работамъ и безчеловѣчному сѣченію канчуками. Неудивительно, что на Украинѣ вспыхнула тогда страшная буря, сопровождавшаяся ужаснымъ кровопролитіемъ. Когда эта буря заботливостію найяснѣйшихъ монарховъ утихла, неуніатами опять подана была жалоба на своихъ гонителей; и его величество нашъ найпресвѣтлѣйшій король опубликовалъ мандатъ, строго воспрещавшій всякаго рода преслѣдованія неуніатовъ. Но духовная уніатская власть никакого вниманія не обратила на королевскій мандатъ и еще съ большимъ ожесточеніемъ стала угнетать насъ. Ксендзъ Любѣнскій, официалъ Брацлавскій, и самъ, и дзеканы его съ жолнѣрскими командами объѣзжаютъ Брацлавщину для сбора subsidii charitativi и, не смотря не предъявляемыя неуніатами квитанціи въ уплатѣ сей подати, вторично вымогаютъ ее, употребляя при этомъ самыя жестокія насилія. Укажемъ изъ многихъ такихъ вымогательствъ, по крайней мѣрѣ, два. Въ мѣстечкѣ Красномъ жилъ викарій краснянскаго протопопа Богдановича. Въ квартиру сего викарія, для полученія subsidii charitativi, среди глубокой ночи ворвался краснянскій дзеканъ съ шестью шеренговыми и, какъ только викарій предъявилъ ему квитанцію, на голову его, по приказанію дзекана, тотчасъ надѣта была уздечка, и ему было приказано ходить на четверинкахъ,—что онъ и началъ дѣлать. На спину его тотчасъ сѣлъ одинъ шеренговый и велѣлъ возить себя по мѣстечку, а другіе шеренговые безчеловѣчно били его канчуками. Послѣдствіемъ сего возмутительнаго позора и побоевъ была смерть выкарія. Литинскій дзеканъ ту-же исторію продѣлалъ и съ неуніатомъ Молжевскимъ, хотя невполнѣ, такъ какъ русскій гусарскій поручикъ успѣлъ освободить его отъ смертельныхъ

побоевъ. Что же творилось въ Браиловѣ, Литинѣ, Летичевѣ, Широкой Греблѣ и въ другихъ мѣстахъ надъ неуніатскимъ духовенствомъ? О Боже, просвѣти духомъ справедливости сердца имѣющихъ власть; пусть они разсудятъ и скажутъ, кто нарушители покоя,—неуніяты ли, или духовныя уніатскія власти?

7. Въ томъ же универсалѣ ясневельможный Смогоржевскій неуніатское духовенство титулуетъ *злодѣями, вымыслителями Монаршей воли*. Отвѣчаемъ: Между апостолами нашелся одинъ злодѣй—Іуда. Равнымъ образомъ между множествомъ неуніатовъ и уніатовъ можетъ найтись не одинъ злодѣй. Въ дѣйствительности же между неуніатами духовными мы не знаемъ ни одного злодѣя. Хотя уніаты пробовали дѣло убіенія посессора подъ Бершадами приписать неуніату, но тотъ, котораго судилъ митрополитъ Шептицкій за это убійство и въ 1768 году растригъ,—былъ уніатъ. А мало ли было злодѣевъ уніатовъ при истязаніи и убіеніи Кирилла Зельнѣцкаго, православнаго уманскаго протопопа? Не далекъ отъ этого названія и діаконъ Консѣвичъ, опредѣленный на парафію въ деревню Юровку, корсунскаго деканата. Этотъ діаконъ вилкою выкололъ глаза женѣ православнаго іерея Павла и затѣмъ такъ жестоко билъ и мучилъ ее, что она на седьмой день Богу душу свою отдала. Пинскій уніатскій бискупъ Горбацкій за такой героическій подвигъ рукоположилъ Консѣвича въ санъ священника и допустилъ до совершенія Св. таинствъ церкви.

Ясневельможный Смогоржевскій называетъ неуніатовъ *вымыслителями монаршей воли*... Подъ монаршею волею онъ разумѣетъ ту *золотую грамоту*, которая въ 1768 году изъ Мотронинскаго монастыря была разослана по Украинѣ и здѣсь вызвала страшное кровопролитіе. Прочитавши эту грамоту, увидимъ, что вымыслители ея были названы *злодѣями*. Всероссійская императрица никогда не называла благочестивое духовенство злодѣями. И если бы неуніатское духовенство само составило упомянутую грамоту, то ужели бы оно само себя назвало злодѣями? Мы предполагаемъ, что уніатскій митрополитъ самъ выдумалъ монаршую волю, съ цѣлію между своими уніатами усилить злость къ неуніатскому духовенству.

8. Въ письмѣ къ одному высокопоставленному лицу митрополитъ Смогоржевскій неуніатовъ раздѣлилъ на два отдѣла. Къ первому отдѣлу онъ причислилъ тѣхъ изъ нашихъ предковъ, которые не приняли уніи, привезенной митрополитомъ Исидоромъ изъ Флоренціи, а ко второму—обитателей Подоліи, Волыни, Полѣсья и Брацлавщины, предки которыхъ изъ давнихъ временъ поселились въ этихъ мѣстахъ, но произошли отъ родителей католиковъ и воспитаны въ католической религіи. Отвѣчаемъ: мы не отрицаемъ, напротивъ признаемъ, что къ народу, съ давнихъ временъ поселившемуся въ Галиціи, Подоліи, Волыни, Полѣсьѣ и на Украинѣ въ воеводствахъ кіевскомъ и брацлавскомъ, заходили люди, рожденные отъ родителей католиковъ и воспитанные къ католической религіи; но считаемъ несомнѣннымъ, что древнѣйшіе обитатели сихъ мѣстъ, съ появленія между ними христіанства, содержали св. вѣру восточную, каѳолическую, неуніатскую. Для убѣжденія въ этомъ просимъ ясневельможнаго Смогоржевскаго прочитать сеймовыя и трактатовыя конституціи, изданныя 1659 года польскими монархами, а въ особенности трактатъ, заключенный Польшею съ Россіею 1686 г. Здѣсь написано, что епископства—львовское и луцкое съ всѣми діецезіями своими на Подоліи, Волыни, Полѣсьѣ и въ воеводствахъ кіевскомъ и брацлавскомъ, а также кіевская митрополія—должны на вѣчныя времена оставаться въ неуніи, а обиватели греко-россійскаго исповѣданія съ своимъ духовенствомъ навсегда должны пребывать въ неуніи. Затѣмъ просимъ прочитать данный 21 августа 1717 г. епископомъ львовскимъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ универсалъ, который въ благочестивыхъ церквахъ, при собраніи народа, въ неуніи бывшаго, опубликованъ и заключаетъ въ себѣ протестъ противъ совращенія неуніатовъ. Далѣе, о существованіи благочестія, въ показанныхъ мѣстахъ до Замойскаго собора, свидѣтельствуютъ св. антиминсы, выданные въ неуніатскія церкви раньше 1720 года, и богослужебныя книги, напечатанныя около сего года въ львовской типографіи. На Замойскомъ Соборѣ Аѳанасій Шептицкій, во время спора съ Леономъ Кишкою, доказывалъ, что всѣ антецессоры его, отъ самаго начала львовскаго епископства, были въ неуніи. 1727 года,

послѣ публикаціи дѣяній Замойскаго собора, Леонъ Кишка въ Житомірѣ, а Аѳанасій Шептицкій въ Барѣ сзывали неуніатское духовенство и принуждали къ уніи подъ страшными угрозами. На этомъ съѣздѣ одни изъ протопоповъ явно пристали на унію, другіе же, возвратясь въ дома свои, содержали древнюю вѣру свою, воспользовавшись послѣдовавшей вслѣдъ за съѣздомъ смертію короля Августа II и наступившимъ безкоролевьемъ. Такъ было до 1735 года. Въ послѣдующіе годы страшные насилія, грабежи, сѣченія и убійства вынудили весьма многихъ священниковъ и мірянъ приклониться на унію. Но принявшіе ее только по виду казались уніатами, внутренно же всѣмъ сердцемъ своимъ пылали къ греческой православной церкви и въ душѣ были исповѣдниками ея. Всякій годъ, а въ особенности въ началѣ лѣта, множество священниковъ и, по преимуществу мірянъ изъ Подоліи, Волыни, Полѣсья и со всей Украины, ходили въ Кіевъ для исповѣди и причастія св. таинъ Христовыхъ. Замѣтили это уніатскія духовныя власти, завидовавшія спасенію душъ человѣческихъ, и всякими способами противодѣйствовали спасительному странствованію въ Кіевѣ; ходившимъ на богомоліе въ Кіевъ грозили и проклятіемъ, и отлученіемъ отъ церкви, глумились надъ святыми мощами, называя ихъ засушенными тѣлами, утверждали, что въ Кіевѣ вѣра схизматическая, и кто туда ходитъ, тотъ даже за одно хожденіе впадаетъ въ проклятіе. Когда же угрозы, проклятія, глумленія и кощунство ничего не могли сдѣлать, тогда уніатская власть изобрѣла новый, еще небывалый способъ противодѣйствія,—предписала коменданту польской пограничной стражи, находящемуся въ Мытыщѣ подъ г. Васильковомъ, чтобы онъ бралъ подать отъ всякаго мірянина за переходъ границы по три золотыхъ и, кромѣ того, отъ ножа и свѣчи, находящихся при каждой особѣ, по одному рублю. Духовныя же особы за переходъ границы уплачивали по три и даже по шести рублей. Но это богопротивное, выдуманное уніатами средство не въ силахъ было отклонить народъ, пылавшій любовію къ благочестію и желавшій святаго причастія въ православной грекороссійской церкви,—отъ хожденія въ Кіевъ. О какое доброе дѣло совершила бы

высшая власть, еслибы воспретила уніатамъ упомянутое грабительство съ многочисленнаго Подольскаго, Волынскаго, Холмскаго, Полѣсскаго и Украинскаго народа, ежегодно идущаго въ Кіевъ на богомоліе!

9. На выраженія въ указанномъ письмѣ—*духовенство самовольно отступило отъ католическихъ пастырей, которымъ дало присягу въ послушаніи*—отвѣчаемъ: A majori bove discit arare minor. Слѣдовало ли Ипатію Поцѣю, владимірскому, и Кириллу Терлецкому, луцкому епископамъ, давать присягу въ послушаніи, самоправно отступать отъ послушанія отъ константинопольской апостольской столицы, отъ митрополита кіевскаго и отъ истинной католической греческой вѣры? Нѣтъ! Что же касается насъ,—мы имѣли полное право оставить навязанную намъ епископами владимірскимъ и луцкимъ унію, когда она оказалась апостазіею. Уніаты признаютъ евхаристію, совершаемую католиками на прѣсномъ хлѣбѣ, но не хотятъ принимать причастія на прѣсномъ хлѣбѣ. Мало того, уніатовъ, священнодѣйствующихъ на прѣсномъ хлѣбѣ, отлучаютъ отъ себя и проклинаютъ. Какая же это унія? Неуніаты крестятъ чрезъ троекратное погруженіе въ воду или троекратное обливаніе водою, по правиламъ апостольскимъ. Тѣхъ же правилъ строго придерживается и римско-котолическая церковь (ter fundit aquam sacerdos). Уніаты же, вопреки апостольскимъ правиламъ, вопреки древнимъ обычаямъ восточной и западной церкви, только разъ обливаютъ крещаемаго, какъ это дѣлаютъ Евноміане и Монтанисты. Всякій католикъ легко убѣдится въ уніатской апостазіи, какъ только прочитаетъ корректуру, а въ самомъ дѣлѣ порчу обрядовъ неуніатской греческой церкви, которая опубликована 3 мая 1738 года уніатскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ. Не своевольно мы отступили отъ уніи, но на основаніи привилегій и конституціонныхъ сеймовыхъ и трактатовыхъ постановленій, милостиво дозволяющихъ переходъ изъ уніи въ неунію.

10. *Католичеству, пастырству и Посполитой Рѣчи неуніатское духовенство помѣха* (przeszkoda), *неспокойность* и проч. Отвѣчаемъ и на сіи выраженія. Чтобы ясневельможный митро-

политъ Смогоржевскій убѣдился въ ошибочности этихъ выраженій, просимъ его вторично прочитать цитованное подъ № 6 нашей отповѣди письмо ясневельможнаго Сапѣги, канцлера Великаго княжества Литовскаго, къ Іосафату Кунцевичу. Это письмо скажетъ ему, кто помѣха католичеству и пастырству, кто причиняетъ безпокойство Посполитой Рѣчи, кто причиною общественныхъ смятеній. И еще просимъ ясневельможнаго Смогоржевскаго обратить свое вниманіе на дѣла уніатовъ и неуніатовъ, совершившіяся на нашихъ глазахъ. Дѣла эти ясно засвидѣтельствуютъ, что между нарушителями королевскихъ мандатовъ и постановленій Посполитой Рѣчи, а также между виновниками общественныхъ смятеній не было ни одного изъ среды неуніатовъ, а только одни уніаты.

11. *Таковыхъ* (неуніатскихъ священниковъ) *сеймовыя и трактатовыя постановленія признали криминальными отступниками и предписали строго карать ихъ и изгонять изъ края.* Отвѣчаемъ. Постановленій таковыхъ мы не только не читали, но даже о существованіи ихъ не слышали; напротивъ, всѣмъ и ясневельможному уніатскому митрополиту извѣстны законы, дозволяющіе переходъ, или вѣрнѣе возвращеніе изъ уніи въ неунію. Постолитая Рѣчь своими давними привилегіями и конституціями признала нашу вѣру истинною восточною грекороссійскою вѣрою; и затѣмъ, когда народилась унія, та же Посполитая Рѣчь назвала нашу вѣру раздвоенною и по своимъ соображеніямъ и небезуважительнымъ причинамъ дала милостивое разрѣшеніе на свободное возвращеніе изъ уніи въ неунію. Если же она дала такое разрѣшеніе, и дала непринужденно, то могла ли возвращающихся въ лоно православной восточной церкви признать криминальными отступниками и дать приказъ строго карать ихъ и изгонять изъ края? Пресвѣтлая постоянная рада не могла издавать такихъ законовъ, которые находились бы между собою въ противорѣчіи. Въ трактатѣ 1768 года есть, между прочимъ, строгое запрещеніе переходить изъ римско-католической вѣры въ какую-либо другую вѣру. Это запрещеніе ясневельможный Смогоржевскій отнесъ и къ уніатамъ, которые возвращаются въ неунію. Но справедливо ли онъ поступилъ?

Уніаты сами о себѣ засвидѣтельствовали, что они чада восточной церкви, а не западной, поелику во всѣхъ своихъ книгахъ пишутъ: *мы сынове Восточной церкви.* Если же уніаты *сынове Восточной церкви,* но въ сущности отступили отъ нея и не только не вошли въ составъ Римской церкви, напротивъ сформировали изъ себя новую вѣру, то ясневельможный митрополитъ уніатскій поступилъ бы логично, если бы и себя, и всѣхъ, принадлежащихъ къ этой новой вѣрѣ, назвалъ отступниками отъ древней восточной церкви и къ себѣ и къ паствѣ своей уніатской отнесъ упомянутое нами запрещеніе.

12. Въ томъ же письмѣ ясневельможный Смогоржевскій, хвалясь своею митрополитанскою дѣятельностію, пишетъ: *для уничтоженія богомерзкой апостазіи я весьма много старанія приложилъ и прибѣгалъ къ всѣмъ моимъ средствамъ для изгнанія неуніатовъ изъ края.* Отвѣчаемъ. Результаты такой усиленной работы уніатскаго митрополита извѣстны всѣмъ, а особенно намъ, которые изъ-за нея потерпѣли и тяжкія гоненія, и лишенія, и смертельныя мученія. Пусть исторія скажетъ слово правды о заслугахъ ясневельможнаго Смогоржевскаго; что же касается насъ, мы считаемъ неизлишнимъ противопоставить самохвальству его слѣдующій фактъ. Въ началѣ 1782 года митрополиту Смогоржевскому очевиднымъ стало, что дни уніи сочтены и конецъ ея довольно близокъ; и потому онъ, чтобы отдалить сей конецъ, назначилъ въ своей резиденціи въ г. Радомыслѣ конгрегацію, на которую съ Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ съѣхались и официалы, и всѣ дзеканы уніатскіе. Послѣ долгихъ совѣщаній, они не придумали другого способа къ сохраненію уніи, какъ установленіе ежегодной присяги на вѣрность уніи съ обязательствомъ, если понадобится, пролить свою кровь за уніатскую вѣру. Установленную на конгрегаціи ежегодную присягу выполняли не только всѣ міряне, не только дьяки и понамари, но даже всѣ уніатскіе парохи. Что же это за вѣра, которая, для сохраненія своего, нуждается въ ежегодной присягѣ отъ исповѣдниковъ ея? Надѣемся, что вѣрѣ сей существовать не долго, и таковая надежда наша не посрамитъ насъ,—она скоро сбудется?

Одинъ экземпляръ этой отповѣди о. Строцкій въ половинѣ 1792 года, при письмѣ своемъ, отослалъ въ Варшаву князю Чарторыжскому для передачи въ Пресвѣтлую постоянную польскую раду [1]), куда она главнымъ образомъ и предназначалась, съ тою цѣлію, чтобы между членами ея, съ одной стороны, установить правильный взглядъ на уніатское и неуніатское исповѣданіе и на священнослужителей сихъ исповѣданій, а съ другой—разоблачить тѣ лукавыя іезуитскія цѣли, которыя имѣлъ въ виду митрополитъ Смогоржевскій, разсылая по Украинѣ свои (вышеупомянутые нами) универсалы и письма къ частнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Отсылкою своей отповѣди въ Варшаву о. Строцкій не ограничился. Такъ какъ съ половины 1792 года Императрица Екатерина II войсками своими уже заняла Украину и Литву, для окончательнаго присоединенія ихъ къ своей Имперіи, то онъ счелъ весьма благовременнымъ и весьма полезнымъ для православія распространять, предъ кѣмъ считалъ необходимымъ, все, что содержалось въ его отповѣди. Устныя, воодушевленныя рѣчи его, которыя онъ теперь безбоязненно произносилъ и въ храмахъ Божіихъ Грановскаго ключа, и вездѣ, гдѣ находилъ удобнымъ, были подготовленіемъ къ успѣшному и весьма быстрому ходу того великаго дѣла, которое, по соизволенію русской Императрицы и по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Россійскаго Синода, совершилось въ послѣднюю четверть 1794 года.

Въ число украинскихъ священнослужителей, на которыхъ былъ возложенъ апостольскій трудъ возсоединенія уніатовъ, преосвященный Викторъ Садковскій включилъ и о. Строцкаго. Общій съѣздъ этихъ священнослужителей, „для совѣщанія относительно мѣръ для болѣе успѣшнаго возсоединенія уніатовъ“, состоялся 18 августа 1794 года въ Лебединскомъ Георгіевскомъ монастырѣ чигиринскгго уѣзда кіевской губерніи. Отъ присутствованія на Лебединскомъ съѣздѣ были освобождены протоіереи—Грановскій Іоаннъ Строцкій, Кальницкій Григорій Лѣне-

[1]) Рукописи о. Строцкаго стр. 47.

вичъ и Брацлавскій Василій Мокрицкій. Касательно сихъ протоіереевъ въ указѣ Минской духовной консисторіи, данномъ 30 іюня 1794 года на имя звенигородскаго протоіерея Радзимовскаго, сказано такъ: „поелику имъ въ разсужденіи далекаго разстоянія въ Лебединѣ въ общемъ собраніи быть не можно, то онымъ указы съ инструкціями, такожъ соразмѣрное количество антиминсовъ и святаго мура съ служебниками... препроводить безъ потерянія времени, съ надлежащимъ при томъ увѣдомленіемъ о всѣхъ въ общемъ собраніи учиненныхъ мѣропріятіяхъ, къ успѣянію въ предлежащемъ дѣлѣ относящихся, и съ тѣмъ, чтобы оные протоіереи возимѣли съ протоіереемъ Лукою Романовскимъ [1]) и персональную, гдѣ удобнѣе изъ тамошнихъ мѣстъ, конференцію, для возможнѣйшаго въ дѣлѣ спѣха служащую; чего ради съ общаго того собранія сообщить онымъ копіи протокола и архипастырскаго въ собраніе посланія [2])“.

Протоіереи—Строцкій, Лѣневичъ, Мокрицкій и Романовскій, по полученіи указовъ съ инструкціями и потребнаго количества антиминсовъ, св. мура и служебниковъ, а также копій съ протоколовъ общаго собранія и архипастырскаго посланія, имѣли предписанную имъ конференцію въ м. Грановѣ и вслѣдъ затѣмъ около половины сентября разъѣхались каждый въ назначенный ему округъ. Миссія сихъ протоіереевъ, а равно и тѣхъ священнослужителей, которые присутствовали на Лебединскомъ съѣздѣ, совершалась такъ успѣшно, что предъ 20 числомъ октября 1794 года кіевскій митрополитъ Самуилъ выслалъ изъ Кіева для уже возсоединенныхъ церквей, чрезъ корсунскаго игумена Самуила, 1617 антиминсовъ, а 1000 заготовлялъ къ отсылкѣ [3]). Въ генварѣ 1795 года отцы миссіонеры,

---

[1]) Протоіерей Романовскій, когда въ концѣ 1779 г. всѣ церкви его Чечельницкой протопопіи были отняты уніатами, бѣжалъ въ м. Смѣлу и тамъ исправлялъ должность Смѣлянскаго протопопа до начала возсоединенія уніатовъ.

[2]) Архипастырское посланіе и одна изъ инструкцій преосвящ. Виктора помѣщены нами въ біографіи сего святителя, напечатанной въ Холмско-Варшав. Епархіал. Вѣстникѣ за 1892 г.

[3]) Архивъ Кіев. Консисторіи; дѣло 1794 г. „О высылкѣ антиминсовъ, міра и служебниковъ“.

при помощи Божіей, почти окончили возсоединеніе уніатовъ и возвратились на свои мѣста.

Не имѣя подъ руками источниковъ, я опускаю описаніе миссіонерскаго труда о. Строцкаго. Этотъ приснопамятный священнослужитель, окончивши въ своемъ округѣ возсоединеніе уніатовъ и возвратившись въ Грановъ, первымъ долгомъ своимъ счелъ отправиться въ храмъ Божій, гдѣ совершилъ благодарственное молебствіе Господу Богу, продлившему жизнь его до того времени, въ которое, согласно его твердому упованію, изложенному въ письмѣ къ преосвященному Виктору Садковскому, „на Украинѣ имѣлъ возсіять и дѣйствительно возсіялъ тишайшій и чистѣйшій грекороссійскаго исповѣданія свѣтъ“. Молебствіе свое онъ закончилъ пѣснею св. Симеона Богопріимца: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ...*

Отецъ Строцкій, послѣ пятидесятилѣтнихъ самыхъ усиленныхъ трудовъ на пользу православія, мирно почилъ о Господѣ на погостѣ того храма, который онъ построилъ на средства, ассигнованныя княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.

Прот. П. Орловскій.

МАРЬЯ ВЪ ЖИДОВСТВѢ МАРІЯНА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

Въ сентябрѣ 1773 года въ кіевскій магистратъ представлена была интересная особа: красивой наружности, дородная, черноокая дѣвка. Ту дѣвку спросили, какого она рода и какою ея имя? Она сказала: „Я еврейка, а зовутъ меня Маріяна".

Но черты лица Маріяны, ея рѣчь и манеры обличали въ ней малороссіянку. Маріяну стали допрашивать, пригрозили ей пыткой,—и она созналась.

Прежде она состояла въ православномъ законѣ, и звали ее Марьею, родилась въ польскомъ мѣстечкѣ Барахтахъ, дочь тамошняго посполитаго Ивана Бѣлявскаго. Теперь ей 20 лѣтъ отъ роду.

Отецъ и мать баловали Марусю—единственное дитя свое; но не довелось имъ видѣть ее взрослой дѣвушкой.

Иванъ Бѣлявскій и жена его Ефросинія баловали Марусю, единственное дитя свое. Они любовались хорошенькой, привѣтливой и бойкой дочкой. Ей пошелъ уже 14-й годъ; она цвѣла, какъ майская роза. Родители стали мечтать о хорошемъ женихѣ. Но вотъ случилась бѣда: отъ тяжкой и недолгой болѣзни умеръ отецъ; вскорѣ послѣ него умерла Ефросинія. Осталась Маруся сиротой. Сиротку приняла для воспитанія Констанція Брижицкая—жена Бѣлоцерковскаго губернатора. Неладно жилось Марысѣ у пани Брижицкой: паня превратила Марысю въ служанку, не давала ей отдыху отъ разныхъ работъ, а подъ часъ

и колачивала ее. Такое житье длится вотъ уже третій годъ; стала Марыся подумывать о томъ, какъ бы ей освободиться отъ Констанціи. Удобный случай скоро представился.

Нагрянули на Бѣлую Церковь гайдамаки, разгромили жидовъ, разорили губернаторскій домъ Констанціи Брижицкой.

Во время суматохи Марья Бѣлявская удрала изъ этого дома; но не съ пустыми руками. Она воровски захватила большой узелъ голландскихъ червонцевъ, глиняный горшокъ величиною въ три ведра, наполненный серебромъ изъ тарелокъ, ложекъ и прочихъ вещей; захватила 4 нитки мониста краснаго добраго, серьги серебряные, четыре золотыхъ дуката величиною болѣе рублевика, фартуковъ швабскаго полотна три, да рубашекъ такого же полотна три, кунтушъ гранитурный на лисьемъ мѣху, юпку шелковую зеленую, чулки бумажные, башмаки шелковые, перчатки замшевыя, нагрудникъ китайчетой, платокъ шелковой красный, позументу золотаго для убору головы три конца. Такъ вознаградила себя Марыся за долговременное услуженіе пани Констанціи.

Эти вещи Марыся отдала подъ сохраненіе жонкѣ Марьѣ, находившейся у жида Лейбы Меншеля, арендаря бѣлоцерковскаго; а сама пристала въ услуженіе къ бѣлоцерковскому жителю Францишку. Побывъ у него съ недѣлю, бѣжала.

Вскорѣ послѣ этого Марья очутилась у бѣлоцерковскаго жида Аврума Носеля. По подговору Аврума, Марья и въ жидовство приведена въ школѣ, и наречено ей имя Маріяна. И съ того времени, будучи въ Польшѣ, и обряды жидовскіе содержала. Случилось это такъ.

Прельстившись красотою молоденькой дѣвушки, Аврумъ склонялъ ее на сожительство съ собою; но дѣвушка не соглашалась, говоря „какъ я буду жить съ тобою, когда мнѣ нельзя быть женой твоею“?

— Для чего тябѣ быть женою моею, ты и такъ можешь жить со мною. Все равно тебя никто не возьметъ замужъ: у тебя ни батька, ни матери нѣтъ, у тебя грошей нѣтъ, ты сирота,—говорилъ Аврумъ.

— Батька и матери у меня нѣтъ; а состояніе у меня есть, да такое, что любой козакъ женится на мнѣ!—отвѣчала черноокая.

— Пфу на твое состояніе! на что тебѣ состояніе? Я тебѣ дамъ все свое состояніе; а у меня смотри, сколько его!—сказалъ Аврумъ и открылъ комодъ.

Въ комодѣ красовались кучи червонцевъ и серебряныхъ монетъ, блистали всевозможныя украшенія женскія.

Разгорѣлись глаза дѣвушки, когда она узрѣла яхонты, изумруды и алмазы.

— То все твое будетъ! Ца-ца! какъ хорошо!—говорилъ Аврумъ, насунувъ на дѣвичьи пальчики брилліантовыя кольца, а въ ушки заложивъ такія же серьги.

— Ты посмотри, чего только у меня нѣтъ!—воскликнулъ Аврумъ, открывъ сундукъ.

Сундукъ былъ наполненъ разнообразными вещами: тонкими полотнами, серебряными и золотыми чарками.

— Глянь сюды, Марысю! воскликнулъ Аврумъ, открывъ шкафъ.

Въ шкафу висѣло множество женскихъ одеждъ—гранитуровыхъ, шелковыхъ и бархатныхъ.

Жидъ быстро снялъ бархатный корсетъ и надѣлъ его на черноокую.

— Фа, какъ хорошо! сказалъ онъ, всплеснувъ руками.

Черноокая красавица посмотрѣла въ зеркало—и отъ удовольствія засмѣялась. Корсетъ ловко обрамлялъ ея изящныя формы.

— Ты, какъ пава, будешь у меня ходить. Будешь хорошо пить и ѣсть, въ пуховыхъ подушкахъ будешь лежать, а наймички будутъ тебѣ подавать. Живи со мною, Марысю! Я безъ тебя дохнуть не могу!—изъяснялся Аврумъ и обнялъ дѣвушку за талію, крѣпко прижавъ къ себѣ и напечатлѣвъ поцѣлуй.

Дѣвушка не сопротивлялась.

Съ той поры жидъ блаженствовалъ, а дѣвушка грустила. Часто Аврумъ заставалъ ее въ слезахъ.

— Чего ты плачешь? спрашивалъ Аврумъ.

— Того я плачу, что я сирота, а ты возьмешь да и прогонишь меня!

— А зачѣмъ мнѣ прогонять тебя? Ты мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Такъ ты теперь говоришь, а потомъ скажешь: иди себѣ, куда хочешь, ты не жена моя. Ты обѣщалъ, что я, какъ пава, буду ходить и буду всѣмъ командовать; а вотъ до сихъ поръ я въ наймичкахъ у тебя состою, и твоя Хайка мною помыкаетъ. А также я провѣдала, что Хайка твоя хочетъ на тебя и на меня жалобу подавать.

— Что мнѣ Хайка, къ чорту Хайку! какъ хочешь быть женою моею, пойдемъ до школы—до рабина. Пріййми нашъ еврейскій законъ, то будешь женою моею.

— Ты жъ не обманешь меня?

— Вотъ тебѣ клянусь! сказалъ Аврумъ* и поцѣловалъ книжку закона своего.

По вступленіи Марьи въ жидовство, Аврумъ медлилъ бракосочетаніемъ. Надо было развестись съ Хайкой; но разводъ этотъ былъ немыслимъ для Аврума, ибо все то богатство, которымъ онъ хвастался, принадлежало Хайкѣ. А Хайка поняла, зачѣмъ это наймичка Марья еврейскій законъ приняла. Она начала ссорится съ Марьяной; наконецъ, произошла драка. Хайка осилила черноокую соперницу и клокъ волосъ вырвала изъ головы ея. Марьяна должна была бѣжать изъ дому Аврума Носеля.

Теперь обладателемъ Марьяны сталъ бѣлоцерковскій арендаторъ жидъ Лейба Меншель. Въ услуженіи у Лейбы она находилась съ полгода.

Въ маѣ 1773 года проходила черезъ мѣстечко Бѣлую Церковь россійская армія; она держала путь на Очаковъ и Бендеры. Многіе военные чины временно останавливались въ мѣстечкѣ для отдыха и покупки припасовъ. Арендарь Меншель имѣлъ много такихъ квартирантовъ.

Марьяна тутъ *познакомилась* съ поручикомъ Иваномъ Ивановичемъ; онъ объявилъ ей, что онъ находится въ Кіевѣ при гарнизонѣ, завѣдываетъ тамъ на Подолѣ „принятіемъ амуничныхъ вещей".

Иванъ Ивановичъ увѣрялъ Марьяну, что „возьметъ ее себѣ въ жену"; а она, дура, и повѣрила этимъ увѣреніямъ, не уз-

навъ ни фамиліи *офицера*, ни того, въ какомъ полку онъ служитъ.

Довѣрившись незнакомому человѣку, поручику Ив. Ив—чу, Марьяна забрала всѣ упомянутыя вещи, украденныя ею у Брижицкой, и выѣхала съ нимъ изъ Бѣлой Церкви. Въ Васильковскомъ форпостѣ молодая чета выдержала трехнедѣльный карантинъ; а потомъ благополучно прибыла въ Кіевъ. Иванъ Ивановичъ водворилъ Марьяну на Подолѣ—въ квартирѣ, отведенной ему кіевскимъ магистратомъ.

Въ теченіе недѣли Иванъ Ивановичъ наслаждался Марьяною. Она все допрашивала его, когда они повѣнчаются; а онъ увѣрялъ ее, что черезъ недѣлю поведетъ ее въ церковь, что онъ хлопочетъ объ этомъ, но что такъ вдругъ сдѣлать этого нельзя.

— Голубчикъ мой, коханый мой! ты сдѣлаешь меня своею женою, а? Ты не обманешь меня, Ивасю?

— Ахъ, Маруся, душечка моя! съ чего ты это взяла, что я могу тебя обмануть! Вѣдь ты видишь, что я безъ тебя жить не могу, черноокая ты моя красавица!.. говорилъ Ивась и заключилъ черноокую въ объятія.

— Мое сердце чуетъ, что вотъ такъ возьмешь и бросишь меня!.. И заплакала Маруся.

— И кто это тебѣ въ голову вбилъ? И съ чего ты, душечка, это взяла? Вѣдь вотъ у многихъ поповъ я былъ,—ни одинъ не соглашается вѣнчать насъ; а сегодня я нашелъ одного, который уже начинаетъ соглашаться. Нужно къ нему еще пойти.

— Поведи жъ и меня къ нему, коханчикъ мой! Я ему въ ножки поклонюсь.

— Поведу, поведу,—вотъ потерпи немного!

Утѣшивъ Марусю, поручикъ пошелъ къ своей командѣ. Вскорѣ послѣ этого явился къ Марусѣ магистратскій чиновникъ.

Онъ спросилъ, кто она и съ кѣмъ здѣсь живетъ, затѣмъ потребовалъ у нея письменнаго вида. У Маруси не было такого вида,—и она немедленно взята была въ магистратъ.

А поручикъ, захвативъ всѣ ея вещи, ночью удралъ изъ квартиры и скрылся невѣдомо гдѣ: магистратская полиція не могла разыскать его въ Кіевѣ.

Обманутая и обворованная офицеромъ дѣвушка залилась слезами; магистратскіе чины приставали къ ней съ разспросами,—и долго она не могла отвѣчать имъ.

Успокоившись, Маруся заявила, что желаетъ *обратиться къ православной вѣрѣ* и жить въ Россіи вѣчно. Изъ магистрата отправили ее въ кіевскую духовную консисторію.

А. Полницкій.

О вліяніи малорусской схоластической литературы XVII в. на великорусскую раскольническую литературу XVIII в. и объ отраженіи въ раскольнической литературѣ массонства.

Недавно я ознакомился съ одной раскольнической рукописью, заключающей въ себѣ Мечъ Духовный и толкованія на Апокалипсисъ. Объемъ рукописи 259 л. Письмо красивое, четкое, характера поморскихъ рукописей. На первомъ заглавномъ листѣ находится полное заглавіе Меча Духовнаго Лазаря Барановича и затѣмъ на 22 послѣдующихъ листахъ помѣщены точные списки предисловій *Лазаря Барановича* къ ц. Алексѣю Михайловичу и къ читателю. Далѣе вырѣзанъ одинъ листикъ, и нельзя сказать, былъ ли этотъ листъ пустой, или на немъ находилось подробное заглавіе непосредственно слѣдующаго за предисловіями Лазаря Барановича къ Мечу раскольническаго толкованія Апокалипсиса. При первомъ взглядѣ на рукопись возникаетъ мысль, что авторъ Толковаго Апокалипсиса воспользовался именемъ Лазаря Барановича и его предисловіями къ Мечу Духовному, чтобы поднять достоинство своихъ религіозно-мистическихъ толкованій Апокалипсиса въ глазахъ читателей. Слѣпо слѣдуя преданіямъ и обычаямъ старины, авторъ, между прочимъ, могъ усвоить старинный литературный обычай не обозначать на рукописи своего авторскаго имени и самое сочиненіе приписать знаменитому старинному церковному писателю. Въ такомъ видѣ рукопись могла получить широкое распространеніе, даже среди православныхъ. Болѣе вѣроятно, что „Мечъ Духовный“ и „Толкованія на Апокалипсисъ“ случайно попали въ сосѣдство, и мы имѣемъ

передъ собой сборникъ, состоящій изъ двухъ произведеній, Меча Духовнаго, или точнѣе, предисловій къ Мечу Духовному, и Толковаго Апокалипсиса. Трудно сказать, что могло понравиться составителю сборника въ предисловіяхъ Лазаря Барановича, одно ли заглавіе, указывающее на духовную борьбу, на религіозную полемику, или литературный стиль Лазаря Барановича. Въ старинное время названіе „Мечъ Духовный“ было излюбленнымъ названіемъ для религіозно - полемическихъ сочиненій и отъ православныхъ перешло къ раскольникамъ. Древнѣйшимъ Мечемъ Духовнымъ представляется носящій такое названіе сборникъ проповѣдей Лазаря Барановича, напеч. въ Кіевѣ въ 1666 и 1686 гг. Немного позднѣе, въ 1690 г., вышелъ Мечецъ Духовный братьевъ Лихудовъ, направленный противъ католиковъ. Въ „Исторіи рус. раскола“ митроп. *Макарія*, на стр. 261, въ примѣчаніи, упоминается „Книга, глаголемая Мечъ Духовный“, обширное сочиненіе, составленное неизвѣстнымъ въ 1761 г. „Книга“ эта находилась въ одномъ сборникѣ библіотеки митр. Макарія. „Пространная книга, именуемая Мечъ Духовный, говорится въ „Раскольнической Библіографіи *Павла Любопытнаго*, стр. 48, изражаетъ, что церковь старовѣрческая въ существуемомъ своемъ образѣ вѣры есть святая и Христова, увѣнчивающая навсегда отъ небесъ вѣчнымъ блаженствомъ и, кромѣ хиротоніи, посредствомъ необходимыхъ церковныхъ таинствъ, а Никона патріарха догматизмъ и обряды всѣ есть чужды Бога, чужды и духа Христовой Церкви, слѣдственно есть пагубны и удалены вѣчныхъ благъ“. Павелъ Любопытный составителемъ Меча называетъ Алексѣя Самойлова, ѳедосѣевскаго учителя въ Новгородѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1772 г. Вообще, Мечей Духовныхъ было много, но между ними, кромѣ названія, не было ничего общаго.

Помѣщеніе въ началѣ рукописи предисловій архіеп. Лазаря къ Мечу Духовному и многія ссылки и цитаты въ самомъ Апокалипсисѣ указываютъ значительное вліяніе южнорусской религіозно-полемической литературы семнадцатаго столѣтія на русскую раскольническую литературу восемнадцатаго вѣка. Въ концѣ XVII и въ XVIII ст. произошелъ большой наплывъ южно-

русскихъ изданій въ среднюю и сѣверную Россію. Во второй половинѣ XVII ст. южнорусскіе писатели посылали свои новыя сочиненія въ даръ царю, царицѣ, патріарху, нѣкоторымъ боярамъ [1]). Лазарь Барановичъ отправлялъ свои сочиненія въ Москву въ большомъ количествѣ экземпляровъ и потомъ просилъ царя, чтобы книги его были куплены казной. Уплативъ однажды большую сумму за непроданные экземпляры „Трубъ словесъ проповѣдныхъ", царь Алексѣй Михайловичъ писалъ Лазарю Барановичу, чтобы онъ „впредь никакихъ книгъ въ царствующій градъ Москву на продажу не присылалъ, потому что въ царскомъ великомъ градѣ Москвѣ устроенъ на то печатный дворъ и книгами изобильно: а буде впредь на продажу какія книги присланы будутъ и великій государь принимать не указалъ, а отосланы будутъ назадъ" (Акты Ю. и З. Рос. XII, № 13). Особенно сильно стали распространяться южнорусскія изданія въ средней и сѣверной Россіи въ первой половинѣ XVIII ст., когда высшія іерархическія мѣста заняли духовныя лица южнорусскаго происхожденія, питомцы кіевской коллегіи. Они перенесли на сѣверъ Россіи почти всѣ южнорусскія изданія XVII ст. Вскорѣ свѣтская интеллигенція отвернулась отъ схоластической, сухой и витіеватой южнорусской литературы XVII ст. И духовенство съ половины восемнадцатаго столѣтія мало-по-малу переросло эту литературу и представило новые образцы религіозной полемики и духовнаго краснорѣчія, образцы, сравнительно съ южнорусскими, высшаго литературнаго достоинства. Косная и односторонняя раскольническая литература и въ концѣ восемнадцатаго вѣка еще опирается на южнорусскую литературу XVII ст. и отчасти черпаетъ изъ нея фактическое содержаніе.

Въ числѣ источниковъ и пособій, которыми пользовался составитель Толковаго Апокалипсиса, главное мѣсто занимаютъ южнорусскія религіозно-полемическія сочиненія XVII вѣка славянской печати. Православныя религіозно-полемическія сочиненія на польскомъ языкѣ не вошли въ Толковый Апокалип-

---

[1]) Интересныя статьи г. *Эйнгорна* о такихъ приношеніяхъ были напечатаны въ „Книговѣдѣніи" и въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн." 1894 г.

сисъ, нужно думать, по причинѣ незнанія авторомъ раскольникомъ польскаго языка.

На 156 л. Толковаго Апокалипсиса находится цитата изъ *Стефана Зизанія*, именно, его сочиненія: „Казанье св. Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его, съ расширеніемъ науки противъ ересей разныхъ", изд. въ Вильнѣ въ 1590 г. на русскомъ и польскомъ языкахъ, съ посвященіемъ князю Острожскому. Въ Апокалипсисѣ сочиненіе Ст. Зизанія озаглавлено: „Краткое объявленіе всѣхъ знаковъ объ антихристѣ".

Замѣчая, что „благочестивые греки папу обличали и увѣщевали, съ россіяны, множество кратъ", составитель толкованій ссылается при этомъ на 104 л. на „Книгу о вѣрѣ". Кромѣ того, ссылки на „Книгу о вѣрѣ" мы находимъ на л.л. 98, 108 и 178. Изъ этой „Книги" извлечены преимущественно мѣста, гдѣ говорится объ антихристѣ. „Книга о вѣрѣ единой апостольской церкви" составлена была *Захаріемъ Копыстенскимъ* въ 1615 г. и издана въ 1619 г. (Филар., Обзоръ I 250). Копыстенскій, скрываясь отъ злости папистовъ, издалъ „Книгу о вѣрѣ" подъ псевдонимомъ Азаріасъ X, и не показалъ при этомъ ни года, ни мѣста изданія.

Составителю толкованій на Апокалипсисъ извѣстно было и другое сочиненіе Захарія Копыстенскаго „Палинодія, или Оборона святой каѳолической церкви", составленная въ 1621 г. и расходившаяся въ рукописяхъ. На 96 л. находится неопредѣленная ссылка „Книга Копитенская Захарія". На л. 176 болѣе ясно говорится: „Захарія Капестинскій въ книгѣ Оборона" и пр.

На л. 155 находится ссылка на „Триквиліона", т. е. *Кирилла Транквилліона Ставровецкаго*, знаменитаго проповѣдника начала XVII ст., автора „Евангелія Учительнаго", „Зерцала Богословія" и „Перла многоцѣннаго". Составитель толкованій воспользовался словомъ Транквилліона въ недѣлю Господню и его разсужденіями о пришествіи Иліи и Эноха при концѣ міра.

На 98 л. находимъ ссылку на „Мессію Правдиваго" бѣлорусской печати, сочиненіе *Іоанникія Галятовскаго*, направленное противъ евреевъ.

На л. 211—213 толковаго Апокалипсиса находится большое извлеченіе изъ первыхъ страницъ Синопсиса *Иннокентія Гизеля*, тѣхъ страницъ, гдѣ говорится о славянахъ, крещеніи кн. Владиміра, Мосохѣ и Москвѣ.

На 179 л. упоминается „Вѣнецъ Вѣры" *Симеона Полоцкаго*. Изъ этой книги заимствованы разсужденія Полоцкаго объ антихристѣ.

На 182 и 201 л.л. приводятся извлеченія изъ сочиненія *Стефана Яворскаго* „знаменіе пришествія антихристова", изд. въ Москвѣ въ 1703 г.; а на 101 л. упоминается „Камень Вѣры" Стефана Яворскаго.

На л.л. 39, 144, 150, 195 и 222 находимъ ссылки на *Ѳеофана Прокоповича*, преимущественно на его „Показаніе великаго антихриста" 1735 и 1736 г.г.

Вообще, составитель толкованій на Апокалипсисъ выбиралъ изъ южнорусскихъ писателей почти исключительно мѣста объ антихристахъ, и въ этомъ отношеніи даже не довольствовался южнорусской литературой объ антихристѣ, а заимствовалъ также изъ книги *Мальвенды* объ антихристѣ. „Antichristus" Мальвенды былъ изданъ въ 1604, 1612, 1647 г.г., и изъ этого источника черпали южнорусскіе писатели.

Значительная зависимость составителя толкованій отъ южнорусской схоластической литературы XVII ст. обнаруживается въ самомъ языкѣ толкованій, страдающемъ полонизмами, заимствованными изъ южнорусскихъ изданій, напримѣръ, на 116 л. „конь червонофарбованный", „конь червонный", „гды Богъ досвенчалъ", „зепсованный" на 96 л.

Время составленія и имя составителя толкованій на Апокалипсисъ въ рукописи не обозначены. Принимая во вниманіе содержаніе толкованій и въ особенности нѣкоторыя выдержки изъ масонскихъ пѣсенъ, можно думать, что толкованія написаны во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ концѣ семиде-

сятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ, вскорѣ послѣ славнаго для Россіи мира въ Кучукъ-Кайнарджи 1774 г.[1]).

Толковый Апокалипсисъ произведеніе темное, мистическое, проникнутое духомъ раскольническаго обскурантизма и религі-

---

[1]) Хотя имя составителя въ рукописи не обозначено, тѣмъ не менѣе съ нѣкоторой вѣроятностію составителемъ Толковаго Апокалипсиса можно считать основателя страннической секты Евфимія. Біографическія данныя о Евфиміи находятся въ любопытной статьѣ г. *Трефолева* „Странники"; напечатанной въ I выпускѣ Трудовъ Ярославскаго Статистич. Комитета" 1866 г., стр. 177—179. *Евфимій*, сынъ бѣднаго переславскаго мѣщанина, родился въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Онъ выучился грамотѣ, въ молодыхъ лѣтахъ сошелся съ дѣвицей Ириной Ѳедоровой, игравшей впослѣдствіи послѣ смерти Евфимія, важную роль въ дѣлахъ страннической секты, и двадцати лѣтъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Москву къ филипповцамъ, которые, перекрестивъ его, назвали Евстафіемъ. Московская полиція препроводила бѣглеца въ Переславль, и мѣстное мѣщанское общество рѣшило отдать его въ рекруты. Евфимій опять убѣжалъ въ Москву, гдѣ нашелъ новыхъ покровителей на Преображенскомъ кладбищѣ. Они отправили его въ Поморскій скитъ въ званіи наставника. Къ неудовольствію московскихъ ѳедосѣевцевъ, Евфимій поссорился съ настоятелемъ скита старцемъ Адріаномъ и былъ выгнанъ Адріаномъ изъ скита. Неудовольствіе ѳедосѣевцевъ на Евфимія еще болѣе усилилось, когда Евфимій, задумавъ основать новую секту, упрекалъ ѳедосѣевцевъ въ слишкомъ вольной жизни. „Антихристъ не страшитъ васъ, говорилъ Евфимій московскимъ ѳедосѣевцамъ; вы отъ него не бѣгаете, а надо, братіе, бѣгать и бѣгать; скрываться надо!" Оправдывая слово дѣломъ, Евфимій ушелъ въ ярославскую губернію и здѣсь совершилъ надъ собою перекрещеніе. Въ ярославской губ. онъ вмѣстѣ съ Ириной переходилъ изъ одного мѣста въ другое, совращая православныхъ въ странническую секту. Евфимій умеръ въ 1792 г. на сорокъ третьемъ или сорокъ четвертомъ году отъ рожденія въ г. Ярославлѣ.

Евфимій былъ большой начетчикъ раскольническаго типа, — человѣкъ, съ умомъ довольно сильнымъ, но крайне односторонно развитымъ, сухимъ и обряднымъ. Въ нравственномъ отношеніи Евфимій былъ человѣкъ страстный и увлекающійся, въ особенности относительно женщинъ. Его страстная натура, между прочимъ, выражалась въ наклонности къ полемическому задору и словопреніямъ. Вездѣ, и въ житейскихъ разговорахъ, и въ сочиненіяхъ Евфимія, выступаетъ мрачная фигура антихриста. Только въ сумрачныхъ пошехонскихъ лѣсахъ, гдѣ Евфимій провелъ много лѣтъ, могла выработаться столь дикая и мрачная секта, какъ странничество, и ея основатель Евфимій, особенно любившій трактовать объ антихристѣ Евфимій написалъ нѣсколько посланій къ раскольникамъ и слѣдующія сочиненія: 1) Разглагольствіе о настоящихъ въ древлецерковномъ послѣдованіи несогласіяхъ между собою (1784 г.; 2) Изысканіе о состоящихъ подъ властью антихристовыхъ жрецовъ (1786) 3) Цвѣтникъ,—большое сочиненіе, особенно уважаемое раскольниками; 4) О злополучныхъ послѣднихъ временахъ и о знаменіяхъ антихриста и 5) Толкованіе на слово Ипполита папы римскаго объ апокалипсисѣ.

озной нетерпимости. На первыхъ странницахъ и далѣе чуть не до конца рукописи мысль читателя тонетъ въ пучинѣ темныхъ разглагольствованій объ антихристѣ. Авторъ на 96 л. дѣлаетъ впервые полемическую вылазку противъ „нѣкоторыхъ“, не указывая точно, противъ кого именно, въ данномъ случаѣ, нужно думать, противъ православныхъ: „Нѣкоторые бо всѣмъ отъ русскаго рода себе самихъ и славу любячи а зепсованныи и попаленныи отъ беззаконій и скверности маючи свои сумнѣня отъ святой апостольской католической церкви и отъ святыхъ четырехъ патріарховъ отступили“. Далѣе, на 101 л.: „Оуже бо и многихъ нынѣ видимъ, иже не пріемлютъ на себе Христова крестнаго знаменія, сирѣчь десницею своею узаконеннаго воображенія не возноситъ на чело главы своея и на животъ, та же на правое плечо и на лѣвое; аще оубо реченнаго сего Хистова крестнаго знаменія не пріемлютъ, то оуже явѣ есть, еже имать пріяти на чело и на десную руку антихристову печать“. На 102 л. находится замѣчаніе, что въ послѣднее время будутъ знаменатися троицею, крестъ воображающе безъ воплощенія Христова и за сіе осуждени будутъ въ геенну муку... „Троицею бо... знаменати крестъ Христовъ хулно есть и нечестиво; развѣ аще кто продастъ вѣру за тридесятъ сребренниковъ“.

Толкованія на Апокалипсисъ представляютъ много выходокъ противъ масонства; вообще это произведеніе представляетъ любопытный опытъ обличенія масонства со стороны раскольниковъ. Фактъ появленія раскольническаго сочиненія, направленнаго противъ масоновъ, объясняется сильнымъ распространеніемъ масонства въ высшихъ, интеллигентныхъ слояхъ русскаго общества.

На л. 242 авторъ толкованій Апокалипсиса возводитъ на масоновъ слѣдующія обвиненія: „Масоны начало свѣта въ неизвѣстности лѣтъ почитаютъ, а конца оному не исповѣдаютъ, ангеловъ благихъ и злыхъ отрицаютъ, на библію и на все священное писаніе плюютъ и зломъ почитаютъ“.

На 243 л. находится обвиненіе масоновъ въ соблюденіи странной обрядности въ собраніяхъ членовъ: „держатъ въ ру-

кахъ своихъ молотки, кикиль, лопатки, циркули и линейки... имутъ содержати мастеровъ, учениковъ, работниковъ, архитекторовъ.

Разсуждая на 67 л. объ именахъ антихриста и его матери, составитель толкованій говоритъ: „О сихъ предложенныхъ неудобь есть познавати, яко о имени антихристовѣ, такъ и матери его и о мѣстѣ рожденія подленно,—и аще неудобь сихъ познати, оубоинѣсть существа тѣлеснаго тои ибо вси тѣлесно рождени имутъ собственное имя свое и матери и мѣста; обаче же оная словеса антихристу и матери его и мѣсту нѣсть существительная, но иносказательная и уподобительная имена" (далѣе слѣдуетъ обращеніе къ масонству, какъ то:)" и во храмѣ музъ чистыхъ священномъ (фраза эта взята изъ масонскаго стихотворенія) негли убо оная и есть въ ложѣ сыновей масонскихъ. Кую имѣя матерь на престолѣ, и глаголютъ они: „Пой согласно въ честь ей хоръ" (опять фраза взята изъ масонскаго стихотворенія); мы не ея закономъ другъ другъ братья. Сице глаголютъ масоны. Вотъ здѣсь и прямая антихристова матка, жидовка сущая, о которой мнози святіи предсказаша. Обаче и здѣ все иномысленное и легорическое и тропологическое дѣйствіе производитъ въ ложѣ вольные каменщики, зиждители новаго храма".

Замѣтивъ на 160 и 161 л.л., что антихристъ присвоитъ себѣ названіе бога Маозь,—(крѣпкій защитникъ, въ смыслѣ идола брани и врага Христова и что этому названію соотвѣтствуетъ имя латинскаго бога войны Марсъ), авторъ проводитъ одно масонское стихотвореніе, какъ доказательство появленія на землѣ антихриста и въ подтвержденіе мысли, что масоны—его слуги: „Моазимъ слухъ оттолѣ къ намъ несется, двигнувъ мой спокойный умъ, гдѣ въ долинахъ раздается завсегда военный шумъ. Межъ свирѣпыми врагами, за дунайскими струями, гдѣ брега давали стонъ, поразясь ужаснымъ слухомъ, на горахъ спокоенъ духомъ, тамъ возсіялъ масонъ. Отъ вѣры братія всѣхъ племенъ, воспоемъ творцу хваленіе, воздадимъ благодареніе за источникъ къ намъ щедротъ, что вѣнчалъ конецъ работъ, на путь насъ истинный наставя, златыя дни музамъ воставя. Насталъ желанный часъ, любезные масоны; онъ соединяетъ насъ

всѣхъ подъ одни законы. Вольность златая, истинность святая царствуетъ теперь въ нашихъ сердцахъ. Исполняйтеся честности законы; торжествуйте вѣрные масоны; руки въ цѣпь устройте, радостно воспойте пѣсни священныя ложѣ въ честь; стройтесь стѣны отъ согласія звона пѣснь. Поемъ мы лучше амфіона; оуже фивейска града рушилась ограда. Вѣкъ нерушимъ будетъ нашъ храмъ". Далѣе авторъ толковаго Апокалипсиса говоритъ: „А отъ оныя турецкія войны задунайской (рѣкой) восіялъ оной пророческой Моазимъ, то есть по французски масонъ. Какъ еврейски моазинъ значитъ: крѣпости замка гарнизонъ симъ прославился, сирѣчь тамъ восіялъ масонъ отъ войны, понеже оной антихристъ, хотя презритъ прочихъ боговъ разныхъ племенъ, то есть, унизитъ сихъ; ибо какія бы въ свѣтѣ вѣры не были, онъ всѣмъ поругается и никакую въ дѣло не поставитъ но вси почтетъ за едину комедію или забавке, игрище, и черезъ сіе всѣхъ вѣръ основателей потопчетъ, надъ всѣми же оными особливо сущую вѣру христіанскую возненавидитъ... и учинитъ свой беззаконный и всепагубный законъ масонскій; въ немъ, вселенскій прославится аки богъ антихристъ, дьявола онаго друга себѣ особливо почтитъ именемъ маозина, то есть, масона, какъ крѣпкаго и сильнаго бога".

На л. 169 говорится, что антихристъ соединитъ людей разныхъ націй, языковъ и племенъ подъ своими масонскими законами. „Уже языцы, колѣна и племена людей глаголютъ своихъ пѣсней отъ братія общества почтенна, въ которомъ члены здѣсь всѣ мы; отъ него гремитъ вселенная и въ коемъ дѣлъ похвальныхъ тьмы (взято изъ масонской пѣсни); вотъ сіи языцы и племена поклонятся антихристу вси". Въ данномъ случаѣ обнаруживается стремленіе составителя толковаго Апокалипсиса подделаться подъ тонъ и риѳму масонскихъ стихотворцевъ и опровергать масоновъ въ формѣ иронической передѣлки и пародіи ихъ сочиненій. Всѣ попытки раскольника, автора толковаго Апокалипсиса, на стихотворное пародированіе масонскихъ пѣсенъ, отличаются полемическимъ задоромъ и грубостью.

На 198—199 л. л. приводится одно стихотвореніе масоновъ съ злобными комментаріями со стороны автора раскольника:

„Фонарь взялъ засвѣщенъ мужъ строгій древняго вѣка; въ Аѳинахъ Діогенъ искалъ днемъ человѣка; но и нынѣ для чего межъ насъ не ищетъ онъ: найдешь не одного; таковъ всякъ франкъ-масонъ". Здѣсь авторъ толкованія Апокалипсиса приписалъ на поляхъ рукописи: „Найдешь не одного звѣря числомъ 666. „Далѣе опять слѣдуетъ масонское стихотвореніе: „Счастлива вольность здѣсь въ собраніи обитаетъ; умѣренная днесь насъ роскошь утѣшаетъ; натура соединить могла межъ франкъ-масонъ, чтобы со Епикуромъ жить божественный могъ Платонъ. За этимъ стихотвореніемъ слѣдуетъ другая масонская пѣсня: „Наста намъ время златое; ликуй днесь братство драгое... о истина святая на путь настави: станемъ научаться, станемъ златой мы вѣкъ искать". Авторъ по поводу этого стихотворенія замѣчаетъ на л. 199, что царство вавилонское называется златымъ. Далѣе слѣдуетъ масонская пѣсня: „Намъ сердце лишь прелестно и нѣжная любовь; сіе намъ льститъ одно; вкушайте вы вино; природой возгорится любовь побужденна... Вы, братья и друзья, участники собранья, не вкусимъ въ нашу жизнь печали страданья, и рюмками вина, дадимъ другъ другу, дадимъ троекратно, и выпьемъ ихъ потомъ до дна за то, что намъ пріятно". Здѣсь на поляхъ авторъ замѣтилъ: „Вино пить велятъ страсти ради блудныя".

Самой любопытной частью толкованія Апокалипсиса представляются 200—201 листы. Здѣсь авторъ толкованій бранитъ масоновъ въ формѣ стихотворенія, написаннаго въ подражаніе масонамъ: „Проявились недавно въ Русіи франкъ-масоны и творятъ почти явно демонскіе законы. Князю тьмы они тайно угождаютъ; но многіе со стороны люди про то знаютъ; любодѣйства вавилонъ градъ всякіе скверны, въ коемъ антихристу тронъ, яко рабы вѣрны.

Полны лжи ваши законы оказались, франкъ-масоны; токмо ваша и честь, что шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Роскошей пути широки въ васъ рождаетъ пороки. Тамъ собраніе ваше есть, гдѣ шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Правда вами позабыта; затѣмъ секта ваша скрыта. Оказалась одна лесть, шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Масонъ названъ по французски тотъ, кто каменьщикъ по русски, имя подлое то есть,—шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Въ комъ прямая добродѣтель, весь народъ тому свидѣтель; будетъ похвалъ вѣнецъ плесть, на шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Кто своихъ дѣлъ стыдится, тотъ отвѣта все таится, пока судьба воздастъ месть за шесть сотъ шестьдесятъ шесть.

Толковый Апокалипсисъ увеличиваетъ собою довольно обширную противо-масонскую литературу. Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія къ масонству враждебно стали относиться правительство и общество. Императрицѣ *Екатеринѣ II* не понравились мистицизмъ и обрядность масонскія, и она сначала выступила противъ масоновъ литературнымъ путемъ, а впослѣдствіи стала тѣснить ихъ административнымъ образомъ. Екатерина II написала противъ масоновъ статью „Тайна противо-нелѣпаго общества“ (1780 г.) и три комедіи „Обманщикъ“, „Обольщенный“ (1785 г.) и „Шаманъ Сибирскій“ (1786 г.). Императрица въ комедіяхъ своихъ называетъ масоновъ фиглярами, шаманами, мартышками (отъ сл. мартинистъ). На московской и петербургской сценахъ комедіи Екатерины II имѣли большой успѣхъ. *Державинъ* въ „Одѣ на Счастье“, подражая Екатеринѣ II, укололъ масоновъ стихомъ:

Весь міръ сталъ полосатый шутъ;
Мартышки въ воздухѣ явились.

Въ „Фелицѣ“ (1782 г.) находимъ, между прочимъ, такую похвалу Екатеринѣ II:

Къ духамъ въ собранье не въѣзжаешь.

Масса общества относилась къ масонству враждебно. Люди религіозные видѣли въ масонахъ еретиковъ и богоотступниковъ. Вольтеріанецъ и фреймазонъ сливались и отождествлялись во мнѣніи многихъ. Люди свободномыслящіе, воспитанные на раціоналистическихъ началахъ французской философіи прошлаго столѣтія, небрежно и презрительно относились къ религіозно-

нравственному ученію масоновъ, мистическому и туманному, и къ ихъ странной символической обрядности.

Толковый Апокалипсисъ представляется раскольническимъ отзвукомъ общаго недовольства масонствомъ и, главное, общаго къ нему недовѣрія. Ходившіе въ обществѣ темные и преувеличенные слухи о символической обрядности и невѣріи масоновъ были приняты на вѣру составителемъ толкованій на Апокалипсисъ, и масоны подверглись рѣзкому и злобному обличенію въ ереси. Раскольники и масоны могли враждебно сталкиваться въ сужденіяхъ о религіозныхъ и церковныхъ предметахъ, и въ частности въ сужденіяхъ объ Апокалипсисѣ. Что русскіе масоны интересовались, между прочимъ, толкованіями Апокалипсиса, видно изъ того, что на ряду съ раскольническими толкованіями Апокалипсиса ходили толкованія масонскія. Такъ, въ началѣ настоящаго столѣтія изданы были въ русскомъ переводѣ толкованія *Де-ля-Моттъ-Гіонъ* на Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова. Гіонъ (род. 1646 † 1717)—мистико-религіозная писательница, и ея сочиненія пользовались большимъ распространеніемъ среди масоновъ (Россійск. Библіогр., 1881. № 90). Въ 1815 г. *Лабзинъ* перевелъ „Побѣдную повѣсть или торжество вѣры христіанской“,—твореніе знаменитаго нѣмецкаго мистика *Юнга Штиллинга* (1740 † 1817). Книга эта содержитъ въ себѣ толкованіе Апокалипсиса (Рос. Библ. 1881 г., стр. 322). Раскольники сходились съ масонами на почвѣ религіознаго мистицизма, и въ этой темной области между ними происходило литературное общеніе. Раскольники интересовались масонскими сочиненіями и, браня масоновъ, иногда пользовались ихъ научными трудами. Такъ, „Побѣдная повѣсть“ Юнга Штиллинга съ особеннымъ интересомъ читалась въ средѣ раскольниковъ, которые, принимая апокалипсическаго звѣря за антихриста, ожидали пришествія его и кончины свѣта въ 1836 г. (Ib. 323). Толковый Апокалипсисъ представляется полемической вылазкой раскольниковъ противъ масонства, причемъ составитель толкованій удачно воспользовался аллегоріей, мистицизмомъ и символикой масоновъ, какъ орудіемъ для насмѣшки надъ масонами.

Раскольникъ начетчикъ, повидимому, не зналъ о филантропической сторонѣ масонства, и весьма сомнительно, чтобы онъ, при всей схоластической начитанности, могъ понять и усвоить эту свѣтлую сторону масонства, выражавшую въ жизни, въ практической дѣятельности, слова Вольтера: „Aimez Dieu, mais aimez aussi les mortels".

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.).

(Окончаніе) [1].

Такъ протекало время нашей жизни въ пастырскомъ моемъ служеніи и семейномъ быту до 1845 года. Въ этомъ году умеръ благочинный Миславскій, съ которымъ я при жизни былъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. И вотъ онъ, будучи съ іюля мѣсяца боленъ послѣ апоплексическаго удара, постоянно обращался ко мнѣ для исправленія его должности и отписки нужныхъ бумагъ. Затѣмъ, когда въ декабрѣ мѣсяцѣ предстояла годовая отчетность и пріемъ свѣчной и прочихъ суммъ отъ подвѣдомственныхъ ему церквей и причтовъ, то при явкѣ моей къ нему въ половинѣ декабря, онъ просилъ меня написать рапортъ въ Сосницкое Духовное Правленіе, тогда еще существовавшее, отъ котораго зависѣли всѣ церкви и ихъ причты и всѣ дѣла по нимъ. Рапортъ содержалъ въ себѣ порученіе мнѣ должности благочиннаго для исправленія и сдачи годовыхъ отчетовъ въ оное Правленіе, а послѣднимъ въ Черниговскую Духовную Консисторію. По заведенному порядку я написалъ рапортъ, ввелъ его въ реестръ исходящихъ бумагъ. Послѣ подписанія его благочиннымъ я проставилъ нумеръ и число отправки, законвертовалъ его и запечаталъ, а самъ выѣхалъ въ Городище. На другой день къ Миславскому прибылъ священникъ Георгій Базилевичъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар“. 1895 г., № 11.

и, увидѣвъ мой рапортъ, сталъ разспрашивать, что это за бумага? Миславскій долго не хотѣлъ ему разсказать содержанія рапорта, и это Базилевича всполошило, хотя ему должности благочиннаго нельзя было поручить вслѣдствіе нахожденія подъ судомъ и строгимъ надзоромъ благочиннаго. И вотъ онъ разорвалъ конвертъ и сказалъ: „позвольте написать рапортъ въ болѣе обширномъ смыслѣ“; при написаніи онаго онъ употребилъ терминъ: „поручить исправленіе должности свящ. Кистяковскому или кому-нибудь изъ достойнѣйшихъ“. Я было отказался отъ пріема отчета и сдачи онаго, но, видя, что этимъ я еще болѣе потревожу больнаго, принялъ всѣ годовые отчеты частію въ его домѣ, а частію въ Городищѣ. Доставивши таковые въ Сосницкое Духовное Правленіе и сдавши при оныхъ свѣчную сумму и проч., я по предложенію членовъ остался въ Сосницѣ, съ тѣмъ, что члены соберутся въ послѣобѣденное время въ Правленіи и выдадутъ мнѣ указъ на исправленіе должности.

Однако узнавши объ интригахъ противъ меня нѣкоторыхъ чиновъ, я поспѣшилъ выѣхать, все время находясь въ ожиданіи, чѣмъ кончится ихъ затѣя. Прошелъ весь январь мѣсяцъ, а въ февралѣ я получилъ отъ Базилевича такого рода предложеніе: Богу, дескать, было угодно посѣтить болѣзнію нашего добраго начальника, а начальству поручить исправленіе его должности мнѣ, Базилевичу. Объ этомъ велѣно посылаемому дьячку первому передать мнѣ. Я тутъ же написалъ такого рода отвѣтъ, что не Богу и не начальству угодно было поручить исправленіе должности свящ. Базилевичу, а члену правленія и письмоводителю, которые интриговали противъ меня, а потому я не обязанъ исполнять никакихъ распоряженій свящ. Базилевича. Дьячокъ мой ахнулъ: „Что вы это написали?“ — „То, что знаю... Неси по вѣдомству.“ Онъ поспѣшилъ обратно, а я поѣхалъ въ Черниговъ заявить Преосвященному Павлу. Онъ давно уже былъ недоволенъ дѣйствіями Правленій, особенно Сосницкаго, и сдѣлалъ уже представленія въ Св. Синодъ. Между тѣмъ онъ, не желая вести оффиціальной переписки чрезъ Консисторію, велѣлъ докладчику написать письмо письмоводителю Пономареву, что за противозаконныя дѣйствія онъ предасть ихъ суду. Вскорѣ членъ

Чернявскій прислалъ мнѣ письмо, прося пріѣхать въ Сосницу. Я поѣхалъ туда. Встрѣтившій меня на рынкѣ Первоприсутствующій Бѣловскій сталъ сначала меня упрекать, что я надѣлалъ имъ бѣды. Я отвѣтилъ: „Вы сами виноваты, потому что дѣйствуете, какъ вамъ захочется". Тутъ онъ почти съ просьбой обратился ко мнѣ, чтобы я былъ въ 10 часовъ въ правленіи, чтобы принять книги для разсылки по вѣдомству, листы печатные для книгъ и указъ на исправленіе должности. Въ полученіи всего этого мнѣ надо было росписаться, что имъ всего болѣе и нужно было для скорѣйшей отсылки Его Преосвященству при рапортѣ. Базилевичъ же поспѣшилъ извѣстить рапортомъ, что онъ по болѣзни не можетъ исправлять должности. Этого ему совсѣмъ не надо было дѣлать, но ему хотѣлось, чтобы хоть въ послужномъ спискѣ значилось, что ему поручаемо было исправленіе должности благочиннаго. Впослѣдствіи возникло много непріятныхъ дѣлъ вслѣдствіе неспокойнаго и ябедническаго характера Базилевича: онъ не только самъ постоянно мнѣ противодѣйствовалъ, но побуждалъ къ этому и другихъ священниковъ. Онъ своимъ орудіемъ избралъ священника Ермолая Чикилевскаго, но всѣ ихъ козни никогда не имѣли желаннаго успѣха. Между тѣмъ я продолжалъ исполнять должность благочиннаго съ рвеніемъ и охотою и вскорѣ увидѣлъ, что всѣ мои недоброжелатели стали склоняться на мою сторону, исключая только двухъ священниковъ Базилевича и Чикилевскаго. Впрочемъ, послѣдній скоро сдѣлался даже моимъ пріятелемъ, но только по наружному виду.

Съ утвержденія меня благочиннымъ вскорѣ послѣдовало назначеніе жалованья причтамъ, и мое благосостояніе начало устраиваться къ лучшему. Въ 1845 году я задумалъ строить вновь домъ, а такъ какъ лѣсъ находился у меня въ запасѣ, то я договорилъ подрядчика за 150 р. серебромъ и съ помощью Божіею выстроилъ домъ, въ которомъ и нынѣ проживаю. Мнѣ помогло то, что я получалъ жалованье по книгѣ и раздавалъ причтамъ по третямъ ихъ жалованье. Каждая треть доставляла мнѣ дохода до 70 рублей, что, при трудахъ моихъ хозяйственныхъ и при жалованіи въ 92 р., являлось достаточнымъ обезпеченіемъ для меня съ семействомъ. У меня въ церковной риз-

ницѣ всегда хранилось остаточныхъ денегъ до конца года около тысячи рублей отъ некомплекта причтовъ и отъ вычетовъ по 2 коп. сер. съ рубля отъ каждаго причта; сдавались эти деньги въ началѣ слѣдующаго года вмѣстѣ со сдачею книги и приложеннаго при ней отчета. Это дѣлать по установленной формѣ было затруднительно, но я всегда сдавалъ удачно, пользуясь добрыми помощниками и въ консисторіи расположеннымъ ко мнѣ помощникомъ секретаря, Алексѣемъ Сильвестровичемъ Митькевичемъ, и донынѣ занимающимъ эту должность. Такимъ образомъ, я, оставшись на ночь, переписывалъ исправленный отчетъ. Кромѣ того, мнѣ помогали собственныя дѣти, сначала Александръ, потомъ и Федоръ, а къ концу моего благочинія—Василій и Николай съ Павломъ. Одинъ разъ только мнѣ случилось со сдачею затрудненіе. Кажется, въ 1850 году я принялъ отъ церквей болѣе, нежели на 40 руб. платины, ходившей тогда по 3 рубля серебромъ; отчетъ же мнѣ пришлось сдать гораздо позднѣе, чѣмъ въ прежніе годы, когда я сдавалъ его обыкновенно въ послѣднихъ числахъ января. Медленность моя произошла вслѣдствіе того, что Преосвященный уничтожилъ благочиніе Феськовское и прибавилъ мнѣ 10 церквей; вслѣдствіе этого мнѣ пришлось имѣть дѣло съ 26 церквями. Казначей, принимая деньги, отложилъ платину, сказавъ, что еще вчера ее можно было принимать, съ сегодняшняго же дня обращеніе ея прекращено: даже купцы теперь не примутъ. На мое счастье, у меня въ запасѣ были серебро и билеты, и я пополнилъ недостающую сумму. Получивъ квитанцію, я бросился въ Казенную Палату, Казначейство, но тамъ вездѣ прибиты объявленія о томъ, что пріемъ платины прекращенъ. Я бросился къ Цвѣту [1]), и онъ меня утѣшилъ, сказавъ, что теперь платины за товаръ онъ принять не можетъ, т. к. за это долженъ отвѣтствовать. „Вотъ вы продержите—сказалъ онъ—эти деньги не болѣе мѣсяца: я спишусь съ москвичами и приму ваши деньги, можетъ быть, въ вашемъ домѣ, потому что мнѣ необходимо быть въ Стольномъ и Синявкѣ“. Такъ и случилось. Петръ Николаевичъ Цвѣтъ былъ женатъ на Даниловичевой изъ Стольнаго, а по ея смерти ему посовѣтовали посватать дѣвицу Оришкевичеву изъ Синявки. Съ

[1]) Извѣстный торговецъ въ Черниговѣ.

этой цѣлью онъ и отправился въ наши мѣста и, заѣхавъ ко мнѣ въ домъ, забралъ платину, уплативъ за нее серебромъ по стоимости.

Послѣ сдачи отчетовъ я отправился провѣдать дѣтей, которыя, къ моему удовольствію и счастію, успѣвали въ наукахъ и уже уменьшали мои расходы, сами имѣя учениковъ. По пріѣздѣ изъ Чернигова я отдыхалъ, пока не начнутся дѣла. Меня болѣе всего затрудняли указы о назначеніи слѣдствій: волей-неволей приходится ѣхать въ другое благочиніе и тамъ просиживать иногда цѣлую недѣлю, пока дождешься депутата, пристава и покончишь дѣло. Такихъ случаевъ бываетъ до десяти въ годъ. Помимо того, что они непріятно дѣйствовали на здоровье, и домашнее хозяйство отъ того терпѣло большой ущербъ. Въ настоящее время эти слѣдствія бываютъ рѣже, да къ тому же они чаще всего поручаются помощнику благочиннаго или депутату духовному; такихъ депутатовъ въ каждомъ благочиніи по одному, а въ болѣе обширныхъ и по два; въ мое же время они служили только сотрудниками и помощниками благочинныхъ при производствѣ слѣдствій. Кромѣ того, еще каждый мѣсяцъ была подаваема при рапортѣ вѣдомость объ исполненныхъ указахъ и о неисполненныхъ съ объясненіемъ причинъ неисполненія. Большею частью въ отвѣтъ приходилось писать: „за неявкою депутата съ гражданской стороны".—Между тѣмъ каждый годъ съ наступленіемъ лѣта нужно было ожидать проѣзда Преосвященнаго для обозрѣнія церквей, и въ каждый проѣздъ непремѣнно посѣщенія нашего дома въ Городищѣ. Однажды при выѣздѣ изъ Чернигова онъ обѣдалъ и ночевалъ въ Седневѣ въ домѣ Лизогубовъ. Выѣзжая по утру оттуда, онъ избралъ совсѣмъ непроѣздный путь чрезъ Бегачь вмѣсто Березнаго на Сахновку, а оттоль въ Городище на обѣдъ и ночлегъ. Когда Андрей Ивановичъ Лизогубъ спросилъ Преосвященнаго, отчего это онъ никогда не минаетъ Городища, онъ отвѣтилъ: „тамъ радушный хозяинъ священникъ; у него сухой домъ, и я всегда тамъ съ удольствіемъ провожу назначенные мною часы и даже ночлегъ". Я долженъ былъ провожать его чрезъ все благочиніе, чрезъ Мѣну или Осьмаки, въ Максаковскій Дѣвичій Единовѣрческій старообрядческій монастырь, гдѣ случалось проживать дня

по два. Онъ тамъ постоянно служилъ съ приглашенными изъ другихъ монастырей старообрядческими священниками и благочиннымъ Арсеньевымъ, высланнымъ изъ московскаго кладбища и судившимся, но по ходатайству брата поселеннымъ въ Новозыбковѣ. Здѣсь онъ принялъ наружное единовѣріе, сдѣлался благочиннымъ и протоіереемъ и былъ уважаемъ раскольниками въ высшей степени. — Здѣсь перемывалось и сушилось бѣлье Преосвященнаго, гладилось и прибавлялось новое. Обѣды были великолѣпные. Винъ за столомъ было довольно, но пились они украдкою; непремѣнно шампанское за здоровье его Преосвященства. Послѣ обѣда и непродолжительнаго отдыха непремѣнно совершалась проходка кругомъ монастыря за оградою, т. к. монастырь построенъ на высокой земляной насыпи среди луговъ и озеръ. Строителемъ его былъ каштелянъ воевода Носовскій. Въ монастырѣ есть его портретъ во весь ростъ въ малороссійскомъ кунтушѣ при саблюкѣ. Мы обходимъ одинъ разъ, и я непремѣнно долженъ былъ сопровождать его и закрывать отъ вѣтра воротникомъ рясы его уши. Возвратясь въ монастырь, мы заходили въ келію проживающаго тамъ петербургскаго купца Вялова, гдѣ насъ угощали уже приготовленнымъ чаемъ. Преосвященный, выпивши чашку, тотчасъ отправлялся со своимъ келейникомъ въ свою келію и, уходя, говорилъ: „архимандритъ, благочинный и г. приставъ у васъ выпьютъ по пуншу“. Купецъ кланялся въ поясъ, говоря: „очень рады, святый владыко! Только пріятно бы было, если бы вы выпили рюмочку винца“. Владыка соглашался и выпивалъ рюмочку малаги. Тогда мы были угощаемы пуншемъ съ петербургскимъ ромомъ и хорошимъ виномъ, доставленными на сей случай изъ Петербурга съ разными другими пожертвованіями для монастыря. Впослѣдствіи Вяловъ былъ переведенъ въ Покровскій мужской единовѣрческій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи. Онъ былъ, должно быть, скопецъ или другой касты, такъ какъ его болѣзненное лицо доказывало это. Послѣ пребыванія въ монастырѣ я долженъ былъ проводить благочиннаго до первой церкви въ борзенскомъ уѣздѣ, гдѣ его встрѣчалъ тамошній благочинный, а я, получивъ благословеніе, возвращался въ свое благочиніе. Проѣхавши чрезъ Мѣну я,

останавливался въ своей обычной резиденціи, гдѣ случалось день или два вести разгульную жизнь; но все же я чуждъ былъ траты денегъ или карточной игры, чего я боялся какъ огня. Послѣ этого я возвращался въ Городище и отдыхалъ, занимаясь хозяйствомъ, пока не случится какого-либо слѣдствія или залежавшагося дѣла по благочинію. А тутъ скоро предстояло время отправки дѣтей послѣ каникулъ въ Черниговъ, потому что проѣздъ Преосвященнаго приходился чаще всего въ началѣ іюля или въ началѣ Августа.

Для отправки дѣтей нужно было заготовлять харчи, муку и проч. Все это въ рабочее время расходовалось быстро, и, хотя и была своя мельница, но по безвѣтрію часто случался недостатокъ. Прежде я всегда самъ отправлялся съ дѣтьми въ Черниговъ, но теперь, когда Александръ и Федоръ находились въ высшихъ классахъ и сами стали заниматься репетиціями, мнѣ нерѣдко не было никакой надобности самому ѣхать въ Черниговъ. Однако спустя полъ-мѣсяца я отправлялся въ Черниговъ, такъ какъ нерѣдко нужно было явиться къ Преосвященному или похлопотать къ Консисторіи по случавшимся дѣламъ, а также снабдить меньшихъ дѣтей сапогами и повезти гостинцы, приготовленные матерью и сестрою, всегда уже заботящимися объ этомъ при моемъ выѣздѣ.

Въ это время я началъ затрудняться должностью благочиннаго вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. Чрезъ годъ я лѣтомъ заболѣлъ лихорадкой, впослѣдствіи превратившейся въ горячку. Въ это время мой сынъ Александръ окончилъ университетъ и, прибывъ домой, спасъ меня отъ болѣзни. Онъ сейчасъ же поѣхалъ въ Березное и привезъ тамошняго доктора Васильевскаго, который, осмотрѣвши меня, сейчасъ же приказалъ поставить пьявки къ вискамъ и къ затылку, приставилъ ко мнѣ фельдшера и прислалъ лѣкарства. Его за все это благодарилъ Александръ. Послѣ того я проболѣлъ еще съ недѣлю, а затѣмъ всталъ съ постели. Въ это время Александръ уѣхалъ въ полтавскую губернію къ помѣщику Маркевичу для занятій съ его сыномъ, желавшимъ поступить на юридическій факультетъ.

Въ 1852 году заболѣлъ священникъ Архангело-Михайловской церкви о. Іоаннъ Антоновичъ. Это былъ строгій исполнитель своихъ священническихъ обязанностей, суровый, трезвый и безкорыстный, требовавшій отъ прихожанъ также нравственной жизни. По своему суровому характеру онъ не сумѣлъ повесть дѣлъ, однако сдѣлалъ много хорошаго по приходу. У него съ 7 лѣтъ и мальчики, и дѣвочки непремѣнно изучивали всѣ первоначальныя молитвы и Символъ вѣры, безъ каковыхъ познаній никто не могъ свободно приступить къ исповѣди, а также быть воспріемникомъ. Вслѣдствіе этого многіе прихожане его не любили; особенно нелюбовью онъ пользовался среди любившихъ разгульную жизнь, а такихъ въ то время было очень много; люди же доброй жизни и хорошіе хозяева любили и уважали его и пользовались его симпатіями. О. Іоаннъ по природѣ былъ и плотникъ, и столяръ, и мельникъ, и птицеловъ, рыболовъ и охотникъ играть въ карты, хоть по цѣлымъ ночамъ, но не на деньги. Онъ любилъ у себя принимать только пріятныхъ ему людей, роскоши не любилъ, но жилъ въ достаткѣ и готовъ былъ всѣмъ подѣлиться съ тѣмъ, кто ему прійдется по сердцу; а если кого не взлюбитъ, хотя бы изъ прихожанъ, то старается не имѣть съ тѣмъ никакихъ сношеній, вслѣдствіе чего ему часто приходилось терпѣть неудовольствіе и даже обиды. Ко мнѣ онъ былъ очень расположенъ, особенно послѣ назначенія меня благочиннымъ. Онъ готовъ былъ мнѣ помочь во всемъ: придетъ, бывало, ко мнѣ, увидитъ какую-нибудь неисправность,— и сейчасъ же исправитъ или возьметъ на домъ къ себѣ. Или, увидѣвъ у меня на диванѣ старую обивку, смѣряетъ, поѣдетъ въ Березное, купитъ новаго ситцу и въ мое отсутствіе сдеретъ съ дивана старую матерію и обтянетъ новой, сказавъ моей женѣ, что пану благочинному не подобаетъ такой диванъ старый держать. Точно также онъ исправитъ остановившіеся часы, поломанный стулъ, самоваръ, вообще все, что увидитъ неисправнымъ, при томъ безъ всякаго вознагражденія, о чемъ и слышать не хотѣлъ. Въ вышеозначенномъ году, когда онъ заболѣлъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, я увидѣлъ, что болѣзнь его серіозная. Онъ простудился, выѣжжая, лодкою рано на рѣку за ловлею рыбы, вытрушивая

снаряды, поставленные съ вечера, часто получая по полпуда карасей, хотя и небольшихъ, но чрезвычайно вкусныхъ. Посѣщая его, я замѣтилъ, что болѣзнь его сильно развивается и притомъ съ опасностью для жизни. Я ему совѣтовалъ обратиться къ доктору, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Узналъ я случайно, что въ Низковку прибылъ изъ Кіева докторъ, кажется, Слободзинскій. Я нарочно поѣхалъ къ нему, разсказалъ ему свойства болѣзни о. Антоновича со всѣми подробностями. Онъ сказалъ, что у больного воспаленіе, при которомъ вслѣдствіе преклоннаго возраста онъ не долго проживетъ. Впрочемъ онъ далъ пилюль, сказавъ, какъ ихъ принимать, и обѣщалъ проѣздомъ изъ Низковки чрезъ Городище заѣхать посмотрѣть; но онъ не заѣхалъ, а оставилъ еще коробку пилюль въ расправѣ. Между тѣмъ многіе изъ священниковъ, узнавши о безнадежномъ положеніи о. Антоновича, пожелали занять его мѣсто, и, когда Преосвященный чрезъ городницкій уѣздъ возвращался послѣ обозрѣнія епархіи и остановился въ селѣ Бегачѣ на обѣдъ у князя Кекуатова, они подали прошенія о предоставленіи за смертію свящ. Антоновича занимаемаго имъ прихода. Въ числѣ подавшихъ былъ и Дмитрій Прокоповичъ. Преосвященный, хотя и принялъ прошенія, но объявилъ, что до полученія рапорта о смерти резолюціи не положитъ. Когда же Преосвященный возвратился, то родственникъ Антоновича Іоаннъ Миславскій, священникъ села Степановки, по вызову родной тетки жены Антоновича явился въ Городище, въ домъ его, гдѣ по обоюдному соглашенію составили условіе и прошеніе къ Преосвященному объ уступкѣ прихода и о желаніи Миславскаго перемѣститься на Городисскій приходъ. Это все дѣлалось въ тайнѣ отъ меня, однако я все это зналъ, но мѣшать не хотѣлъ, зная, что это все поведетъ къ большому раздору, а потому предоставилъ все это дѣло времени, надѣясь на Бога и Преосвященнаго, при моемъ большемъ семействѣ и небогатомъ приходѣ и состояніи. Послѣ выѣзда изъ Городища Миславскаго, я на другой день отправился въ Черниговъ. Прибывши туда и переночевавши, я поспѣшилъ въ Троицу, гдѣ узналъ отъ докладчика, что Миславскій уже подалъ прошеніе и за него лично ходатайствовалъ архимандритъ,

но Преосвященный оставилъ его прошеніе на столѣ безъ резолюціи. Тотчасъ же было доложено о прибытіи благочиннаго Кистяковскаго. Онъ велѣлъ лично явиться. Когда я вошелъ въ пріемную залу, онъ долго не обращалъ на меня вниманія, стоя лицомъ къ столу, на которомъ лежали бумаги. Все это время я стоялъ у порога. Когда онъ обернулся, я поклонился, а затѣмъ приступилъ получить благословеніе и подалъ прошеніе. Онъ долго смотрѣлъ на меня. У меня сильно катились по лицу слезы. Тогда онъ сказалъ: „опоздалъ! Я уже отдалъ приходъ Миславскому". Я заплакалъ почти навзрыдъ. Онъ улыбнулся, потому что я почти ничего не могъ говорить и тутъ же мнѣ сказалъ: „Поѣзжай въ домъ, никого здѣсь ни о чемъ не проси и не заходи къ архимандриту". Я поклонился въ ноги, получилъ благословеніе и вышелъ. Я отправился на квартиру. Дѣти уже вышли изъ класса. Пообѣдавши, я тотчасъ же выѣхалъ изъ Чернигова, поручивъ сыну Александру на другой день узнать резолюцію и извѣстить меня письмомъ.

Вечеромъ я уже былъ дома въ семействѣ. Помню, покойница няньчилась въ Владиміромъ, мальчикомъ одного года, слабенькимъ, но быстрымъ и уже много понимавшимъ. Поговоря съ покойницей о всемъ случившемся и не отчаиваясь въ полученіи прихода, мы улеглись спать. На утро, когда мы еще спали, явился пономарь, съ крикомъ: „уже благочинный Михайловскій священникъ. Попадья плачетъ. Миславскій за полночь заѣхалъ сказать и скоро опять уѣхалъ въ Степановку". Поутру я отправился навѣстить о. Іоанна, взявъ 5 хлѣбовъ булокъ и 5 лимоновъ. Когда я вошелъ въ его комнату, гдѣ больной лежалъ, онъ обернулся и, увидѣвши меня, едва слышнымъ голосомъ началъ упрекать меня, что я помѣшалъ его родичу въ полученіи прихода. Тогда я въ свою очередь высказалъ ему, что Миславскій человѣкъ богатый, землевладѣлецъ, къ тому же имѣетъ въ пользованіи болѣе 40 десятинъ земли церковной; у него только двое сыновей, а у меня семь, при томъ и приходъ мой хуже Степановскаго, а состоянія и пятой части его нѣтъ. Къ тому же—говорилъ я—я человѣкъ здѣсь мѣстный, а онъ долженъ перемѣщаться. Таким образомъ я ни въ чемъ вамъ

не повредилъ. Миславскій искалъ не столько мѣста, сколько вашего состоянія, и онъ бы былъ не въ пользу, а въ тягость вашему семейству, тогда какъ они, управляя сами своимъ состояніемъ, вдвоемъ могутъ прожить безбѣдно, ни отъ кого не завися". Видя, что онъ замолчалъ, я вышелъ изъ комнаты. Хотя онъ и просилъ забрать свой хлѣбъ, но я сказалъ, что хлѣба никто не цурается. Такъ прошло дней пять. Я служилъ 20-го іюля, въ торжественный день, обѣдню. Послѣ утрени я вышелъ на цвинтарь подышать хорошимъ воздухомъ, какъ вдругъ со двора о. Іоанна прибѣгаетъ его жена Ксенія и проситъ меня посѣтить ея мужа по его желанію. Я сказалъ: „я сейчасъ начинаю обѣдню, а потому по окончаніи ея и зайду къ вамъ. А у васъ, вѣрно,—замѣтилъ я смѣясь,—будетъ готовъ самоваръ?" Она отвѣтила: „Непремѣнно приходите, т. к. отецъ Іоаннъ скучаетъ безъ васъ, и ему все хуже и хуже". Когда я пришелъ и положилъ просфору, онъ немного приподнялся, велѣлъ подложить подушки и съ довольно радушнымъ видомъ сказалъ: „я теперь доволенъ, что вы получили приходъ, послѣ того, какъ обдумалъ всѣ обстоятельства родства. Трудитесь и не забывайте меня въ вашихъ молитвахъ. Ксенія,—обратился онъ къ женѣ—внеси мою лисью шубу. Вы возьмите ее навсегда себѣ, а женѣ и дочери дайте за нее 20 рублей. Кромѣ того, такъ какъ я чувствую себя плохо, то завтра пригласите священника духовника о. Петра Прокоповича и совершите таинство Елеосвященія." Тогда же я взялъ шубу, заплативъ за нее двадцать рублей серебромъ. На другой день мы съ Прокоповичемъ совершили Елеосвященіе, и о. Іоаннъ исповѣдывался у своего духовника и принялъ Святыя тайны, а 22-го іюля рано поутру онъ отошелъ въ вѣчность. Онъ не желалъ быть погребеннымъ на церковномъ цвинтарѣ близъ церкви, а просилъ похоронить его на общемъ кладбищѣ, близъ часовеньки, гдѣ похоронена моя дочка Марія. Такимъ образомъ я, послѣ двадцати-трехлѣтняго служенія въ Николаевскомъ Городисскомъ приходѣ, поступилъ въ Михайловскій, гдѣ находилась чудотворная икона Божьей Матери. Этотъ приходъ моголюднѣе душъ на 400, въ немъ и окладъ выше, и доходы значительно большіе, чѣмъ въ Николаевскомъ.

Однако всѣ мои дѣти родились въ бытность мою въ Николаевскомъ приходѣ, а именно послѣдній, Владиміръ, родился въ 1851 году. Онъ подавалъ большія надежды. Въ 10 лѣтъ онъ былъ уже въ Кіевѣ на иждивеніи и воспитаніи брата, доктора Федора, выѣхавшаго въ шестидесятыхъ годахъ за границу на два года съ помѣщицей Чернолузской. Въ сіе время прибылъ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ старшій сынъ Александръ для поступленія доцентомъ въ кіевскій Университетъ. Онъ засталъ Владиміра больнымъ тифомъ, и никакія усилія докторовъ не спасли бѣднаго юношу отъ смерти. Онъ похороненъ на кіевскомъ кладбищѣ недалеко отъ кладбищенской церкви, въ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями. Всегда, когда я ѣду по желѣзной дорогѣ, то, подъѣзжая къ Кіеву, съ благоговѣніемъ смотрю въ окошко на кладбище, гдѣ почиваетъ непробуднымъ сномъ дорогой много надеждъ подававшій юноша, такъ рано развившійся въ умственныхъ способностяхъ и познаніяхъ. Да будетъ ему вѣчная память со святыми!

Приходъ Михайловскій далъ мнѣ много больше средствъ къ улучшенію нашего семейнаго быта. Между тѣмъ скоро послѣ того Александръ окончилъ Богословіе и поступилъ въ кіевскій Университеръ при самыхъ скудныхъ средствахъ отъ меня, но, благодаря старанію своему и успѣхамъ, онъ мѣсяца черезъ два поступилъ на профессорское содержаніе, а затѣмъ и на полное содержаніе, уговаривая и брата Федора также поступить въ Университетъ. Тотъ, перешедши въ Богословскій классъ, подалъ прошеніе Министру Внутреннихъ Дѣлъ, съ представленіемъ аттестата объ успѣхахъ (онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ) и прочихъ документовъ, о принятіи его въ число студентовъ кіевскаго Университета на приказъ общественнаго призрѣнія. Однако ему было отказано до будущаго года по множеству кандидатовъ, съ правомъ поступить. Тогда бумаги присланы были въ Черниговъ къ губернатору изъ министерства. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Александръ написалъ изъ Кіева, требуя немедленно въ Кіевъ брата Федора. Это было передъ праздникомъ Рождества Христова, и я, собравши нужное количество денегъ, 25 рублей сер., тотчасъ же отдалъ Федору. Бумаги изъ Черни-

гова были отосланы уже въ Сосницкій Земскій Судъ для врученія мнѣ, а потому онъ безъ нихъ отправился въ Кіевъ, съ тѣмъ, что я съ Крещенія пріѣду самъ въ Кіевъ и привезу присланные его документы. Мы предположили ѣхать совмѣстно съ о. Василіемъ Кизиловскимъ на моихъ лошадяхъ и въ моемъ экипажѣ, такъ какъ у меня были крытыя барскія сани съ открывающимъ верхомъ и фартухомъ. У меня была тройка добрыхъ лошадей. Когда я прибылъ, Казиловскій уже выѣхалъ на нанятыхъ у еврея лошадяхъ, а потому я немедленно тоже отправился на Кіевъ и, доѣхавши до Краснаго, здѣсь ночевалъ, а на другой день, выѣхавъ пораньше, ночевалъ за Козельцемъ въ такъ называемыхъ тогда Калитинскихъ хуторахъ. Ихъ тогда было много, и они были прекрасно устроены по случаю тогдашней трактовой дороги Московской на Кіевъ. Теперь съ постройкой желѣзныхъ дорогъ всѣ постоялые дворы уничтожились и опустѣли, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся еврейскихъ, но не въ томъ благоустроенномъ видѣ по случаю проѣзда дилижансовъ изъ Кіева на Черниговъ отъ частныхъ содержателей, да еврейскихъ халабудъ, привозящихъ изъ Кіева въ Черниговъ и обратно. По прибытіи въ Кіевъ, при въѣздѣ въ оный, меня много заинтересовалъ Цѣпной мостъ. Заплативши за проѣздъ предъ мостомъ, я всталъ изъ саней и пѣшкомъ прошелъ черезъ весь мостъ, удивляясь его великолѣпію, т. к. подобной постройки я никогда не видалъ. Онъ изумилъ меня своими каменными быками и желѣзными громадными цѣпями. Проѣхавши мостъ, мы увидали часовню, отъ которой вдоль Днѣпра, подъ кіевскими горами, шла дорога. Мы подъѣхали къ Андреевской церкви, гдѣ насъ остановилъ жандармъ, заставляя ѣхать на Подолъ. Однако, когда я ему далъ гривенникъ и спросилъ, какъ проѣхать къ Университету, онъ охотно указалъ намъ дорогу, мимо Десятинной церкви и Софіевскаго Собора. Проѣхавъ указаннымъ путемъ при разспросахъ, я наконецъ увидѣлъ громаднѣйшее зданіе Университета и, встрѣчая студентовъ онаго, сталъ нѣсколькихъ разспрашивать, и одинъ взялся меня проводить до самой комнаты, гдѣ я встрѣтилъ съ величайшей радостью сына моего любезнѣйшаго Александра. Послѣ радостнаго привѣтствія мы отпра-

вились на квартиру, гдѣ остановился о. Василій Кизиловскій, насколько помню, кажется у профессора Иванова, гдѣ и я остановился совмѣстно съ нимъ въ двухъ комнатахъ, а для лошадей была отведена конюшня. Такъ какъ я еще не видѣлъ сына Федора, и Александръ объявилъ мнѣ, что его раньше вечера увидѣть нельзя, такъ какъ онъ теперь готовится къ экзамену по нѣкоторымъ предметамъ, то мы остались побесѣдовать съ Василіемъ и его сыновьями, Михаиломъ и Петромъ, заказавъ съ дороги самоваръ и закусивъ провизіей, привезенной изъ деревни. Напившись чаю, Александръ вмѣстѣ съ Кизиловскими ушелъ въ Университетъ, обѣщая прійти вечеромъ, чтобы совмѣстно отправиться на квартиру къ брату Федору. Въ назначенное время онъ пришелъ, и я велѣлъ запречь лошадей. Поѣхавши на квартиру, мы застали Федора занимающимся приготовленіемъ къ послѣднему экзамену по математикѣ, назначенному на дому у профессора. Привѣтствуя радостно свиданіе и поговоривъ въ охоту, такъ какъ это былъ результатъ ихъ будущаго благоустройства, я передалъ имъ деньги въ количествѣ 50 рублей, вырученныя мною за проданную Архимандриту Иларіону Дудѣ всего за 90 рублей лисью шубу, доставшуюся мнѣ отъ священника Антоновича. Въ это время стояла контрактовая ярмарка, конечно, много удивившая меня обиліемъ купечества и товаровъ, особенно въ контрактовомъ домѣ. Мы прожили въ Кіевѣ дня четыре. Въ послѣдній день передъ отъѣздомъ мы осмотрѣли при университетѣ кабинеты древностей, что также доставило мнѣ величайшее удовольствіе.—Федоръ былъ принятъ въ число студентовъ Кіевскаго Университета. Все это споспѣшествовало моей радости. Мы выѣхали въ 3 часа и, проѣхавши верстъ тридцать, за Броварами въ довольно порядочномъ постояломъ дворѣ имѣли ночлегъ. Здѣсь я, подгулявши на радостяхъ, распекъ о. Василія за его ухаживаніе за барынями, ѣхавшими въ Кіевъ къ инспектору Университета Вербицкому, къ зятю съ дѣвицею и тоже

барынею, матерью одного изъ Университетскихъ студентовъ. Онѣ ѣхали четверкою въ зимнемъ экипажѣ. На утро мы раньше выѣхали и ночевали за Козельцемъ верстахъ въ 30, а къ обѣду уже были въ Черниговѣ. Но о. Василій дулся и раньше пріѣхалъ въ Черниговъ. Я, отдохнувши въ квартирѣ дѣтей, поѣхалъ подъ вечеръ къ нему, предполагая ночевать въ Черниговѣ на постояломъ дворѣ, куда отправился сынъ мой Василій уже въ договоренный номеръ. Я велѣлъ ему заказать самоваръ и отправиться за братьями въ квартиру и привести ихъ на постоялый дворъ, чтобы вмѣстѣ напиться чаю и закусить. Но о. Василій удержалъ меня къ чаю, и мы помирились, съ нѣкоторымъ все же охлажденіемъ. Но къ выѣзду онъ сдѣлался до того добрымъ, что проводилъ меня до постоялаго двора, и мы сдѣлались по прежнему хорошими пріятелями. Прибывши въ номеръ, я послалъ взять кварту вина и полъ-штофа водки. Вино выпили дѣти съ двумя товарищами, а водку я съ хозяиномъ Степаномъ Калинычемъ и кучеромъ Киселемъ, почтеннымъ прихожаниномъ. Тогда я велѣлъ запречь лошадей, чтобы прокатать дѣтей по городу и отправить ихъ на квартиру. Я отдалъ послѣднія нужныя имъ деньги, сказавъ, что на слѣдующій день я рано выѣду изъ Чернигова и не заѣду на квартиру, т. к. соскучился по семьѣ. Утромъ я рано выѣхалъ изъ Чернигова и часу въ первомъ дня былъ уже дома. Первый услышанный домашними отъ меня вопросъ былъ: „есть ли свадьбы?“, потому что мой кошелекъ совсѣмъ истощился. Мнѣ отвѣтили, что уже приходило паръ пять. Это значило, что я получу рублей 20, когда теперь въ томъ же приходѣ получается за таковое количество 150 рублей серебромъ, да и всѣ вообще требы возвысились втрое, а въ общемъ итогѣ впятеро. Изъ этого видно, что я всегда крайне нуждался въ деньгахъ, не покидая хозяйства и самостоятельно обрабатывая свои поля, а иногда беря въ аренду еще и чужіе участки. Правда, жизнь нашего двора такъ сложилась, что посѣтители были очень нерѣдки, и мы всегда съ

радушіемъ ихъ угощали, въ сравненіи съ другими городищенскими домами, такъ что одинъ изъ небогатыхъ дворянъ Степанъ Ивановичъ Бородуха, тогда уже пятидесятилѣтній старикъ, говорилъ: „такъ, какъ Вы, только одинъ герералъ Бобиръ въ Стольномъ жилъ и принималъ гостей.“ Эти слова мнѣ врѣзались память. Приходъ мой изъ хозяйства наиболѣе способствовалъ моему расходу изъ хозяйства, и я имѣлъ свою вѣтряную мельницу, по тогдашнему времени изъ лучшихъ, имѣлъ такого же и мѣрошника, получавшаго третью мѣрку изъ помола, большого пьяницу; однако свое дѣло онъ зналъ лучше другихъ мѣрошниковъ, никому не испортилъ въ помолѣ зерна, а себѣ бралъ только слѣдуемое. За то заводу у него всегда было полно. Впрочемъ и мельницъ въ то время было вдвое меньше, да и то большею частью плохихъ. Мука преимущественно покупалась обильно на винокурни, коихъ до 45-го года было много, а лучшая мука покупалась полѣскими жителями, привозящими въ Синявку на торгъ по субботамъ свои деревянныя издѣлья: ведра, бочки, боченка и, лопаты, дежки, кодовбы, лубы, ящики и прочую древесную рухлядь. Тогда я почти каждую субботу или черезъ двѣ, не болѣе, вывозилъ возъ мѣшковъ съ мукою продавать, большею частью мѣшками пудовъ въ пять, тѣмъ же полѣсчукамъ и тогда на вырученныя деньги покупалъ бакалею для домашняго расхода, сахаръ, чай, кофе и нѣкоторыя закуски. Купивъ все нужное, я возвращался домой, завозя съ собой нерѣдко гостей по приглашенію, чаще всего Столинцовъ. Посѣщеніе оканчивалось попойкой и закуской, а затѣмъ я отдыхалъ, приготовляясь къ предстоящему воскресному служенію. Денегъ за расходомъ въ торгу почти не оставалось, а иногда еще въ лавочкахъ забиралось въ долгъ до слѣдующихъ торговъ; если же надо что купить среди недѣли, то жена отправлялась къ краснорядцамъ. Я нерѣдко по субботамъ служилъ заупокойную литургію, такъ называемую сорокоустную. При большомъ сборѣ денегъ я отправлялся по

должности благочиннаго въ Черниговъ для удовлетворенія воспитывавшихся тамъ дѣтей, а также для закупки тамъ лучшихъ и болѣе дешевыхъ товаровъ, такъ что изъ года въ годъ я никогда не имѣлъ денегъ въ остаткѣ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Фастовская типографія. Читателямъ «Кіевской Старины» извѣстно изъ моихъ предыдущихъ статей («Кіев. Стар.» 1894, № 2, и 1895, № 3), что кіевскимъ католическимъ бискупомъ въ концѣ XVI-го вѣка (1589—1598) былъ ксендзъ Іосифъ Верещинскій, уроженецъ села Верещина въ Холмск. землѣ (нынѣ сѣдлецкой губ. влодавскаго у.). Кіевскимъ бискупамъ, начиная съ 1560 года, принадлежало имѣніе Фастовъ на р. Унавѣ. Когда Верещинскій пріѣхалъ въ Кіевъ и убѣдился, что ему негдѣ жить въ каѳедральномъ городѣ, что въ немъ нѣтъ и приличнаго храма для бискупскаго богослуженія, то онъ обратилъ вниманіе на фастовское имѣніе и рѣшилъ поселиться здѣсь. Обѣщаніемъ свободы отъ податей и другихъ вольностей онъ собралъ въ свое имѣніе значительное населеніе, которое и «осадилъ» на бискупскихъ земляхъ въ селеніяхъ Фастовѣ, Черногородкѣ, Плисецкомъ и Дорогинкѣ. Для защиты новыхъ поселеній отъ татарскихъ набѣговъ и наѣздовъ сосѣдей онъ построилъ въ Фастовѣ на берегу р. Унавы укрѣпленный замокъ съ домомъ для себя и съ костеломъ.

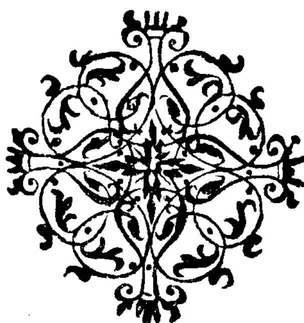
Свой замокъ онъ назвалъ въ воспоминаніе о мѣстѣ родины «Новымъ Верещиномъ». Какъ человѣкъ очень образованный, прекрасно владѣвшій перомъ и привыкшій издавать свои сочиненія, Верещинскій стѣснялся, конечно, тѣмъ, что ему приходилось печатать свои книги въ Краковѣ, хотя въ прекрасной типографіи Андрея Піотроковчика, но вдали отъ мѣста жительства и, поэтому, внѣ возможности самому выбирать шрифты, исправлять корректуры и вообще слѣдить за ходомъ печатанія. Вслѣдствіе этого онъ завелъ типографію у себя въ фастовскомъ замкѣ «Новый Верещинъ» и въ 1597 году напечаталъ въ ней брошюру «О войнѣ съ турецкимъ султаномъ безъ созыва посполитаго рушенья». Чтобы читатели «Кіевской Старины» могли составить себѣ понятіе о внѣшнемъ видѣ фастовскаго печатнаго изданія, мы прилагаемъ здѣсь фототипическій снимокъ съ заглавнаго листа и первой сраницы брошюры Верещинскаго, изготовленный по экземпляру ея, принадлежащему библіотекѣ графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ.

Бискупъ Головинскій, переиздавшій въ 1854 г. нѣкоторыя проповѣди Верещинскаго, помѣстилъ въ списокъ сочиненій Верещинскаго брошюру, будто-бы напечатанную въ «Новомъ Верещинѣ» въ 1598 году подъ заглавіемъ: «Pobudka z strony podniesienia wojny potężnej przeciw Cesarzowi Tureckiemu, bez ruszenia pospolitego, a iżby każdy gospodarz, zostawszy u domu, mógł zażywać bezpiecznie gospodarstwa swego. Posłom na Sejmie Warszawskim podane». (См. Kazania, стр. XVIII). Это ошибка. Такая брошюра вовсе не появлялась въ свѣтъ, тѣмъ болѣе въ 1598 г., когда Верещинскій въ первой половинѣ этого года уже умеръ (по преданію, 1—10 февраля). Единственное достовѣрное изданіе фастовской типографіи — брошюра «Votum» и проч., снимокъ части которой прилагается. Головинскій совсѣмъ пропустилъ ее въ своемъ спискѣ. Изъ этого обстоятельства объясняется и его ошибка: вмѣсто полнаго экземпляра брошюры «Votum» и проч. онъ имѣлъ подъ руками экземпляръ дефектный, безъ заглавнаго листа, и, руководствуясь содержаніемъ брошюры, подсочинилъ къ ней заглавіе, причемъ невѣрно отнесъ ея появленіе на годъ позже. Историческіе источники молчатъ о дальнѣшей судьбѣ принадлежностей фастовской типографіи послѣ смерти ея владѣльца.

А. Стороженко.

VOTVM

X. Iozefá Wereszczyńskiego / z łáski Bozey Biskupá Kijowskie° / á Opátá Sieciechowskiego / z strony podniesienia Woyny potężney przeciwko Cesárzowi Tureckiemu bez ruszenia pospolitego: á izby káżdy Gospodarz zostawszy w domu swoim / mogł bespiecznie zażywáć gospodárstwá swego. Ich M. Pánom Posłom ná Seymie Wárszáwskim / w roku 1597. ná pismie podáne.

Drukowano w nowym Wereszczynie / Roku 1597.

Miłościwi Panowie bráćia/

Vniżona powolność służb moich z vprzeymą wße-go dobrá życzliwośćią/ w miłościwą łáskę W. M. mych Miłościwych Pánow bráciey pilnie zále-cam/ ꝛc.

Wiádoma to iest rzecz wßytkiemu świá-tu łáskáwi á Miłościwi Pánowie brá-ćia / iż Pan Bóg nigdy nicchćiał mieć świátá bez biczá swego nád nim/ bo ie-ßcze y z początku świátá był Nicmrot / o ktorym piße Moyzeß w te słowá: Ipse cæpit esse potens in terra. Iustinus zowie go Ninum. Potym był Xerxes Persarum Rex, terror gentium. Po nim był Alexander Magnus, victor totius orbis. Potym był Iulius Cæsar, triumphator orbis. Po nim nástąpił Augustus pacificus mundi domitor, sub quo triumphantium triumphator CHRISTVS natus. Był po-tym Támerlan Cesarz Tátárski zwyćiężcá sławny/ ktory Turká w klatce woźił. Był po nim Attila/ co sie zwał flagelum DEI. A teraz zás Turck nas wßyt-kich chłości / bá y wßyscy sie go zgołá boim. A tá boiaźn Miłościwi Pánowie bráćia z mąd inąd nam nie przychodźi/ iedno z niclutośćiwey nieswor-ności Monárchow wßytkich Chrześćiáńskich: kto-rzy wolą sami sobie zá ládá przyczynką oczy wlupić / y ieden przećiw drugiemu sie gorgolić/ niżeáby iedno-

A 2 słayno

Богуславскій полковникъ Кондратъ Шелестъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1893 г. въ статьѣ «Три Шелеста» сообщено было мною, на основаніи современныхъ документовъ, нѣсколько подробностей изъ біографіи «Богуславскаго полковника» Кондрата Шелеста, выдвинувшагося въ эпоху колеивщины борьбою съ гайдамаками и пользовавшагося за свою службу особыми милостями отъ богуславскаго старосты, великаго короннаго гетмана Я. К. Браницкаго. Въ послѣдней (1789 г.) люстраціи богуславскаго староства мнѣ встрѣтилось нѣсколько новыхъ данныхъ, могущихъ дополнить сообщенныя раньше свѣдѣнія объ этой личности.

Шелесту еще въ 70-хъ годахъ XVIII ст. пожаловано было въ наслѣдственное владѣніе с. Юхны. По предыдущей люстраціи (1765 г.) это было жалкая деревушка изъ 10 дворовъ, приносившая въ годъ 140 золотыхъ дохода. Совершенно инымъ представляется это село въ люстраціи 1789 г.: число дворовъ увеличилось до 87, годовой доходъ составляетъ 2820 зл. 22 гроша—т. е. населеніе увеличилось въ $8{,}_7$ раза, доходъ—болѣе чѣмъ въ 20 разъ. Между тѣмъ сравнивая показанія обѣихъ люстрацій относительно другихъ селъ, мы замѣчаемъ сравнительно небольшое увеличеніе населенія и доходовъ: такъ, общая сумма доходовъ со всего староства увеличилась меньше чѣмъ въ два раза, Такіе блестящіе результаты, достигнутые въ сравнительно небольшой срокъ (не болѣе 15 лѣтъ), показываютъ необыкновенное умѣніе Шелеста устраивать свои хозяйственныя дѣла. Люстрація заключаетъ нѣкоторыя указанія и на тѣ средства, какими достигнуты были указанные результаты: въ 1-хъ, одинъ изъ подданныхъ (Иско Коваленко) названъ «осадчимъ»—слѣдовательно заселеніе производилось обычнымъ способомъ, посредствомъ слободы; во 2-хъ, нѣкоторые поселенцы пользуются особенно льготными условіями: изъ 87 господарей 27 плотятъ только небольшой чиншъ (4 злотыхъ) и не несутъ никакихъ повинностей; льготы эти по всей вѣроятности имѣли временный характеръ: по крайней мѣрѣ осадчій Коваленко несетъ уже всѣ повинности, не исключая и различныхъ работъ.

Другой характерный фактъ хозяйственной дѣятельности Шелеста заключается въ слѣдующемъ. Въ отдѣлѣ люстраціи, озаглавленномъ «Osiadłość żydow miasta Bohusławia», перечисляются каменныя лавки (kramnice) съ именами ихъ владѣльцевъ. Изъ приложенныхъ документовъ видно, что лавки эти и земля, на которой онѣ были построены, составляли собственность мѣщанъ богуславскихъ; но послѣ случившагося въ 1784 г. пожара лавки были вновь отстроены на

счетъ старосты и отданы имъ евреямъ; мѣщане считали себя обиженными и во время люстраціи энергично, но безуспѣшно защищали свои права. И вотъ, въ спискѣ владѣльцевъ этихъ лавокъ первое мѣсто занимаетъ *Szelest pułkownik*. Изъ люстраціи не видно, какимъ образомъ одна изъ лавокъ досталась Шелесту; но зная его біографію, можно съ увѣренностью сказать, что это была тоже одна изъ милостей, которыми осыпало его старостинское управленіе. Не разъясняютъ документы и того, какимъ образомъ пользовался Шелестъ этою милостью—самъ велъ торговлю или отдавалъ крамницу въ аренду евреямъ.

Приведенные факты, по нашему мнѣнію, не только дополняютъ біографію Кондрата Шелеста, но и показываютъ, что и на правомъ берегу Днѣпра, mutatis mutandis, обозначались тѣ явленія, которыя нашли себѣ болѣе полное и опредѣленное выраженіе въ дѣятельности козацкой старшины украины лѣвобережной.

В. Щербина.

Помянникъ кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря.

Изслѣдователи мѣстной старины въ послѣднее время обратили вниманіе на старинные монастырскіе помянники, какъ на историческіе памятники, заключающіе отрывочныя, но иногда очень любопытныя указанія — историческія, генеалогическія, филологическія, бытовыя. Такъ, проф. Голубевъ издалъ помянникъ Кіево-Печерской Лавры [1] конца XV и началѣ XVI ст.; И. М. Каманинъ сообщилъ свѣдѣнія о помянникѣ Кіево-Софійскаго собора [2]. Мнѣ удалось ознакомиться съ помянникомъ Николаевскаго монастыря, относящимся къ болѣе позднему времени, но представляющимъ не меньшій интересъ для мѣстной исторіи. Не задаваясь цѣлью изслѣдовать подробно содержаніе помянника, ограничусь описаніемъ его и нѣсколькими замѣчаніями о его историческомъ значеніи.

Помянникъ представляетъ обширный фоліантъ, наполненный разновременными записями: начало рукописи относится къ первой половинѣ XVIII ст., послѣднія записи къ 80 годамъ настоящаго столѣтія. Первые листы (приблизительно 40) писаны прекраснымъ уставомъ, частью тушью, частью киноварью; чѣмъ дальше, тѣмъ письмо

---

[1]) Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца кн. VI, приложеніе.
[2]) „Кіевск. Старина“ 1895, № 9.

небрежнѣе, чернило блѣднѣе; послѣдніе листы написаны уже обыкновеннымъ современнымъ почеркомъ. Полное заглавіе рукописи (на выходномъ листѣ) слѣдующее: „Синодик Мнтрѧ Стлѧ Хртова Николаѧ Пустыннаго Кіевского за благословеніемъ Его Млти Гдна Отца Архімандрита Іосифа Волчанского списасѧ року ҂аѱлд іюлѧ зі днѧ“.

Особенный интересъ представляетъ первая, древнѣйшая, часть помянника. Содержаніе ея слѣдующее: молитвы за умершихъ, поминаніе русскихъ царей (начиная съ Ѳедора Іоанновича) и ихъ семействъ; патріарховъ; митрополитовъ кіевскихъ; архіепископовъ—новогородскихъ, переяславскихъ, смоленскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, бѣлгородскихъ; княжескихъ и боярскихъ родовъ; игуменовъ и братіи Никольскаго монастыря. Хотя рукопись относится къ 1734 г., но содержаніе ея показываетъ, что составитель пользовался болѣе древними помянниками: между епископами названы такіе, епархіи которыхъ существовали только въ удѣльный періодъ (юрьевскіе, бѣлгородскіе); между княжескими и боярскими родами встрѣчаются неизвѣстныя, вѣроятно прекратившіяся фамиліи (родъ кн. Іоанна Корходиловъ, родъ кн. Василія Домонтовъ Рятовъ [1]), а также фамиліи отпавшія отъ православія (князья Острожскіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе и др.); встрѣчаются даже роды удѣльныхъ князей (родъ великихъ князей черниговскихъ). Замѣчательно, что списки нѣкоторыхъ родовъ представляютъ почти буквальное повтореніе соотвѣтствующихъ списковъ Лаврскаго помянника (родъ кн. Острожскаго, кн. Константина Крощинскаго, кн. Ивана Вишневскаго, кн. Василія Мамая Львовича).

Во второй, позднѣйшей части помянника записаны нѣкоторыя знатныя фамиліи—малорусскія (Галаганы, Горленки, Лизогубы) и великорусскія, имѣющія отношеніе къ краю (гр. Румянцевъ, кн. Трубецкіе), старые мѣщанскіе роды (родъ Артема Могилевца съ Подолу, мѣщанина кіевскаго, родъ кіевскаго мѣщанина Іоанна Іоанновича Коробкина), козаки; встрѣчается даже особый отдѣлъ «Уписъ коша сѣчевого запорожскихъ козаковъ 1755 года», въ который внесенъ родъ Василія Сича кошового запорожскаго и 11 козаковъ различныхъ

[1]) Въ древнемъ Евангеліи Пустынно-Николаевскаго монастыря, относящемся къ 1411 г., помѣщена отказная запись какого-то князя, данная въ 1427; имя этого князя читали такъ: „Долгалд... датовичъ“ (Фундукл. Обозрѣніе Кіева 106). Закревскій II, 745). Не былъ ли это Домонтъ Рятовичъ?

куреней; отдѣльныя имена запорожцевъ встрѣчаются и впослѣдствіи, даже послѣ упраздненія Сѣчи (послѣдняя запись «родъ войска запорожскаго старшины Исидора Игнатьевича Бѣлого 1776 года»). При нѣкоторыхъ именахъ отмѣчены пожертвованія на монастырь: это церковные предметы (Евангеліе, ризы, мѣдная крестильница), разнообразные денежные вклады (отъ 7 рублей до 1000 золотыхъ); наконецъ, пожертвованія натурою (волы, кони, даже возы соли; въ упомянутомъ «Уписѣ козаковъ», напр., встрѣчаются такія пожертвованія: «30 рублей, воловъ 4, коней 5, солѣ кримки возъ одинъ» или «коня одного, коровъ двѣ»). Подобныя бытовыя подробности придаютъ особенный интересъ второй части помянника.

Наконецъ, представляетъ интересъ чрезвычайно изящная внѣшность рукописи (собственно первой ея части). Особенно изящно выполненъ выходной листъ, украшенный роскошною виньеткою во всю страницу, обрамляющею заглавную надпись, на буквахъ которой сохранились еще слѣды позолоты, и первая страница съ художественно исполненнымъ изображеніемъ Св. Николая, также окруженнымъ богатымъ орнаментомъ. Рукопись эта показываетъ, что въ Кіевѣ еще въ XVIII в. сохранилось средневѣковое искусство письма и были замѣчательные списыватели книгъ и миніатюристы.

В. Щербина.

Собраніе рѣдкихъ церковно-славянскихъ и русскихъ книгъ за границей. Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на интересныя книги, изданныя на югѣ и западѣ Россіи и собранныя въ настоящее время въ Германіи, у антиквара K. W. Hirsemann' а, какъ видно изъ его послѣдняго каталога «Россія» (№ 150), Leipzig. 1895. Вотъ, что находимъ мы въ этомъ каталогѣ.

Барановичъ Лазарь: Труды словесъ проповѣдныхъ на нарочитые дни праздниковъ Господскихъ, Богородичныхъ, Ангельскихъ, Пророческихъ, Апостольскихъ, Мученическихъ, Преподобныхъ, Дѣвъ, Трехъ Святителей, Чудотворцевъ, Благовѣрныхъ царей и князей и проч. Яже Лазарь Барановичъ, Архіепископъ Чернѣговскій, Новгородскій и проч. силою Божіею вострубы. Въ Святой Велико-Чудотворной лаврѣ Кіево-Печерской. 1674 г. Съ тремя гравированными заглавными листами и многими гравюрами. Въ листъ». (Это первое изданіе проповѣдей Лазаря Барановича).

Полууставъ, содержащій въ себѣ дневную и научную службу по преданію и чину церковному, изображенъ типомъ въ Святой, Великой, Чудотворной лаврѣ Кіево-Печерской. При державѣ благочестивыхъ Государей нашихъ царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича.» Съ гравированнымъ заглавіемъ; на оборотѣ изображеніе Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ листъ. Кіевъ. 1682 г.

Синопсисъ, или краткое собраніе отъ различныхъ лѣтописцевъ князей богоспасаемаго Града - Кіева и проч. Сочин. Кіевопечерскаго Архимандрита Іннокентія Гізіеля. Съ тремя политипажами. Кіевъ. 1680 г. Напечат. церковными буквами.

Требникъ За благополучнаго Царствованія, Пресвѣтлѣйшаго и Державнѣйшаго Великаго Государя нашего Царя и Великаго князя Петра Алексѣевича Всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца. *За щасливаго Владънія его Царскаго Пресвътлаго Величества, Войска Запорожскаго, обоихъ сторонъ Днепра Гетмана, и славнаго чина святаго апостола Андрея кавалера, Велможнаго его Милости Ивана Стефановича Мазепы.* Кіевъ. Безъ числа. Рѣдчайшій выходной листъ, который вырванъ почти изъ всѣхъ экземпляровъ. И въ этомъ экземплярѣ попытались уничтожить имя Ивана Стефановича Мазепы.

Службы, житіе и чюдеса, иже во святыхъ отца нашего Николы архіепископа Мүръ Ликійскихъ чюдотворца. Напечатася съ вышеозначеннаго изданія древняго, въ типографіи Почаевской 1643 г.

Кіевъ. Планъ Кіево-Печерской Лавры и при ней обрѣтающимся пещерамъ, начаты при Благовѣрномъ Князѣ Владимірѣ Святославичѣ въ 1013 г. (?) Большая гравюра (размѣръ 67×94 см.). Съ оглавленіемъ 190 статей. Изъ прошлаго вѣка.

Козачинскій, М. Філософія Аристотелева по умствованію перипатетиковъ. *Графскому Сіятвельству Алексію Григориевичу Розумовскому. Приписанная на щиговърнои (?) выписъ и з печатныхъ латинскихъ и полскихъ книгъ о шляхетной генеалогіи благородныхъ господъ Разумовскихъ утвержденная.* Отвѣтствовалъ філософіи слышатель Григорій Щербатскій. Съ большой родословной гравюрой рода Разумовскихъ въ формѣ розана. Кіевъ 1745 г. На русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ.

Андреа Архіепископа Кесаріа Каппадокійскіа Толкованіе на Апокалипсіи... Отъ Еллінскаго на Діалектъ Славенскій переведенное и чинно расположенное. Волею, тщаніемъ и Благословеніемъ Преподобнѣйшаго и въ Православіи Сіающаго *Отца Күзакаріи* (чит. Күръ

Захаріи) *Копистенскаго* Архимандріта Св. ЛаврыПечерскіа Кіевскіа. Тvпомъ прѣвое издася въ Лаврѣ Печерской Кіевской. 1625 г. Съ гравированнымъ фронтисписомъ.

Святцы съ краткимъ описаніемъ житія, и съ нужными христіанину потребами, съ переводу святѣйшаго патріарха Іосифа. Въ лѣто (7197) 1689 напечатася *въ типографіи Виленской.*

Преподобнаго отца нашего аввы Доровеа поученія душеполезна различна, къ своимъ его оученикомъ; переводъ съ греческаго, исправленный Архимандритомъ *Памвою Берындою.* Кіевъ. 1628 г.

Кніга иже во святыхъ отца нашего Васілія Велікаго, архиепископа Кесаріи Каппадокійскія (о постничествѣ); переведена съ греческаго. 3 части въ одномъ томѣ съ гравюрой. Въ листъ. *Острогъ.* 1594 г. (1594 г.)

Бродячій анекдотъ въ малорусской народной словесности.

Въ «Мессіи» Галятовскаго мы находимъ слѣдующій интересный анекдотъ: «Въ мѣстѣ Вормація названомъ еденъ жидъ мѣлъ цорку надобную, которая отъ едного младенца христіанина зачала въ животѣ своемъ дитя и ознаймила ему тое. Отповидѣлъ ей христіанинъ младенецъ: небойся родичовъ своихъ, я тебе уволню отъ небезпеченства. И учинивши оный младенецъ зъ трости цѣвку пришолъ въ ночи и сталъ близко коморы, въ которой оной жидовки беременнои родичи спали, и презъ окно вложивши цѣвку, мовилъ презъ тую цѣвку потиху такіи слова: о справедливыи и богу милыи, веселѣтися, ото цорка ваша панна зачала сына, который естъ збавитель вашого народу Израилскаго. Жидъ почувши тыи слова пыталъ жены своей: чи чула еси голосъ зъ неба до насъ мовячій? Отповѣдила она: не чуламъ. И знову оный христіанинъ младенецъ презъ цѣвку мовилъ до нихъ: великую повинністе цорцѣ вашой честь чинити, великое старане о ней мѣти изъ великою пилностю дитя ховати, которое отъ ней уродится, бо той естъ мессія, которого вы очекиваете. На той часъ родичи онои жидовки, радуючися встали и видячи беременную свою цорку, пытали еи: отъ кого зачала? Отповидѣла она такъ, якъ отъ оного младенца христіанина была научена: есликъ зачала не вѣдаю, тое вѣдаю же панна естемъ, и еще мужа не позналамъ. Родичи еи тое пріятелямъ своимъ и всѣмъ жидамъ разголосили, же голосъ небесный чули отъ ангела, которій мовилъ имъ, же цорка ихъ мессію породитъ, а гды пришелъ часъ родити ей, многіи жиды

въ домъ оного жида зобралися, хотячи видѣти новое нарожене мессіи своего и онымъ утѣшитися, але оная жидовка утрапленая, мѣсто утѣхи (вашимъ) жидомъ фрасунокъ принесла, бо ведлугъ звычаю иншихъ невѣстъ, зъ болемъ, зъ вздыханемъ и зъ крыкомъ породила не мессію, але цорку, которую (ваши) жиды обачивши барзося завстыдили и разгнѣвалися. (Мессія, 1669 года, листъ 62—63). Галятовскій указываетъ и источникъ, откуда онъ взялъ этотъ анекдотъ: Цезарый въ книгѣ 2, Діалоговъ своихъ о скрусѣ, въ главѣ 25 до Аполлонія (Цезарій Гейстербахскій, Dialogus miraculorum).

Подобный же анекдотъ мы находимъ въ малорусской народной словесности. «Живъ соби на сели чоловикъ, на прозвыще Иванъ Швець, зъ жинкою, та такій бидный, такій бидный, що зовсимъ ничого було у ихъ исты. Отъ винъ и выгадавъ, якъ розжитысь. Пійшла жинка по наймахъ, а винъ доставъ велыку таку дудку, въ яку паны зклыкають собакъ на полюванье, взявъ іи зъ собою, та й подавсь до богатого жида Соломона. Отъ улизъ до его въ дымаръ,— а Соломонъ шинокъ державъ,—улизъ саме у ночи, якъ поснулы уси, видкрывъ верхъ, та якъ загуде у дуду. Жидивка й прокинулась, та слуха. А Иванъ опъять якъ загуде у дуду, а дали и каже: Соломоне! Чуешъ, Соломоне? Буде въ тебе сынъ Мессіяшъ.—Отъ жидивка почула и пыта: А хто ему буде отець?—Иванъ Швець.—Та якъ загуде знову у трубу, а жидивка тоди до чоловика свого: цуесъ, Соломоне, цуесъ?—А сцо тамъ таке?—А Иванъ якъ загуде, якъ погукае: Соломоне! Буде въ тебе сынъ Мессіяшъ!—А кто зъ ему буде отець!—Иванъ швець.—Сказавши цее, потягъ Иванъ соби до дому. Отъ на другый чи тамъ на третій день иде Иванъ мимо шинку, похитуется мовъ пъяный, а Соломонъ до его: Чуесъ, Иване, иды сюды.— А що тамъ таке?—Ци не возмесъ ты посыты моій доцци церевыцки?— Чомъ не взяты,—давай. Зайды до насъ, та на лысень выпій трохи горилоцки.—Давай.—Выпывъ Иванъ горилку, знявъ мирку на черевыки пошивъ, прынисъ,—та й зъ дочкою Соломона спизнавсь, а дали ставъ у его й житы замисть зятя. Отъ живе та й живе, вже й дочка Соломона заважнила, а Иванъ соби живе,—кохается у жидивскимъ добри и гадки нема ни про-вищо. Отъ наблыжуется родыво, а Иванови й нуждушки мало. Насталы родыны. Прывела жидивка дочку, а не сына. Бида Иванови—не Мессіяшъ родывсь! Збираются жиды повернуты его у свою виру. Утикъ Иванъ, а воны таки его поймали, ожидовыты его хотять, та на жидивци оженыты». (Чубинскій, т. II, стр. 563—564, № 53, Иванъ швець та жиды). Далѣе идетъ разсказъ

о другихъ хитрыхъ продѣлкахъ Ивана съ жидами: они хотѣли его бросить въ рѣку, но Ивану удалось вылѣзть изъ мѣшка, въ который они его завязали, посадивъ на свое мѣсто проѣзжаго пана, и забравъ его карету и лошадей. Когда же жиды снова собрались убить Ивана, то онъ, привязавъ заранѣе подъ платьемъ у жены пузырь съ подкрашеннымъ «росоломъ», велѣлъ ей, когда придутъ жиды, завести съ нимъ ссору. Она такъ и сдѣлала. Иванъ ударилъ въ пузырь ножемъ, потекла кровь, и жена упала мертвою. Иванъ схватилъ палочку—«пужку», тоже заранѣе приготовленную, ударилъ ею нѣсколько разъ жену, и она ожила. Жиды пристали къ Ивану, чтобы онъ продалъ имъ эту чудесную палочку и, наконецъ, послѣ долгихъ торговъ, купили ее у него за три тысячи. Придя домой, жиды поубивали всѣхъ своихъ женъ, и ихъ забрала полиція.

Сказка эта принадлежитъ къ очень распространеннымъ разсказамъ о похожденіяхъ хитраго обманщика. Параллели къ ней въ литературахъ востока и запада см. въ примѣчаніяхъ Cosquin'а къ №№ 10, 20, 49 и 71 его Contes populaires de Loraine и въ примѣчаніяхъ Koehler'а (Orient und Occident, t. II, 1863 г., p. 486 seq. и Gonzenbach. Sicilianische Märchen, Leipzig, 1870, примѣчанія къ №№ 70 71). Изъ русскихъ сборниковъ у Сумцова (Разборъ этнографическихъ трудовъ Романова, СПБ. 1884 г.) параллели указаны у Манджуры 74, Рудченка II, 31, Садовникова § 30, Добровольскаго 693; изъ польскихъ у Zawilińskiego, № 1, стр. 53, 54, 67—74 и Chelchowskiego № 21 и 38 (стр. 65). Къ этимъ параллелямъ мы можемъ еще присоединить у Аѳанасьева т. V, №№ 7, 8, т. VI, стр. 29, и, №№ 5, 7, 8 и Чубинскаго т. II, стр. 514, № 12, 521, № 17, 563, № 53 (вторая половина сказки), № 56, № 61. Но нигдѣ мы не встрѣчали этой сказки, осложненной такимъ эпизодомъ, какой мы привели въ подлинникѣ по сборнику Чубинскаго. Очевидно, этотъ эпизодъ проникъ сначала самостоятельно въ малорусскій народъ изъ произведенія Галятовскаго и потомъ уже присоединился къ сказкамъ о хитромъ обманщикѣ. Свои продѣлки хитрый обманщикъ въ малорусскихъ сказкахъ очень часто совершаетъ надъ евреями, и вотъ неудивительно, что и эпизодъ съ дочерью еврея, совершенно подходящій по своей концепціи, былъ вставленъ народомъ въ рамку похожденій плута.

М. Марковскій.

Нѣсколько словъ о Каменецъ-Подольской гимназіи пятидесятыхъ годовъ. Въ ноябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1895 г. помѣщена статья г. Н. Г., содержаніе которой посвящено опровerженію нѣкоторыхъ ложныхъ фактовъ и основанныхъ на нихъ невѣрныхъ характеристикъ, даваемыхъ г. Солтановскимъ въ его запискахъ, печатавшихся тоже въ «Кіевской Старинѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Н. Г. приглашаетъ всѣхъ знавшихъ выводимыхъ г. Солтановскимъ лицъ, изъ бывшихъ дѣятелей Каменецъ-Подольской гимназіи, не отказать въ сообщеніи истинныхъ фактовъ, которые могли бы содѣйствовать возстановленію добраго имени почтенныхъ тружениковъ, столь безцеремонно и съ легкимъ сердцемъ загрязненныхъ г. Солтановскимъ. Въ особенности г. Н. Г. останавливается на характеристикѣ почтеннаго преподавателя исторіи Малиношевскаго. Мои воспоминанія о Каменецъ-Подольской гимназіи относятся къ болѣе раннему времени, нежели записки г. Солтановскаго. Я обучался тамъ съ 1853 по 1858 г. и, будучи уже въ 5 классѣ, долженъ былъ въ серединѣ учебнаго года отправиться въ Петербургъ для поступленія въ кадетскій корпусъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не пришлось побывать въ Каменцѣ и повидать свою alta mater, а потому понятно, съ какимъ любопытствомъ я читалъ записки г. Солтановскаго, который хотя и говоритъ о гимназіи половины шестидесятыхъ годовъ, но называетъ многихъ лицъ изъ тѣхъ, которыя принадлежали къ составу административнаго или учебнаго персонала моего времени. Однако въ его очеркахъ я не узнавалъ ни порядковъ, ни лицъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ по личному опыту. Распущенность, о которой говоритъ г. Солтановскій, въ мое время не существовала и въ зародышѣ. Отношеніе къ намъ, гимназистамъ, начальствующихъ лицъ было суровое, подчасъ даже жестокое. Право тѣлеснаго наказанія принадлежало не только директору и инспектору, но и надзирателямъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ Соколовскій) широко пользовались этимъ правомъ. Постановка на колѣни, битье линейкой по рукамъ (какъ говорилось: «дать въ лапу»), наконецъ розги—всѣ эти виды позорящихъ взысканій практиковались ежедневно. Всѣ мои сотоварищи того времени, конечно, не забыли полуумнаго инспектора классовъ Шульгина (покончившаго, кажется, полнымъ помѣшательствомъ), для котораго порка была, можно сказать, потребностью и составнымъ элементомъ его ежедневной гимназической дѣятельности. Въ корпусѣ, куда я поступилъ, я засталъ еще тоже суровые нравы, но тамъ далеко уже не было того произ-

вола въ наложеніи тѣлесныхъ наказаній, который царилъ въ нашей гимназіи. Трудно думать, чтобы въ 4—5 лѣтъ такъ рѣзко измѣнились порядки, какъ это выходитъ по запискамъ г. Солтановскаго. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ младшихъ моихъ товарищей никогда ничего подобнаго мнѣ не сообщали, хотя сѣченіе и битье могли уже и не такъ щедро практиковаться.

Постановка учебнаго дѣла въ мое время была въ гимназіи неудовлетворительна; но это объясняется не плохимъ составомъ преподавателей, а причинами совершенно иного рода. Матеріальное обезпеченіе учителей было, можно сказать, жалкое; трудно даже понять, какъ они, часто люди семейные, могли существовать (не смотря на тогдашнюю дешевизну), получая нѣсколько сотъ рублей въ годъ за свой нелегкій трудъ. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ нѣкоторые изъ нихъ вынуждены были переходить съ одного предмета преподаванія на другой, лишь бы изъ младшихъ учителей попасть въ старшіе, съ нѣсколько повышеннымъ содержаніемъ. Я помню, напримѣръ, весьма недурнаго учителя русскаго языка М., сдѣлавшагося вдругъ совершенно невозможнымъ преподавателемъ математики. Трудно забыть его безсильную борьбу съ простыми уравненіями, когда онъ, не умѣя справиться съ вычисленіемъ X, переходилъ къ У, но, увы, съ такимъ-же успѣхомъ.—Далѣе не смотря на многочисленный составъ обучавшихся, въ классахъ не существовало параллельныхъ отдѣленій. Особенно многолюдный былъ 3-й классъ, составъ котораго, кажется, никогда не спускался ниже 100 человѣкъ. Возможно ли было успѣшное преподаваніе при такой массѣ собранныхъ въ одной комнатѣ дѣтей?

Что касается учителей, то, само собою разумѣется, между ними были и плохіе, и хорошіе, но того нравственнаго уродства, о которомъ говоритъ г. Солтатовскій, мы въ нихъ не замѣчали, за однимъ исключеніемъ—учителя нѣмецкаго языка Б-на. Его нелѣпые способы обученія, его странные внѣшніе пріемы и поступки въ классѣ заставляли насъ думать, что онъ являлся на уроки не всегда въ нормальномъ видѣ. За то нельзя не вспомнить съ чувствомъ благодарности именъ Берга, Петре, Кривоносова, Рѣдчица, Малиношевскаго и др. Особенно Малиношевскій памятенъ мнѣ, какъ превосходнѣйшій человѣкъ и преподаватель. Всегда мягкій, ровный, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгій и справедливый, онъ пользовался всеобщей нашей любовью и высокимъ авторитетомъ. Мы считали его знатокомъ не только своего предмета преподаванія, но и латинскаго языка,

причемъ почему то были убѣждены, что онъ помогалъ готовиться къ урокамъ преподавателю послѣдняго предмета, плохому латинисту, спрашивавшему насъ не иначе, какъ слѣдя за отвѣтомъ по грамматикѣ Кюнера, дальше который онъ не рисковалъ пускаться.

Прійдя на урокъ, Малиношевскій, обыкновенно, приказывалъ кому либо изъ учениковъ прочитать по учебнику предположенное къ заданію на слѣдующій урокъ. Послѣ этого онъ пересказывалъ, въ популярной, чрезвычайно изящной формѣ, прочитанное, съ обширными поясненіями и дополненіями. Такая популяризація учебника была совершенно необходима, вслѣдствіе крайней неудовлетворительности принятаго тогда и обязательнаго руководства (Устрялова). Хотя я не заглядывалъ въ него уже около 40 лѣтъ, но едва-ли ошибусь, цитируя наизусть нѣкогда выдолбленное опредѣленіе (по краткому учебнику, для 11-лѣтнихъ мальчиковъ): «русская исторія есть наука, объясняющая намъ постепенное развитіе государственной жизни русскаго народа отъ перваго начала ея до настоящаго времени». Не говоря уже объ односторонности и даже нелѣпости такого опредѣленія русской исторіи, какъ науки, что бѣдный молокососъ могъ понять въ этихъ выраженіяхъ: «государственная жизнь» и «постепенное ея развитіе»? Вотъ почему способъ чтенія Малиношевскаго былъ необходимъ и казался намъ чрезвычайно полезнымъ. Покончивъ съ поясненіями, нашъ уважаемый и любимый учитель подходилъ къ какой либо скамейкѣ и начиналъ спрашивать урокъ. Отвѣты онъ выслушивалъ спокойно, безъ раздраженія и каверзныхъ придирокъ, пользовался ими для дальнѣйшихъ разъясненій и затѣмъ выставлялъ балы, всегда справедливо, соразмѣрно достоинству отвѣта, безъ предвзятой наклонности къ единицамъ, но и безъ поблажекъ. Получить пятерку у Малиношевскаго было не легко и составляло предметъ ученической гордости, совсѣмъ не то, что, напримѣръ, у добрѣйшаго батюшки о. Троицкаго, который подчасъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи поставить полный баллъ услужливому ученику, съумѣвшему очинить ему хорошо гусиное перо. Что касается крайности убѣжденій Малиношевскаго и его будто-бы тенденціознаго вліянія на учениковъ, то въ мое время ничего подобнаго не было. Никакихъ приватныхъ отношеній Малиношевскій къ намъ не имѣлъ; все ограничивалось исключительно его преподавательской дѣятельностью въ классахъ, которая была безупречна какъ съ педагогической, такъ и съ правительственной точки зрѣнія. Судя по заявленію г. Н. Г., она такой же осталась и до конца.—

Однимъ словомъ, вызванный статьею г. Н. Г. къ провѣркѣ своихъ воспоминаній, я долженъ сказать, что самыя свѣтлыя изъ нихъ связаны съ почтенной, симпатичной личностью Малиношевскаго.

А. Пузыревскій.

Варшава, 22-го ноября 1895 г.

Дѣвичій праздникъ св. Андрея. Къ цѣлому ряду замѣтокъ и статей Хр. П. Ящуржинскаго, Сумцова и др., о народномъ праздникѣ св. Андрея, напечатанныхъ на страницахъ «Кіевской Старины» въ разное время, считаю не лишнимъ прибавить еще нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ характерныхъ особенностяхъ въ праздновaніи народомъ, правильнѣе молодежью, этого праздника, опущенныхъ во всѣхъ этихъ замѣткахъ;—въ особенности хочу сказать объ одномъ обычаѣ, правильнѣе обрядѣ, соблюдаемомъ на Андрея. Описанія этого обряда мнѣ не приходилось встрѣчать нигдѣ, ни въ одной изъ замѣтокъ о праздновaніи этого дня.

Не буду описывать ни самыхъ приготовленій къ Андрею, ни праздновaнія, ни пресловутыхъ обрядовъ: «кусанія калыты» и кормленія собакъ «балабушками», чтобы не повторяться, такъ какъ все это мной уже описано въ статьѣ «Дѣвичій праздникъ св. Андрея», напечатанной въ 1885 или 86 г. въ «Кіевлянинѣ», а также на стр. «Кіевской Старины» г. Ящуржинскимъ. Я хочу лишь описать многіе весьма своеобразные и характерные способы гаданія о будущемъ, практикуемые только на Андрея.

Въ волынской губерніи (староконст. у.) въ обычаѣ, что дѣвушки на Андрея постятъ весь день; вечеромъ «по заходи сонця» постящаяся дѣвушка идетъ къ колодцу и набираетъ полный ротъ воды и во рту приноситъ домой, затѣмъ беретъ немножко просѣянной муки и водой изъ рта разводитъ ее, дѣлаетъ тѣсто, изъ котораго лѣпитъ маленькій коржикъ, сильно солитъ его нарочно для того, чтобы потомъ явилась жажда. Этотъ коржикъ дѣвушка печетъ и затѣмъ съѣдаетъ его на «що сердце», т. е. натощакъ послѣ поста. Впрочемъ, обычай носить во рту для коржика изъ колодца воду мало распространенъ; большинство дѣвушекъ дѣлаетъ коржикъ, разводя муку обыкновенной водой. Затѣмъ не вездѣ этотъ коржикъ дѣвушки ѣдятъ «на що сердце»,—во многихъ селахъ дѣвушки его съѣдаютъ передъ сномъ, ложась спать. Съѣвши этотъ коржикъ, дѣвушка воды не пьетъ—нельзя, какъ бы

жажда ни мучила. Если все это дѣвушка продѣлаетъ,—то ночью во снѣ увидитъ своего суженаго, дающаго ей пить воду. Этотъ обычай или обрядъ сильно распространенъ въ волынской губерніи.

Другой обрядъ, свято исполняемый на Андрея, еще оригинальнѣе, своеобразнѣе и замѣчательнѣе.

Почти всякая дѣвушка, вставши утромъ на Андрея, прежде всего выходитъ на дворъ и продѣлываетъ слѣдующее: копаетъ землю (или дѣлаетъ видъ, что копаетъ), беретъ горсть конопляныхъ сѣмянъ и засѣваетъ вскопанное пространство; посѣявши коноплю, дѣвушка сгибается такъ, чтобы при ходьбѣ подолъ юбки или передника волокся по землѣ, и такимъ образомъ проходитъ нѣсколько разъ по засѣянному коноплей клочку и подоломъ юбки или передника «волочитъ коноплю», при этомъ она приговариваетъ:

Андрію, Андрію!
Я на тебе коноплю сію;
Дымкою (или спидныцею) волóчу,—
Бо дуже замижъ хóчу.—

Иногда случается, что на Андрея бываетъ уже снѣгъ, тогда всю эту процедуру дѣвушка продѣлываетъ по снѣгу; снѣгъ копаетъ, какъ землю, сѣетъ по снѣгу коноплю и «волочитъ спидныцею».

Значеніе этого обряда то, что всякая дѣвушка продѣлавшая его, скоро выйдетъ замужъ; поэтому этотъ обрядъ свято исполняется на Андрея всѣми дѣвушками. Всякая дѣвушка, желающая выйти замужъ, считаетъ священной своей обязанностью, по секрету ото всѣхъ на Андрея «посіяты коноплы» и «спидныцею заволочыты».

Способовъ гаданія на Андрея о будущемъ—есть безчисленное множество; всѣ эти способы очень интересны, но изъ массы ихъ опишу лишь самые характерные и замѣчательные.

Дѣвушка вечеромъ на Андрея идетъ «на смитныкъ» и наугадъ въ темнотѣ, беретъ въ руку первое, что попадется, и приноситъ въ хату и смотритъ: если попался подъ руку «ременецъ»—суженый будетъ сапожникомъ, деревяшка попалась,—столяромъ, тряпку принесла,—портнымъ и т. д.

Вынимаютъ изъ «стрихи» пучокъ соломы и ищутъ въ немъ колосьевъ съ зернами; если колосья съ зернами находятся, то вытянувшая пучекъ дѣвушка замужемъ будетъ богата и будетъ имѣть столько скирдъ хлѣба, сколько оказывается зеренъ въ колоскѣ.

Приносятъ съ насѣста въ хату курицу; ставятъ на землѣ ей ѣсть, пить, пускаютъ ее на землю и наблюдаютъ: если курица прежде

всего бросается къ водѣ и жадно пьетъ ее—суженый будетъ горькимъ пьяницей; если курица прежде всего ѣстъ—суженый будетъ обжора, если курица спокойно и весело ходитъ—суженый будетъ спокойный, тихій человѣкъ; если курица кричитъ, летаетъ, бьется—суженый будетъ буянъ, драчунъ, и т. д.

Идутъ подъ окна чужихъ домовъ и подслушиваютъ—и по услышанному разговору дѣлаютъ заключенія о будущемъ.

Дѣвушки связываютъ каждая свой платокъ узелкомъ и бросаютъ въ ночвы, одна изъ нихъ «палаетъ», т. е. слегка подбрасываетъ платки въ ночвахъ; чей платокъ прежде выпадаетъ на землю,—та дѣвушка скорѣе всѣхъ выйдетъ замужъ; въ какомъ порядкѣ платки вылетаютъ изъ ночовъ на землю,—въ такомъ порядкѣ хозяйки ихъ одна послѣ другой выйдутъ замужъ.

Берутъ въ охапку, не считая, дровъ и затѣмъ въ хатѣ считаютъ: если число полѣнъ «до пары», быть гадающей «въ парѣ», т. е. замужемъ, и наоборотъ. Точно такъ же гадаютъ, выдернувъ изъ «стрихи» пучокъ соломы и сосчитавъ число соломинокъ: четное ли оно, или нечетное.

Идутъ къ «частоколу» (забору) и считаютъ частоколины словами: «вдовець, молодець». Если на послѣдней частоколинѣ выйдетъ слово «вдовець», быть гадающей дѣвушкѣ замужемъ за вдовцомъ, а выйдетъ слово «молодець»—быть дѣвушкѣ за холостякомъ.

На ночь, ложась спать, дѣвушка подъ постелью дѣлаетъ мостъ, т. е. ставитъ воду въ миску и кладетъ на миску дощечку. Сдѣлавшая это дѣвушка увидитъ во снѣ своего суженаго, что ведетъ ее чрезъ мостъ.

Равнымъ образомъ, если дѣвушка на ночь, на Андрея, распуститъ, расплететъ «косы», то во снѣ увидитъ суженаго, заплетающаго ей косы.

Если, ложась спать на Андрея, положить подъ подушку изъ колоды картъ четыре короля—то тоже приснится суженый.

Такъ же берутъ въ миску воды и осторожно, слегка пускаютъ на воду двѣ иголки такъ, чтобы онѣ не потонули, а плавали; одну иголку называютъ именемъ извѣстнаго парня, другую—дѣвушки, и наблюдаютъ: если иголки сойдутся вмѣстѣ,—значитъ парень съ дѣвушкой сочетаются бракомъ; не сойдутся иголки—задуманная парочка не поженится.

Но особенно серьезное значеніе дѣвушки придаютъ кормленію собаки «балабушками». Чтобы собака хорошо и быстро, не перебирая,

ѣла «балабушки», ее весь этотъ день до вечера (когда гадаютъ) нарочно не кормятъ. Этому способу гаданія дѣвушки слѣпо вѣрятъ.

Всѣ эти способы гаданія практикуются дѣвушками только и исключительно на Андрея; ни подъ Новый годъ, ни подъ Крещенскій вечеръ здѣсь дѣвушки не гадаютъ. На другой вечеръ послѣ Андрея, на такъ называемаго «Поандрейчика» парни и дѣвушки лишь пьютъ, ѣдятъ, веселятся, «кусаютъ калыту», но больше не гадаютъ.

День св. Андрея не народный праздникъ, такъ какъ народъ въ этотъ день работаетъ и не празднуетъ его,—а праздникъ молодежи, строго говоря—дѣвичій праздникъ.

И. Бѣньковскій.

Мелкія извѣстія.

Изъ Кубанской старины. Въ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» разсказана г. Короленкомъ, по документамъ Кубанскаго войсковаго архива, слѣдующая любопытная быль: въ 1801 году императоръ Александръ I пожаловалъ черноморскому козачьему войску за усердную службу знамя, для принятія котораго въ Екатеринодарѣ былъ устроенъ большой церемоніалъ съ первоприсутствующимъ въ войсковой канцеляріи генералъ-лейтенантомъ Киряевымъ во главѣ. Желая выказать свое усердіе къ службѣ, Киряевъ задумалъ при этомъ торжественномъ случаѣ осуществить желаніе императрицы Екатерины II «объ умноженіи семейнаго житія въ Черноморіи.» Съ этой цѣлью Киряевъ 1 апрѣля 1801 года издалъ приказъ Черноморскому войсковому правленію такого содержанія: «Въ ознаменованіе вѣрноподданнической радости и попеченія, дѣятельно изъявленныхъ ко внутреннему благоустройству войска и распространенію семейственнаго житія, требуемыхъ послѣднимъ высочайшей грамоты пунктомъ, въ знакъ вседолжныя предъ Богомъ благодарности Его Императорскому Величеству Александру Павловичу и въ доказательство всеобщей войска о томъ радости и старанія о трудолюбіи и размноженіи семейственнаго житія, выбрать отъ каждаго куреня по одному добраго поведенія здоровому изъ холостыхъ козаку и по одной дѣвкѣ изъ самобѣднѣйшаго или сиротскаго состоянія и женить, что и составитъ вдругъ 40 паръ (по числу куреней въ войскѣ). На необходимо-же нужное

обзаведеніе ихъ хозяйственнымъ бытіемъ каждой парѣ выдать по 100 руб.»

Предложеніе Киряева было утверждено войсковымъ правленіемъ и принято къ исполненію указами, разосланными куреннымъ управленіямъ войска, а для общаго свѣдѣнія объявлено войсковымъ жителямъ Черноморіи во всеуслышаніе, при торжественномъ освященіи Высочайше пожалованныхъ знаменъ, 5 апрѣля 1801 года.

По этому распоряженію въ куренныхъ селеніяхъ Черноморскаго войска, на общественныхъ сходкахъ, начались выборы бѣдныхъ, но здоровыхъ паръ для женитьбы по киряевскому приказу; преимущественно выбирались сироты. Вотъ одинъ изъ приговоровъ о производствѣ такихъ выборовъ:

«1801 года, апрѣля 27 дня мы, нижеподписавшіеся, куреня Березанскаго козаки, въ сходство состоявшагося изъ Черноморской войсковой канцеляріи Его Императорскаго Величества указа сего апрѣля отъ 12 числа, общаго нашего согласія и по обоюдному желанію сего куреня козака Сидора Перебійноса съ дѣвицею Еленою Матвѣевною дочерью Кожуховою, добропорядочнаго и честнаго житія, избрали къ соединенію законнымъ бракомъ. Во увѣреніе чего на семъ подписуемся къ сему выбору куреня Березанскаго атаманъ Павелъ Лелітка, козаки—такіе-то.»

Браки по приказу совершались въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; всего было обвѣнчано 24 пары, по одной парѣ въ каждомъ куренномъ селеніи, причемъ имъ было выдано по 100 руб. на первоначальное обзаведеніе изъ войсковыхъ суммъ. Потомъ до войсковаго начальства дошли свѣдѣнія, что нѣкоторые пары во зло употребляли данную имъ войсковую субсидію и полученныя за бракъ деньги проживали «празднымъ образомъ». Вслѣдствіе этого въ войсковой канцеляріи 2 іюля 1801 года состоялось опредѣленіе: «дальнѣйшую выдачу сторублеваго вознагражденія за выборный бракъ прекратить и ассигнованную для этого войсковую сумму употребить на другіе благоугодные предметы». Такъ закончились въ Черноморіи свадьбы по киряевскому приказу.

Описанныя мѣры «къ распространенію семейственнаго житія», съ выдачею субсидій «за бракъ», показываютъ, что въ то время, къ которому относится разсказъ, бывшіе запорожцы на новыхъ мѣстахъ своего жительства не особенно охотно вступали въ браки. Должно быть, въ нихъ тогда еще въ значительной степени сохранялись тѣ

особенности и наклонности, которыя когда-то побуждали козака пѣть: «Мени съ жинкой не возыться...»

Открытіе новаго памятника на Шведской могилѣ. 11 минувшаго сентября въ Полтавѣ происходило торжество открытія новаго памятника на могилѣ павшихъ въ битвѣ съ шведами 27 іюня 1709 г. русскихъ воиновъ, находящейся въ пяти верстахъ отъ Полтавы и получившей названіе «Шведской могилы». Устройство новаго памятника состоялось изъ суммъ капитала, который въ 1820 году тайнымъ совѣтникомъ Осипомъ Степановичемъ Судіенкомъ, въ количествѣ 100 тыс. руб. ассигн., былъ завѣщанъ на увѣковѣченіе событія Полтавской побѣды и часть котораго, за устройствомъ близъ могилы церкви во имя преп. Сампсонія, оставалась неизрасходованною. Основаніемъ памятника послужила старая могильная насыпь, имѣющая видъ усѣченнаго конуса высотою около 4-хъ саженей и шириною въ верхней площади около 5 саженей въ діаметрѣ. На эту верхнюю площадь, обнесенную желѣзной рѣшеткой, ведетъ сдѣланная изъ свѣтло-сѣраго гранита лѣстница, надъ которою возвышается гранитный крестъ въ 10 аршинъ высоты. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи: на передней сторонѣ креста: «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709 іюня 27 дня»; на пьедесталѣ креста: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, только бъ жила Россія»; на задней сторонѣ пьедестала названы погребенные штабъ-офицеры и указано число погребенныхъ оберъ-офицеровъ и рядовыхъ (всего 1345 человѣкъ); наконецъ, на каменной доскѣ, вставленной въ насыпь, высѣчена слѣдующая подпись: «Сооруженъ въ 1894 году при державѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III, распоряженіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, при святительствѣ Преосвященнаго Илларіона, епископа Полтавскаго и Переяславскаго, иждивеніемъ Тайнаго Совѣтника Іосифа Степановича Судіенко, оставившаго денежный капиталъ на увѣковѣченіе великаго событія спасительной Полтавской побѣды. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ памятника и торжествѣ открытія его читатели могутъ найти въ слѣдующихъ статьяхъ въ журналахъ этого года: 1) «Шведская могила» И. Ф. Павловскаго (съ 2 снимками), Историч. Вѣстникъ № 10,— 2) «Полтавскій бой» М. Н. Дубецкаго (съ 20 снимками), Новь № 23,— 3) «Памятникъ Полтавскаго боя (съ 3 снимками), Нива № 40,—и) «Памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ въ Полтавской битвѣ», По морю и сушѣ № 37.

Трехсотлѣтіе Брестской уніи. 23 декабря 1595 года епископами Владиміръ—Волынскимъ Ипатіемъ Поцѣемъ и Луцкимъ Кирилломъ Терлецкимъ, отъ имени всего русскаго епископата, была принята въ Римѣ унія греческой церкви съ римскою, торжественно провозглашенная потомъ на Брестскомъ соборѣ 9 октября 1596 г. По этому поводу въ Галиціи предполагается къ концу текущаго года устроить рядъ торжествъ церковно-общественнаго характера, для завѣдыванія которыми въ Львовѣ организовался комитетъ изъ 23 духовныхъ и 10 свѣтскихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ о. Андрея Бѣлецкаго. Чтобъ разъяснить значеніе предстоящаго юбилея и расположить русиновъ къ участію въ празднованіи его, этотъ комитетъ издалъ двѣ «Одозвы» (воззванія) къ русинамъ, содержаніе которыхъ изложено въ статьѣ И. И. Малышевскаго: «Замѣтка по поводу празднованія въ Галицкой Руси 300-лѣтней годовщины Брестской уніи,» напечатанной въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» 1895 г. № 8. По сообщенію «Кіевлянина (№ 296), болѣе дѣятельное и ревностное участіе въ организаціи предстоящихъ торжествъ и въ пропагандѣ ихъ среди населенія принимаетъ не столько уніатское, сколько католическое духовенство; большинство же уніатскаго населенія относится съ полнымъ равнодушіемъ къ предстоящему юбилею, а нѣкоторые изъ представителей уніатскаго духовенства даже высказываютъ въ печати, что для галицкихъ уніатовъ нѣтъ особенныхъ поводовъ ликовать по случаю трехсотлѣтняго юбилея брестской уніи.

Столѣтній юбилей г. Радомысля. 6 іюля текущаго года минуло 100 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Радомысль, время основанія котораго точно неизвѣстно и который въ 1693 году держалъ сторону Палія, а съ 1746 сдѣлался резиденціей уніатскихъ митрополитовъ,—былъ преобразованъ изъ мѣстечка въ уѣздный городъ, а 13 минувшаго октября истекло столѣтіе со времени возстановленія въ этомъ городѣ православія. Воспоминаніе объ этихъ двухъ историческихъ событіяхъ мѣстная городская дума опредѣлила соединить въ одно торжество, днемъ котораго было назначено 13-е октября. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ въ Галиціи будутъ праздновать юбилей возникновенія церковной уніи, граждане Радомысля отпраздновали юбилей уничтоженія въ своемъ городѣ этой уніи, вмѣстѣ съ юбилеемъ преобразованія мѣстечка въ городъ.

Столѣтіе г. Луганска. 14 минувшаго сентября городъ Луганскъ, харьковской губерніи, отпраздновалъ столѣтіе своего существованія. 14 сентября 1795 года, по распоряженію тогдашняго генералъ-губер-

натора Екатеринославско-Вознесенскаго намѣстничества графа Зубова, основанъ былъ Луганскій казенный заводъ для приготовленія снарядовъ и орудій для крѣпостей Новороссійскаго края и черноморскаго флота. При заводѣ образовано было особое заводское поселеніе, которое подъ названіемъ Луганскаго Завода существовало до 1882 года, когда было переименовано въ городъ Луганскъ, съ перенесеніемъ въ него административныхъ и земскихъ угрежденій изъ бывшаго уѣзднаго города, превращеннаго въ заштатный, изъ Славяносербска.

Къ исторіи лаврской рисовальной школы. По сообщенію «Кіевлянина», М. И. Истоминымъ, во время лѣтнихъ работъ въ библіотекѣ Кіево-печерской лавры, были найдены ученическія тетради учениковъ лаврской рисовальной школы, преимущественно половины XVIII-го вѣка, числомъ до 200, по которымъ можно прослѣдить, каково было общее направленіе живописи въ этой школѣ и какимъ образцамъ слѣдовали ученики. Общій выводъ тотъ, что направленіе это носило нѣмецкій характеръ. Въ тетрадяхъ находятся рисунки, сдѣланные тушью и акварелью. Тутъ есть портреты иностранныхъ государей и папъ, а также мифологическія фигуры, сдѣланныя съ западныхъ образцовъ. Не мало имѣется портретовъ русскихъ государей, малороссійскихъ гетмановъ, старшинъ, разныя жанровыя картинки, какъ напримѣръ—козакъ съ бандурою и т. п. Религіозныхъ рисунковъ сравнительно мало. Въ общемъ лаврская школа живописи, повидимому, не имѣла спеціально церковнаго характера, а была своего рода академіею художествъ съ сильнымъ преобладаніемъ нѣмецкаго направленія. Особаго процвѣтанія она достигла при намѣстникѣ лавры Тарасевичѣ (1750 г.).

Новое пріобрѣтеніе Кіевскаго центральнаго архива. Въ концѣ октября находящійся при университетѣ св. Владиміра Кіевскій центральный архивъ обогатился новымъ и цѣннымъ собраніемъ рукописей: черниговская казенная палата передала въ этотъ архивъ хранившіеся въ ней документы, которые въ 1764 году, при отобраніи монастырскихъ поземельныхъ имѣній въ казну, были отобраны отъ всѣхъ монастырей, существовавшихъ въ то время въ предѣлахъ нынѣшней черниговской губерніи, и на основаніи которыхъ монастыри владѣли имѣніями. Собраніе это заключаетъ въ себѣ гетманскіе универсалы, распоряженія русскаго правительства, судебныя рѣшенія и разнаго рода частные акты (духовныя завѣщанія, дарственныя записи и т. п.), касающіеся монастырей; особенно же интересны между этими актами выписки изъ слѣдствій по поземельнымъ спорамъ, которые

монастыри часто вели въ судахъ со своими сосѣдями, при чемъ допрашивалось иногда много свидѣтелей, показанія которыхъ часто заключаютъ въ себѣ интересныя данныя изъ исторіи мѣстнаго землевладѣнія. Вообще это собраніе актовъ, переданныхъ въ архивъ черниговскою казенною палатою, представляетъ собою драгоцѣнный матеріалъ для исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи.

О памятникѣ И. П. Котляревскому и о предполагаемомъ изданіи его сочиненій. Въ іюльско-августовской книжкѣ «Кіевской Старины» за этотъ годъ мы сообщали свѣдѣнія о положеніи обветшавшаго и приходящаго въ разрушеніе памятника на могилѣ И. П. Котляревскаго и о приготовленіяхъ къ исправленію этого памятника на средства полтавскаго губернскаго земства. Теперь, какъ видно изъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», возникъ вопросъ о томъ, чтобъ, независимо отъ возобновленія упомянутаго памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго на старомъ закрытомъ кладбищѣ, воздвигнуть памятникъ Котляревскому въ самомъ городѣ Полтавѣ, каковая мысль является какъ нельзя больше своевременной въ виду приближающагося истеченія столѣтія со времени изданія «Энеиды на украинску мову перелицеваной» (1798—1898 г.). По этому поводу полтавскій городской голова В. П. Трегубовъ, какъ сообщаютъ «Полт. Губ. Вѣдом.», обратился ко всѣмъ чтущимъ память И. П. Котляревскаго съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «М. Г.! Авторъ пріобрѣвшихъ широкую извѣстность «Виргиліевой Энеиды», «Наталки Полтавки» и «Москаля—чаривника» Иванъ Петровичъ Котляревскій принаддежалъ къ числу коренныхъ жителей г. Полтавы. Здѣсь онъ родился 29 августа 1768 г., былъ мѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ и скончался 29 октября 1838 г. Мѣстомъ его успокоенія служитъ уголъ стараго закрытаго кладбища, и на могилѣ его сооруженъ памятникъ, который отъ времени, не смотря на поддержаніе его, приходитъ въ разрушеніе и въ настоящее время исправляется на средства губернскаго земства. Въ исторіи славянской литературы Котляревскій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Котляревскій былъ первый писатель, заговорившій настоящимъ малороссійскимъ языкомъ. Переводъ «Энеиды» и самостоятельно созданная имъ оперетка «Наталка Полтавка» имѣютъ несомнѣнно историческое значеніе для малороссійскаго края; пѣсни его пріобрѣли извѣстность, какъ народныя пѣсни, и вліяніе произведеній Котляревскаго отразилось на послѣдующихъ представителяхъ украинской литературы. Относясь съ участіемъ и внимательностью къ памяти своего согражданина, общественнаго дѣятеля

и родоначальника малорусской сцены и народной литературы И. П. Котляревскаго, городская управа обратилась къ полтавской городской думѣ съ предложеніемъ положить начало сооруженія памятника Котляревскому въ самомъ городѣ Полтавѣ. Городская дума въ засѣданіи 31 марта 1894 г. единогласно постановила: «ходатайствовать предъ высшимъ правительствомъ о разрѣшеніи устроить памятникъ Котляревскому въ г. Полтавѣ и о разрѣшеніи открыть подписку для сбора пожертвованій на этотъ предметъ; мѣстомъ для устройства памятника избрать Петровскую площадь, противъ дома губернскаго земства, предположенную къ обращенію въ городской скверъ». На сдѣланное городскою управою, согласно означенному постановленію, представленіе, г. полтавскій губернаторъ 2-го истекшаго августа поставилъ городскую управу въ извѣстность, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ отъ 20 минувшаго іюля увѣдомилъ, что къ разрѣшенію полтавской городской думѣ открыть въ предѣлахъ полтавской губерніи подписку для сбора пожертвованій на устройство въ г. Полтавѣ памятника малороссійскому поэту Котляревскому препятствій не встрѣчается. Извѣщая о вышеизложенномъ васъ, М. Г., имѣю честь покорнѣйше просить, не найдете ли возможнымъ принять участіе въ сооруженіи памятника незабвенному малороссійскому поэту И. П. Котляревскому, и посильное съ своей стороны пожертвованіе не оставьте прислать въ городскую управу, при своемъ заявленіи.»

На этотъ призывъ полтавскаго городскаго головы, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, однимъ изъ первыхъ откликнулось бывшее недавно въ Кіевѣ, а теперь гостящее въ Полтавѣ товарищество малороссійскихъ артистовъ подъ управленіемъ А К. Саксаганскаго, устроившее спектакль (была поставлена «Наталка Полтавка»), сборъ съ котораго былъ предназначенъ въ фондъ на устройство памятника Котляревскому, а полтавское дворянство въ очередномъ губернскомъ собраніи постановило ассигновать на этотъ предметъ изъ дворянскихъ суммъ 200 рублей.

Къ упомянутому истеченію столѣтія со времени выхода въ свѣтъ «Энеиды И. П. Котляревскаго въ Львовѣ предпринято научное изданіе всѣхъ сочиненій Котляревскаго съ біографіей и нѣсколькими статьями о немъ.

Иллюстрированное изданіе «Кобзаря» Т. Г. Шевченка. Въ статьѣ, напечатанной безъ обозначенія имени автора въ журналѣ «Петербургская Жизнь» (1894 г. № 29) подъ заглавіемъ: «Иллюстраціи къ стихотвореніямъ Т. Г. Шевченка», было сообщено, что М. О.

Микѣшинъ готовить иллюстраціи къ стихотвореніямъ Т. Г. Шевченка и что это предпріятіе было имъ задумано больше 30-ти лѣтъ тому назадъ, о чемъ ему случалось говорить съ самимъ Тарасомъ Григорьевичемъ, предлагая ему издать что-нибудь съ его стихами и рисунками, причемъ однако они не могли сговориться относительно сюжетовъ. Теперь, какъ видно изъ появившихся въ нѣкоторыхъ газетахъ объявленій, М. О. Микѣшинъ приступилъ наконецъ къ исполненію давно задуманнаго предпріятія: въ Петербургѣ, какъ оповѣщають эти объявленія, предпринято иллюстрированное изданіе «Кобзаря» Т. Г. Шевченка съ рисунками М. О. Микѣшина и съ прибавленіемъ снимковъ съ нѣкоторыхъ рисунковъ Т. Г. Шевченка. Изданіе будетъ выходить отдѣльными выпусками въ форматѣ in—4°, причемъ каждый выпускъ будетъ заключать въ себѣ около трехъ листовъ печатнаго текста на малорусскомъ и русскомъ языкахъ и десять рисунковъ, воспроизведенныхъ фототипіей. Въ первый выпускъ, на который подписка уже объявлена (въ типографіи и литографіи П. И. Бабкина, по цѣнѣ 1 рубль), войдутъ: а) «Думы мои, думы» съ рисункомъ Микѣшина, б) «Катерина» съ девятью рисунками Микѣшина и в) снимокъ съ рисунка Т. Г. Шевченка, портретъ его бывшей невѣсты. Всѣхъ выпусковъ предполагается издать до двадцати.

ПОПРАВКА.

Въ ноябрьской кн. „Кіевской Старины“ отд. II, стр. 57 (въ статьѣ „Нѣсколько словъ о валѣ въ кудрявскомъ переулкѣ“) примѣчаніе 3-е должно быть отнесено къ концу статьи (послѣ словъ „выстроилъ замокъ“), а на стр. 57 должно быть слѣдующее примѣчаніе: „Всесвятцкой раскатъ противъ пробитого валу“ (Чт. въ общ. Нестора Лѣт. VI, Ш, 47).

Библіографія.

Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулѣшъ. Книжка первая Москва. 1847 8°. 90 стр.

Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Б. Гринченка. Черниговъ. 1895. 8°. 308 стр.

Первая книжка появилась на свѣтъ Божій года два назадъ, *вклеенною* въ одну изъ книгъ Чтеній въ Моск. Общ. Исторіи и Древностей, безъ всякаго объясненія—кѣмъ была она напечатана и почему находилась она подъ спудомъ болѣе сорока пяти лѣтъ?... Нѣкоторое разъясненіе этихъ вопросовъ можетъ быть добыто путемъ розысканій и догадокъ. Еще въ 1843 г. г. Кулишъ писалъ Погодину, что онъ хочетъ издать «народныя преданія, легенды, мифологію, пословицы и всякую мелочь» (Кіев. Стар., 1893 г., ноябрь, 345). Затѣмъ въ сентябрѣ 1846 г. г. Кулишъ пишетъ Бодянскому: «я не зналъ, что общество ваше пользуется благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры. Прошу же *освободить изъ подъ лапы Никитенка:* 1) заглавіе разсказа объ уніи, замѣненное поневолѣ другимъ; 2) въ разсказѣ о Степанѣ Плахѣ и царѣ Петрѣ освободить все зачеркнутое имъ, а потомъ уже, для складу, и мною... 3) Въ Очаковской Бесѣдѣ (Бѣдѣ) не упустите поставить рядъ точекъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ восклицанія: «О, якъ-же негарно лается! или «такъ и ляпнувъ на всю губу» и т. п. Да нельзя ли поневолѣ вымышленнаго Верходумова напечатать вездѣ Потемкинъ? (ибо этотъ разсказъ къ нему относится...) Прочія преданія зачеркнуты мною по особымъ причинамъ и ихъ печатать ненадо. Я думаю, цензура ваша дозволитъ

напечатать и «*Путешествіе по другому свѣту*»... (Русск. Арх., 1892 г. ноябрь, 297.) Несомнѣнно, что въ письмѣ этомъ рѣчь идетъ о печатаніи «Украинскихъ Преданій», при чемъ видно, что первоначально рукопись ихъ прошла чрезъ руки петербургскаго цензора, который кое-что «зачеркнулъ». Это ли обстоятельство или что другое заставило г. Кулиша рукопись «Преданій» передать Бодянскому для напечатанія, повидимому въ «Чтеніяхъ»,—неизвѣстно.— «Преданія» Бодянскимъ были напечатаны, но появиться въ свѣтъ не могли—слѣдуетъ думать—по случаю произшедшихъ въ это время съ ихъ собирателемъ пертурбацій, о которыхъ точныя свѣдѣнія можно найти въ іюньской книжкѣ Русск. Арх. 1892 г. (стр. 336.) Послѣдовавшія засимъ ограниченія въ писательской дѣятельности собирателя «преданій» конечно и были причиною, что напечатанная книжка этихъ «преданій» не могла появиться въ свѣтъ ни въ «Чтеніяхъ», ни въ тѣхъ отдѣльныхъ оттискахъ, въ видѣ которыхъ они затѣмъ, видимо, былы сложены въ какой нибудь кладовой Московскаго Общества Исторіи и Древностей...

Затѣмъ прошло девять лѣтъ, и въ 1856 году появился, въ Петербургѣ, первый томъ «Записокъ о Южной Руси», въ который и вошелъ первый отдѣлъ «Преданій»,—«преданія историческія». Черезъ годъ, въ 1857 году, появился второй томъ Записокъ о Южной Руси, и въ немъ были напечатаны «Преданія» второго отдѣла—«фантастическія».

При поверхностномъ сравненіи текстовъ «преданій» въ обоихъ изданіяхъ, видно, что тѣ изъ нихъ, которыя были напечатаны въ 1847 году, въ томъ же почти самомъ видѣ явились и въ изданіи 1856—57 г.г., но любопытно, что въ Зап. о Южной Руси издатель ихъ ни единымъ словомъ не обмолвился о своей книжкѣ 1847 года. Произошло ли это умолчаніе по цензурнымъ или по инымъ условіямъ— неизвѣстно. Такимъ образомъ освобожденная нынѣ изъ-подъ замка книжка г. Кулиша по содержанію своему не представляетъ ничего новаго и о ней можно лишь сказать, что habent libelli sua fata...

Другая книжка,—сборникъ преданій и проч. г. Гринченка,— появилась на свѣтъ почему то также *вклеенною* въ одну изъ книжекъ «Земскаго Сборника Черниговской губерніи» сего года. Происхожденіе этой книжки въ предисловіи объясняется такъ: «печатаемые здѣсь этнографическіе матеріалы представляютъ собою изложенные прозою народные разсказы, легенды, преданія, сказки и проч. Часть ихъ записана въ разное время (отъ 1878 до 1893 г. включительно) лично

нами или по нашимъ указаніямъ и подъ нашимъ руководствомъ, нѣкоторыми учениками тѣхъ школъ, гдѣ намъ приходилось быть учителемъ». Тутъ же, въ предисловіи, сообщается и коротенькая литература однороднаго этнографическаго матеріала собраннаго въ Малороссіи, при чемъ не упомянуты сборники В. Ястребова (Одесса, 1894 г.), Я. Новицкаго и И. Манжуры (оба послѣдніе въ 6-мъ томѣ Сборн. Харьк. Истор.-Фил. Общ.) Въ собранномъ г. Гринченкомъ матеріалѣ новаго и важнаго—немного; въ большинствѣ случаевъ преданія составляютъ варіанты прежде напечатанныхъ, при чемъ при каждомъ разсказѣ сдѣлано точное указаніе на книгу, въ которой онъ былъ изданъ раньше. Во всякомъ случаѣ собиратель заслуживаетъ полной благодарности за изданную имъ книгу, дополняющую и поясняющую прежде собранный матеріалъ. Жалко только, что наряду съ матеріаломъ, добытымъ «изъ устъ народа», собиратель напечаталъ и *сочиненія* въ рифмахъ какого то г. Журавскаго (стр. 133 и слѣд.) Очень можетъ быть, что основою этихъ рифмосплетеній и были народные разсказы, но какъ же теперь отдѣлить эти разсказы отъ *поэтическихъ вольностей* г. Журавскаго?...

А. Л.

Историко-статистическое описаніе Кіево-Флоровскаго Вознесенскаго женскаго монастыря. Составилъ священникъ Θеодоръ Маниковскій. Съ фототипическими рисунками. Кіевъ. 1894. 8°. 59 стр. Кіевскій женскій Флоровскій (Вознесенскій) монастырь. Н. Маливеновскаго. Кіевск. Епарх. Вѣд. 1895 г., №№ 6, 7, 9 и 11.

Первая книжка, какъ видно и по заглавію, состоитъ изъ частей исторической и статистической; послѣдняя часть составляетъ главное содержаніе книжки, такъ какъ въ первой ничего новаго мы не встрѣчаемъ. Повидимому, она составлена на основаніи извѣстной книги о Кіевѣ—Закревскаго. Съ внѣшней стороны книжка свящ. Маниковскаго издана очень чистенько, при чемъ снабжена 14-ю недурными фототипическими рисунками, изъ которыхъ 10 изображаютъ различныя части монастыря и видъ съ монастыря на Заднѣпровье, а остальные—иконы и другіе священные предметы; между послѣдними обращаютъ на себя вниманіе «сооруженное» игуменіей Маріей-Магдалиной Мазепиной (матерью гетмана) блюдо и епитрахиль «исправленный» ею жэ.

Монографія г. Н. Малиженовскаго, представляя обстоятельный историко-археологическій очеркъ того же Флоровскаго монастыря, обработана на основаніи архивнаго матеріала и въ этой работѣ мы встрѣчаемъ немало свѣдѣній, которыхъ нѣтъ у Закревскаго. Монографія состоитъ изъ четырехъ частей: 1) періодъ зависимости монастыря отъ его первыхъ владѣльцевъ—Гулькевичей, 2) самостоятельность монастыря до соединенія его съ Вознесенскимъ, 3) время отъ соединенія съ послѣднимъ до 1786 г., когда отобраны были у монастырей ихъ недвижимыя имѣнія и 4) отъ 1786 года до нашего времени. Въ монографіи г. Н. Малиженовскаго приводятся гетманскіе универсалы, которые Закревскому были неизвѣстны, напр.—универсалъ Хмельницкого 1648 года, въ которомъ «строгкостію войсковою» подтверждается неприкосновенность монастырскихъ владѣній, и универсалъ Дорошенка 1668 г, къ жителямъ монастырскихъ селъ, о повиновеніи игуменьѣ, «и иначей, жебы не было подъ горломъ пригрожуемъ». Изъ историческаго очерка монастыря видно, что игуменьи его были большею частью женщины энергическія, которыя для увеличенія матеріальныхъ средствъ монастыря неустанно хлопотали и предпринимали далекія поѣздки. Такъ, игуменья Серафима два раза (въ 1665 и 1668 г.г.). ѣздила въ Москву за «государевой милостью» и въ оба раза получила тамъ по «40 соболей и 30 рублевъ.» Игуменья Ангелина лично исходатайствовала у царей Іоанна и Петра грамоту, подтверждавшую права монастыря, и выпросила тѣ же «40 соболей и 30 рублевъ.» Прежніе изслѣдователи (Берлинскій Закревскій и друг.) писали, что соединеніе Вознесенскаго монастыря съ Флоровскимъ произошло въ 1712 году, но г. Н. Малиженовскій соединеніе это относитъ къ 1711 г., имѣя въ виду донесеніе кіевскаго генералъ-губернатора Вейзбаха по поводу ходатайства Флоровскаго монастыря о выдачѣ ему пособія,—гдѣ сказано: «Кіево-печерскій Вознесенскій монастырь, изъ котораго въ 1711 году черницы выведены въ нижній городъ Кіевъ, въ Флоровскій монастырь.»

Флоровскій монастырь былъ однимъ изъ богатыхъ монастырей, а это богатство обусловливало и многочисленность его «сестеръ». Намъ случилось видѣть рукописную «вѣдомость» его монахинь за 1776 г., ихъ было 123, кромѣ «бѣлицъ», которыхъ было всего восемь. Какимъ значеніемъ пользовался въ то время Флоровскій монастырь, видно изъ того, что игуменьей въ это время была— «дочь князя Сергѣя Милославскаго», «эклесіаршей»—дочь графа Федора Головина, «казначеей» — вдова графа Петра Апраксина... Впрочемъ, главный контингентъ мо-

нахинь происходилъ изъ народа, изъ козачьихъ и посполитскихъ семействъ Малороссіи праваго и лѣваго береговъ.

Гл.

„Изъ Юго-Западнаго края. Современное положеніе и назрѣвающіе вопросы“. Н. Ю. Шильдеръ-Шульднера. Кіевъ, 1896 г.

Авторъ, проживщій въ волынской и подольской губерніяхъ «всего въ теченіи пяти лѣтъ», но за это время стоявшій «близко къ жизни народа», имѣетъ своею цѣлью, какъ говорится въ предисловіи къ брошюрѣ, «подѣлиться тѣмъ, что онъ видѣлъ и знаетъ, надѣясь, что, можетъ быть, это представитъ публикѣ нѣкоторый интересъ» тѣмъ болѣе, что «до сихъ поръ даже читающая публика мало знакома съ условіями быта населенія этого обширнаго и богатаго края».

Имѣя въ виду, что дѣйствительно юго-западный край далеко не богатъ изслѣдованіями современнаго быта крестьянскаго его населенія, мы, съ своей стороны, считаемъ своимъ долгомъ отмѣчать появленіе въ печати всѣхъ изданій, относящихся къ этому вопросу, хотя бы они и страдали недостаткомъ фактическихъ данныхъ и значительною голословностью выводовъ и утвержденій, какъ въ данномъ случаѣ.

Начать съ того, что авторъ, имѣвшій, какъ онъ самъ утверждаетъ, возможность познакомиться съ жизнью народа только въ подольской и волынской губерніи, посвящаетъ свою брошюру разъясненію современнаго положенія крестьянства *всего* юго-западнаго края, въ который, какъ небезъизвѣстно, входитъ еще и губернія кіевская, имъ не «изслѣдованная». Уже благодаря одному этому, многіе изъ его выводовъ *обо всемъ* юго-западномъ краѣ представляются нѣсколько какъ будто сомнительными. Кромѣ того, они страдаютъ еще положительнымъ отсутствіемъ фактической подкладки и чрезмѣрною склонностью къ широкому обобщенію. Таковъ, напр., вопросъ о цѣнахъ на рабочія руки. Авторъ считаетъ, что «поденная плата колеблется въ трехъ губерніяхъ незначительно», и приводитъ *однородныя* для *всѣхъ* уѣздовъ *всѣхъ* трехъ губерній указанія цѣны рабочаго дня мужчины и женщины въ зимнее время, весною, въ косовицу и въ періодъ жатвы, такимъ образомъ увѣряя, напр., что на всемъ пространствѣ края рабочая плата мужчинѣ 20 копѣекъ зимою,

а весенній рабочій день женщины повсюду оплачивается не болѣе, какъ 15—20 копѣекъ, и т. п. Между тѣмъ одновременно съ этимъ онъ же указываетъ на значительную *дороговизну* рабочихъ рукъ *въ мѣстностяхъ съ сахарными заводами*, «привлекающими дороговизною платы *всѣ* свободныя рабочія руки», т. е. приводитъ факты, свидѣтельствующіе о неизбѣжномъ *разнообразіи* цѣнъ по мѣстностямъ. Таково также и его указаніе на то, что «зимою крестьяне вообще работаютъ мало и *занимаются на мѣстѣ (?) извозомъ* [1])» —(очевидно, по мнѣнію автора, *всѣ* безъ исключенія, или по крайней мѣрѣ *за рѣдкими* исключеніями!). По увѣренію автора, «ярмарки *повсемѣстны* (?!) и очень часты; главный предметъ обмѣна (вездѣ ли?)—скотъ, который одни продаютъ, а другіе покупаютъ [2]). Это своего рода *биржевая игра* (?) крестьянскаго (всего ?) населенія, *и* есть такіе крестьяне, которые въ годъ перемѣняютъ по три и болѣе паръ воловъ». Приблизительно въ томъ же духѣ и увѣреніе автора, что крестьяне «*всю весну* поютъ *одну* пѣсню, во время сѣнокоса другую, во время жатвы третью» и что единственное отличіе между замужней женщиной и дѣвушкой въ двухъ губерніяхъ—подольской и волынской—заключается лишь въ томъ, что женщина «особеннымъ образомъ обстригаетъ себѣ волосы, а дѣвушки носятъ косы»... Мы очень сожалѣемъ по этому поводу, что благодаря отсутствію у автора наблюденій и по кіевской губерніи, читатели должны и на будущее время остаться въ невѣдѣніи, чѣмъ же отличается замужняя женщина отъ дѣвицы въ этой неизслѣдованной еще авторомъ губерніи? Одновременно съ этимъ, вопреки фактамъ, извѣстнымъ *даже* намъ, живущимъ въ Кіевѣ (хотя бы по газетнымъ сообщеніямъ и по свѣдѣніямъ отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и т. п.), авторъ увѣряетъ, что «не смотря на сосѣдство нѣмцевъ и чеховъ, крестьяне (всѣхъ мѣстностей края?) не рискуютъ сажать хмѣль и сѣять травы и живутъ по старинѣ». Столь же необоснованно и заключеніе автора, что число огородниковъ, получившихъ въ надѣлъ однѣ лишь усадьбы, незначительно, а число бобылей (безземельныхъ) совершенно ничтожно». Мы не знаемъ, какими данными руководствовался въ настоящемъ случаѣ авторъ и имѣлъ ли онъ вообще какіе либо матеріалы

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

[2]) Надо думать, что, врядъ ли бы могъ состояться и самый „обмѣнъ", если бы, съ одной стороны, кто нибудь не продавалъ, а съ другой, кто нибудь не покупалъ.

для такого вывода, но позволяемъ себѣ утверждать, что этотъ выводъ не вѣренъ и голословенъ, такъ какъ въ дѣйствительности обезземеленіе и малоземеліе достигло значительно большихъ предѣловъ, что онъ могъ бы узнать, напр., изъ тѣхъ собранныхъ мировыми посредниками данныхъ, на которые онъ самъ же ссылается, въ своей брошюрѣ. Намъ лично удалось прочесть въ мѣстныхъ газетахъ [1]) выдержки и ссылки на эти самые матеріалы, свидѣтельствующіе о гораздо большемъ развитіи обезземеленія. Впрочемъ и самъ авторъ имѣетъ, повидимому, и нѣкоторыя возраженія противъ своихъ выводовъ по этому вопросу, потому что въ той же брошюрѣ не можетъ удержаться отъ констатированія факта, что «фактически дробленіе (надѣльныхъ) участковъ достигло уже теперь *угрожающихъ* размѣровъ» и «пройдетъ еще *десять* (!)—двадцать лѣтъ, и участки раздробятся до *невозможныхъ предѣловъ*»!.. Отсюда и основной выводъ автора о томъ, что «крестьяне края *матеріально обезпечены*» и что положеніе мѣстныхъ крестьянъ «сравнительно съ крестьянами внутреннихъ губерній Россіи" слѣдуетъ признать *безусловно обезпеченнымъ*», долженъ быть подвергнуть большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что онъ не подкрѣпилъ его рѣшительно никакими цифровыми данными, которыя могли бы характеризовать экономическое положеніе мѣстнаго крестьянства. При сомнительности же этого основного вывода, несостоятельнымъ является и взглядъ автора на то, что «многіе вопросы, которые при платежной несостоятельности населенія нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ губерній не могутъ быть проведены въ жизнь безъ серьезныхъ матеріальныхъ затратъ казны, въ Юго-западномъ краѣ осуществляются и *могутъ быть осуществлены на собственныя средства населенія*» (!!) А такъ какъ изъ убѣжденія автора о «безусловной обезпеченности» крестьянскаго населенія края, «гдѣ *многія* общества *и отдѣльныя лица* имѣютъ серіозныя (?) сбереженія» и въ рукахъ населенія находится, благодаря этому, «огромное (?) имущество»,—вытекаетъ его выводъ о томъ, что введеніе института земскихъ начальниковъ имѣетъ здѣсь больше смысла и основаній, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ, то и этотъ выводъ тоже долженъ быть признанъ необыкновеннымъ. И это тѣмъ болѣе, что необходимость опеки надъ мѣстнымъ крестьянствомъ въ лицѣ земскихъ начальниковъ авторъ подкрѣпляетъ

---

[1]) „Кіевскомъ Словѣ“ и „Кіевлянинѣ“; къ сожалѣнію не можемъ указать, въ какихъ именно №№.

соображеніемъ о томъ, что эти «многія отдѣльныя лица,» т. е. крестьяне, «должны быть разсматриваемы, какъ *безусловно неопытныя въ распоряженія капиталами* и потому подлежащія»... «опекѣ»! Выводъ этотъ, какъ само собою понятно, не только противорѣчитъ общему смыслу россійскихъ законовъ, признающему лицъ всѣхъ безъ различія сословій правоспособными въ распоряженіи своимъ имуществомъ по достиженіи ими совершеннолѣтія, но и тому установленному самимъ авторомъ факту, что эти самыя «многія отдѣльныя лица» были на столько *не* неопытны, что сумѣли, при «угрожающихъ размѣрахъ» фактическаго дробленія надѣловъ, сдѣлать «серіозныя сбереженія «и накопить «огромное имущество». При такомъ стремленіи автора къ широкимъ выводамъ, мы не сомнѣваемся, что въ обѣщанномъ (въ его предисловіи) очеркѣ частновладѣльческаго хозяйства, онъ, слѣдуя только что высказанному взгляду объ опекѣ надъ «неопытными въ распоряженіи капиталами», отдастъ подъ опеку и всѣхъ землевладѣльцевъ края, какъ только коснется вопроса о значительной задолженности мѣстнаго землевладѣнія и о нераціональномъ веденіи частновладѣльческаго хззяйства.

Къ большинству мѣстныхъ землевладѣльцевъ онъ вообще относится не особенно доброжелательно, упрекая ихъ въ томъ, что «многіе русскіе пріобрѣтатели имѣній смотрятъ на эти имѣнія *не болѣе (?) какъ на доходныя статьи*, выгодно пріобрѣтенныя, и ни мало не думаютъ о проведеніи *какой либо (?) идеи*, а тѣмъ болѣе не считаютъ нужнымъ жертвовать малѣйшей выгодой для достиженія *какихъ-то* (?) *общихъ* (?) благъ». Мы вполнѣ понимаемъ негодованіе автора на слишкомъ сильный у насъ индифферентизмъ къ общественнымъ вопросамъ, на преобладающее стремленіе къ предпочтенію личныхъ интересовъ общественнымъ, но не совсѣмъ все-таки понимаемъ, о проведеніи *какой* именно идеи и о какихъ *«общихъ»* благахъ (мѣстныхъ землевладѣльцевъ *съ кѣмъ*?) говоритъ съ *данномъ* случаѣ авторъ. Столь же не ясна для насъ, не смотря на разъясненія предисловія, и основная идея автора, побудившая его издать цитируемую брошюру, такъ какъ, по тщательному ея разсмотрѣнію, оказываетси, что у автора совсѣмъ не было того матеріала, при посредствѣ котораго онъ могъ бы, хотя до извѣстной степени, ознакомить «читающую публику» съ «условіями быта населенія этого обширнаго и богатаго края». Помимо недостатка матеріала, и самая брошюра его построена такъ, что большая ея часть заполнена не свѣдѣніями, или, точнѣе говоря, даже не попытками сообщить свѣдѣнія о «бытѣ» мѣст-

наго населенія, а разсужденіями самого автора. Мы ничего, конечно, не имѣемъ противъ «невольнаго увлеченія» автора стремленіемъ къ «критикѣ существующаго» и къ нахожденію пути къ исправленію отмѣченныхъ недостатковъ», но думаемъ, что для этого надобно выходить съ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній, въ гораздо лучшемъ вооруженіи, чѣмъ въ данномъ случаѣ. При внѣшней систематичности изложенія, брошюра, въ сущности, изложена достаточно безсистемно,—свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи населенія то и дѣло перемежаются съ разсужденіями и свѣдѣніями по части административнаго устройства, съ случайными сообщеніями по части обычаевъ мѣстнаго населенія, по части попытокъ къ характеристикѣ его внутренняго міросозерцанія и пр. и пр. Въ общемъ, всѣ эти свѣдѣнія, о «бытѣ» населенія, о его матеріальномъ положеніи, буквально тонутъ въ разсужденіяхъ характера административнаго; видно, что авторъ гораздо болѣе компетентенъ въ вопросахъ этого сорта, чѣмъ въ вопросахъ экономическаго и бытового характера, въ области которыхъ онъ при томъ же особенно склоненъ къ огульнымъ и безпочвеннымъ сообщеніямъ и выводамъ, въ родѣ того, что «пьянство повсемѣстно», «воровство сильно развито» и т. п.—Надо надѣяться только, что внимательное чтеніе брошюры на первыхъ же страницахъ легко убѣдить маломальски просвѣщеннаго читателя въ ея полной несостоятельности и безпочвенности и побудитъ его такимъ образомъ критически отнестись и къ излюбленнымъ измышленіямъ автора.

X. Y. Z.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Видавництво присьвячене науці і письменству украинско-русского народу. Впорядкував Михайло Грушевскій. Том VII (1895, кн. 3) у Львові, 1895.—Стр. 190.

Въ ноябрьской книжкѣ «Кіев. Старины» данъ обзоръ содержанія первыхъ шести томовъ «Записокъ» и указана въ общихъ чертахъ исторія этого научнаго предпріятія. Въ вышедшемъ недавно седьмомъ томѣ находимъ три оригинальныя статьи, отдѣлъ miscellanea,

научную хронику, посвященную обозрѣнію русскихъ журналовъ и газетъ за 1894 г., и библіографію.

Въ статьѣ д-ра Кирилла Студинскаго: «Адельфотесъ», грамматика, изданная въ Львовѣ въ 1591 г. (стр. 1—40), послѣ предварительныхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи этого важнаго памятника для исторіи изученія греческаго и славянскаго языковъ въ славяно-греческихъ школахъ на Руси XVI в., самымъ детальнымъ образомъ изслѣдуются источники грамматики (труды Лоскароса, Меланхтона, Крузія и Кленарда) и указаны слѣды самостоятельной обработки разныхъ грамматическихъ вопросовъ составителями—учениками львовской школы, работавшими подъ руководствомъ грека Арсенія; далѣе, характеризуется языкъ славянской части «Адельфотеса» и наконецъ сведены доказательства вліянія послѣдняго на труды Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго. Основательное знакомство автора съ литературой вопроса даетъ ему возможность значительно ограничить или видоизмѣнить установившіяся мнѣнія о значеніи и характерѣ «Адельфотеса». Сравненіе кіевскаго и львовскаго (неполнаго) экземпляровъ грамматики приводитъ автора къ заключенію, что было два изданія ея, но когда и гдѣ именно вышло второе изданіе—остается нерѣшеннымъ до дальнѣйшихъ изысканій.

Статья г. Студинскаго заслуживаетъ серьезнаго вниманія любителей нашей старой письменности.

Не менѣе интересны для историковъ описи подольскихъ замковъ Скалы, Каменца, Смотрича и Летичева 1494 г., извлеченныя г. Грушевскимъ изъ архива Варшавской казенной палаты (стр. 1—18). Любопытными документами этими пользовался уже въ 1880 г. г. Ал. Яблоновскій, но напечатаны они теперь впервые. Извѣстно, что оффиціальныя люстраціи замковъ представляютъ одинъ изъ основныхъ и самыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ для внутренней исторіи русскихъ областей; въ литературѣ имѣется рядъ весьма цѣнныхъ монографій, основанныхъ преимущественно на матеріалахъ этого рода. Исторія зап. Подоліи XV в. такъ мало еще разработана документально, что нельзя не поблагодарить г. Грушевскаго за опубликованіе упомянутыхъ описей. Документамъ предпослана издателемъ краткая характеристика ихъ содержанія.

Г. Вл. Левицкому принадлежитъ статья: «Эллиптическія модульныя функціи» (стр. 1—30).

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Щуровскій, коснувшись вопроса о времени основанія почаевской типографіи (по поводу статей г. Ти-

ховскаго въ «Кіев. Стар.» наст. года), приводитъ привилегію кор. Августа II отъ 18 октября 1732 г. изъ луцкой гродской записовой книги кіевскаго центральнаго архива № 2282, данную почаевскому базиліанскому монастырю на право возобновленія существовавшей ранѣе, но пришедшей въ упадокъ типографіи для печатанія книгъ на русскомъ языкѣ.—Д-ръ Ив. Франко опубликовалъ любопытный стихотворный разговоръ католика съ диссидентомъ о барской конфедераціи (изъ рукописей библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ); вирши не лишены интереса, но г. Франко даетъ имъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ объясненія характера коліившины. Г. Ив. Белей, ссылаясь на экземпляръ «Исторіи Руссовъ», принадлежащій библіотекѣ общества «Просвіта» во Львовѣ, доказываетъ, что этотъ знаменитый историческій памфлетъ, приписанный Георгію Конисскому, былъ оконченъ уже ранѣе 1819 г.

Научная хроника (стр. 1—28) обозрѣваетъ содержаніе болѣе 30 русскихъ историческихъ и литературныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей за 1894 г. Обзоры составлены очень обстоятельно и иногда сопровождаются цѣнными критическими замѣчаніями.

Въ отдѣлѣ библіографіи (стр, 1—60) даны критическіе отзывы о 25 книгахъ, преимущественно русскихъ. Встрѣчаются рецензіи весьма обстоятельныя и цѣнныя. Этотъ отдѣлъ «Записокъ» совершенствуется съ каждымъ новымъ томомъ.

Въ концѣ книги приведенъ отчетъ о занятіяхъ секцій «общества» за майскую треть настоящаго года.

Отъ души желаемъ «Обществу» дальнѣйшаго развитія его полезной дѣятельности, результаты которой, выразившіеся между прочимъ въ семи томахъ «Записокъ», говорятъ сами за себя.

Н. М.

(П. Викулъ и В. Якубовичъ) Подольскіе архипастыри съ 15 фототипическими портретами (изъ VIII выпуска „Трудовъ Под. Епарх. историко-стат. комитета"). Каменецъ-Подольскъ, 1895.— Стр. 194.

Настоящій сборникъ біографій изданъ къ столѣтію учрежденія подольской епархіи. Біографіи 15-ти архипастырей составлены свящ. П. Викуломъ (стр. 7—160), 14-ти викарныхъ епископовъ (винницкихъ,

а съ 1866 г. балтскихъ)—свящ. В. Якубовичемъ. Задача авторовъ—показать, какъ подъ руководствомъ архипастырей протекла религіозная жизнь подольской епархіи съ 1795 по 1895 г.

Намъ кажется, что біографическая форма невполнѣ удобна для характеристики религіозной жизни епархіи въ теченіе столѣтія. Въ біографіяхъ приводится, напр., рядъ распоряженій по всевозможнымъ вопросамъ, церковной жизни, но каковы были послѣдствія сихъ распоряженій, какъ они образовались въ жизни, чѣмъ были вызваны—остается большею частью неяснымъ. Говоримъ это не въ упрекъ авторамъ, которые весьма добросовѣстно свели бывшій въ ихъ распоряженіи матеріалъ, почерпнутый частью изъ консисторскаго архива. Въ книгѣ можно встрѣтить нѣсколько характерныхъ бытовыхъ подробностей, нѣсколько живыхъ чертъ мѣстной исторіи, но составить на основаніи книги картину, которую задумали дать читателю авторы, отнюдь невозможно. Кромѣ того, біографическая форма повѣствованія имѣетъ въ данномъ случаѣ и свои спеціальныя неудобства, устраняющія возможность яснаго и связнаго представленія о предметѣ рѣчи. Тѣмъ не менѣе для справокъ настоящая книга небезполезна.

Портреты архипастырей подольскихъ исполнены весьма удовлетворительно.

Н. М.

М. Грушевськiй. Виiмки з жерел до історії України—Руси. До половини XI віка. У Львові, 1895. Накладомъ автора. (Стр. 122).

Настоящій сборникъ представляетъ дополненіе курса объ источникахъ древне-русской исторіи, читаннаго проф. Грушевскимъ въ зимнемъ семестрѣ 189⁴/₅ г. въ Львовскомъ университетѣ. Авторъ исходитъ изъ того безспорнаго положенія, что только непосредственное знакомство съ источниками можетъ дать прочную основу для историческаго изученія. Знакомство это нынѣ довольно затруднительно, вслѣдствіе рѣдкости и разбросанности относящихся сюда изданій текстовъ. Авторъ пользовался главнымъ образомъ изданіями Гаркави и Латышева, боннскимъ изданіемъ византійскихъ писателей, изданіями Пертца, Розена и др. и обширной монографической литературой. Выдержкамъ изъ писателей предпосланы краткія біографическія и библіографичесяія указанія, тексты снабжены многочислеными историко-географическими комментаріями. Въ сборникѣ находимъ пере-

воды на малорусскій языкъ изъ Геродота, Страбона, Гиппократа, Птоломея, Іордана, Прокопія, житій Георгія Амастрадскаго и Стефана Сурожскаго, Пруденція, Ибнъ-Хардадбега, Аль-Баладури, патр. Фотія, Аль-Джайгани, Ибнъ-Фодлана, Ибнъ-Дусте Масуди, Константина Порфиророднаго, Симеона Логоѳета, житія Василія Новаго, Ліутпранда, продолженія хроники Регинона, Кагана Іосифа, Ибрагима Ибнъ-Якуба, Ибнъ Хаукаля, Льва Діакона, Брунона изъ Кверфурта, Титмара мерзебургскаго, Яхьи Антіохійскаго и Георгія Кедрина; кромѣ того, даны въ подлинникѣ договоры Олега, Игоря и Святослава съ Византіею и въ переводѣ сага объ Олафѣ Тригвасонѣ и Эймундова сага. Для текстовъ арабскихъ, еврейскихъ и исландскихъ издатель «Выдержекъ» обращался къ лучшимъ переводамъ, для прочихъ— къ надежнѣйшимъ рецензіямъ. Болѣе важныя разночтенія указаны въ своихъ мѣстахъ.

Какъ руководство при университетскихъ занятіяхъ и какъ полезное пособіе для занимающихся русскою исторіею, вообще, настоящій сборникъ, безъ сомнѣнія, займетъ почетное мѣсто. «Выдержки» печатались частью въ львовскомъ педагогическомъ журналѣ «Учитель», вотъ почему авторъ лишенъ былъ возможности присоединить къ своему изданію подлинные тексты, по крайней мѣрѣ латинскіе и греческіе, и вообще долженъ былъ значительно сократить объемъ сборника, ограничиваясь текстами наиболѣе важными. Нѣтъ сомнѣнія, что трудолюбивому автору удастся въ слѣдующемъ изданіи восполнить эти невольные пробѣлы.

Языкъ перевода ясный, образный и вразумительный для всѣхъ сколько-нибудь знакомыхъ съ литературною малорусскою рѣчью. Нельзя не поблагодарить автора за исполненный имъ нелегкій трудъ.

Н. М.

Т. Рафальскій. „Сборникъ узаконеній и распоряженій по землевладѣнію въ западныхъ губерніяхъ съ рѣшеніями правительствующаго сената". Кіевъ, 1895 г.

Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ на дняхъ въ свѣтъ (и поступилъ въ продажу) составленный чиновникомъ особыхъ порученій по крестьянскимъ дѣламъ при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ, Т. Рафальскимъ, и напечатанный по распоряженію г. Начальника края сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній и

распоряженій по вопросамъ землевладѣнія въ юго и сѣверо-западномъ краѣ. При исключительномъ положеніи, въ какое поставлено землевладѣніе въ западныхъ губерніяхъ, въ изданіи такого рода сборника давно уже чувствовалась потребность, въ виду того, что узаконенія и распоряженія по вопросамъ землевладѣнія въ тѣхъ губерніяхъ издавались разновременно и постепенно, начиная съ 1861 и кончая 1895 годомъ, и потому оказывались разъединенными, разбросанными по разнымъ изданіямъ. Этимъ затруднялась возможность справокъ и вообще пользованія означенными узаконеніями и распоряженіями; и этотъ-то недостатокъ восполняется въ настоящее время названнымъ изданіемъ, въ которое вошли также и всѣ рѣшенія Сената (по Общему собранію и Кассаціонному Департаменту), послужившія къ разъясненію приведенныхъ узаконеній.

Содержаніе сборника составляютъ: I, узаконенія о льготахъ, преимуществахъ и денежныхъ ссудахъ, при покупкѣ имѣній въ западныхъ губерніяхъ; II, узаконенія о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ въ этомъ краѣ или желающимъ тамъ водвориться на постоянное жительство; III, узаконенія о воспрещеніи лицамъ польскаго происхоженія пріобрѣтать имѣнія въ западныхъ губерніяхъ; IV, узаконенія о воспрещеніи евреямъ пріобрѣтать поземельную собственность въ западныхъ губерніяхъ, а также владѣть ею на правѣ залогопринимателей, арендаторовъ и управляющихъ; V, общія узаконенія о земельныхъ имуществахъ въ западныхъ губерніяхъ, относящіяся какъ къ евреямъ, такъ и къ лицамъ польскаго происхожденія; VI, узаконенія о воспрещеніи иностраннымъ поселенцамъ пріобрѣтать въ собственность, или въ срочное владѣніе и пользованіе, недвижимыя имущества въ нѣкоторыхъ губерніяхъ западной полосы Россіи, и VII, узаконенія, относящіяся къ имѣніямъ поіезуитскимъ, эдукаціонный фундушъ составляющимъ, и къ имѣніямъ леннымъ. Къ сборнику приложенъ хронологическій указатель всѣхъ этихъ указаній и распоряженій. Съ внѣшней стороны сборникъ изданъ весьма удовлетворительно, и цѣна—2 рубля—представляется недорогою.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашенію съ главной конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробно иллюстрированное объявленіе высылается изъ конторы, по требованію, безплатно.

3—1

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-Й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 84-Й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1896.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно (въ 2-хъ издан.) въ количествѣ **48,500** экземпляровъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

На годъ съ доставкою. 8

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событію.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., И. П. Гнѣдичемъ—новая повѣсть; будетъ закончень романъ Вс. С. Соловьева «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзнію автора, причемъ новымъ подписч. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа. Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кромѣ того, появлятся: новый ром. Дм. И. Стахѣева «Духа не угашайте»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. внечатлѣній»; ром. К. Ѳ. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣлъ «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событій; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ѳ. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подъяч., 39), куда и просятъ обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который приним. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоитъ въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. **15** р. **50** к., съ доставк. **16** р., съ перес. во всѣ города Россіи **17** р. Допускается разср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по **1** р. **50** к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

Неделя. 14. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ свѣтла холодновата. Сегодня банкетъ былъ у гетманскомъ дворѣ, где енералъ и многіе, и я, были, и подпіяхомъ, для того, что виправляли Павла Ломиковского, унука гетманского, на веселний актъ ему, имѣючій въ Сосницѣ чинитись, зъ дочерю протопопи бившого нѣжинского Яворского.

Понедел. 15. Сей день былъ свѣтлій, теплій, тихій сперва, а потомъ вѣтрянъ, ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту отчасти хмарна. Сегодня рано ездилъ я въ Сварковъ, гдѣ при мнѣ закладани станѣ (конюшни) и имбара поправить приказавши, повернулся на обѣдъ поздній въ домъ. Купили сегодня брусовъ 4, овса четвериковъ 4, и тину возовъ 10.

Вовтор. 16. День сей былъ свѣтлій, теплій и тихій, и ночъ такова жъ, теплота жаркая была въ день. Сегодня рано былъ я у генерала, а оттоль зъ п. Петромъ отехалемъ до гетмана, а обѣдалъ у себе, увечеру ездилъ до гетманского двору, где видѣвшись зъ п. Михайломъ, повернулся домой.

Середа. 17. День былъ свѣтлій, теплій, ночъ такова жъ, жаръ. Родитель поехалъ рано зъ Глухова на Кролевецъ, Шабалиновъ, Куреню, до Ромна. Староста крисковскій Шохъ посланъ въ Роменъ для викупу ножовъ срѣбнихъ 7 паръ у слуцкого жителя Саркевича, якіе ему заставилъ за 18 ефимковъ, черезъ которого писалемъ до брата п. Марка и приказъ далемъ до Янѣшевского о роздачѣ на косарѣ денегъ, мѣючихъ взятись за проданне коней, а именно; до Перервин. 15 р., до Кривой Руд. 12 р., до Гамал. футора 15, а другій пунктъ Алексѣеви—о куплѣ 3-хъ книжокъ злота малярского. Я обѣдалъ въ дому, а жена у гетманскомъ дворѣ, а у вечеру ездилъ до Топѣлского и Воейкова и посидѣвши съ ними, повернулся. Посланъ въ Кіевъ Юско съ писмами отъ род. до Шерметьева о выдачѣ пойманного Урбана, о помоществованіи всѣмъ, до Турнавіота отъ мене.

Четвер. 18. День и ночъ были сходніе во всемъ вчорайшимъ. Сегодня на службѣ былъ я у генералской церквѣ, а по обѣднѣ, обѣдалисмо у его жъ столу генералского многіе и подпіяхомъ, а по-

томъ играли въ ліомбаръ съ нимъ и съ п. Петромъ, зъ проигрошомъ 22 к. У вечору былъ у мене Кочубей, полтав. полковникъ, швакгеръ п. Яковъ.

Пятокъ. 19. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ во всемъ. Рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, оттоль съ п. Петромъ и съ п. Михайломъ ходилъ смотрѣть екзекуцѣи человѣка вора, которому голову отсѣчено, а обѣдалемъ въ дому зъ п. Федоромъ, дядкомъ, вновъ пріехавшимъ. При концу обѣда пріехалъ Бурковскій и посидѣвши отехалъ, а после нихъ пріехалъ Максимъ Туровскій, потомъ асаулъ енер. Мануйловичъ зъ Селецкимъ, сотнихомъ Дѣвицкимъ, а потомъ секретаръ сенатскій Топѣлскій, зъ которимъ долго просидѣлисмо, онъ отехалъ домой, а я ночью пріехалъ въ Сварковъ, где засталъ жену, Марусю Журавковну и дочерей, и тутъ ночовалисмо. Купилисмо овса четвериковъ 3 зъ четвертю, сеей мѣри, по полъ 7 зол.

Субота. 20. День былъ свѣтлій, теплій зъ вѣтрецомъ полуденнымъ, ночъ тепла, свѣтла, тиха. Сегодня обѣдалисмо у Сварковѣ, а по обѣдѣ заездили у футоръ, и пріехали позно.

Неделя. 21. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе, жаркіе. Сегодня рано былъ я у генерала, а потомъ у гетмана, обѣдалъ у себе, и съ нами швакгеръ п. Яковъ, п. Кондзеровская, п. Федоръ дядко, п. Максимъ зъ женою. У вечеру ходилъ до енерала, где съ нимъ въ шахмати игралъ и не виигралъ. Ясманцямъ дали 14 четвертей, а имъ отъ четверти по 2 днѣ робить, а Веригинцямъ четвертей 8, а имъ за то колоди возить.

Понеделокъ. 22. День былъ свѣтлій, теплій, жаркій, по сторонамъ дожчъ. Ночь отчасти хмарна и отчасти свѣтла, съ вѣтромъ полуденнимъ, тепла, къ свѣту дощикъ. Рано ездилемъ въ еклепъ, где насипали вина бутилокъ: фран. 3, фрок. 2, потерц. 2, мѣшаного зъ франц. 1, зъ потерц. 2, итого 10. Повернувшись оттоль, обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ заездилъ до п. Михайла и до Паска. Далемъ Дѣдику и козаку свар., въ Царицинъ нараженнимъ, по 3 р. Да дали тертичникамъ за вирѣзаніе 100 шнуровъ всѣ деньги 5 коп., а на другое сто дали имъ же полтора

рубля впредъ. Вѣжевскій повернулся зъ Тулиг. и привезлъ вѣдомость, перегнаной гор. оковитой 5 куѳъ, въ якихъ влѣзло старихъ носатокъ 50 и квартъ 92, а простой горѣлки пойшло 9 куѳъ; 8 куѳъ зимней работи, въ нихъ носатокъ старихъ 82 и квартъ 2, да девятая лѣтней работи, въ якой новихъ носатокъ 8, квартъ 64, да зверхъ того носат. 3 и квартъ 33, итого всей горѣлки простой пойшло: старихъ носатокъ 82, а новихъ носатокъ 11 и квартъ 97; въ старую носатку входитъ квартъ 100, въ новую носатку входитъ квартъ 115. Видала простая горѣлка зверхъ половини носатокъ 2 и 85 квартъ оковитой, простой било на старіе носатки 96 и квартъ 15, а оковитой стало 50 носатокъ и квартъ 92.

Вовтор. 23. День билъ свѣтлій, теплій, тихій, дожчикъ маленкій прорвался, ночъ такъ же тепла, погодна, тиха. Сегодня насипали анталъ тотъ, что вино кримское было солодкое, твердимъ виномъ кримскимъ. Билъ я рано у гетманскомъ дворѣ, а обѣдалъ у Александра, на крестинахъ дочери его, обѣдалъ воспріемникъ п. Петро, пол. луб. По обѣдѣ заездилъ я до п. Михайла и тамъ просидѣвши, повернулся домой позно. Вѣжевскій посланъ въ Сварковъ, въ футоръ, где велено ему взять подводъ воловихъ 5 и 15 четвертей жита отправить въ Криски, а оттоль взять горѣлку всю, и приказъ ему данъ на письмѣ.

Середа. 23. День былъ свѣтлій, теплій и отчасти хмарній, ночъ такъже тепла, свѣтловата, а по сторонамъ громъ и къ свѣту дожчъ. Сегодня рано былъ я у генерала, такъ же полковники наши которіе, невидѣлисмо оного за болѣзнію, а оттоль были у мене нѣжинскій, чернѣг. и полтавскій на водки, и отехали, а после нихъ писаръ печерскій, а я обѣдалъ у себе зъ швакгромъ п. Яковомъ, а у вечеру ездилемъ до гетманского двора и повидѣвшись зъ п. Михайломъ, повернулемся домой. Староста крисковскій повернулся зъ Ромна и викупилъ заставленніе ножи серебраніе и привезлъ, якіе дѣлались въ Кролевцу, 6 паръ, въ парѣ ваги 9 лотовъ безъ золотника, а въ шести парахъ 52 лота.

Четвер. 25. День былъ не самій свѣтлій, но зъ хмарами почасти, только жъ жаркій и тихій и около переходячій дощикъ зъ блискавицами и зъ громами, ночъ такъ же почасти хмарна и почасти свѣтла, и къ свѣту дощевата. Сегодня по службѣ Божой гетманъ и многіе зъ насъ при немъ ездили до криницъ Березовскихъ, за городъ, для посвященія води, а оттоль я поехалъ въ Сварковъ, гдѣ обѣдалъ и ночевалъ.

Пятокъ. 26. День былъ свѣтлій, а передъ вечеромъ хмарній зъ блискавицею, громомъ и дожчемъ силнимъ, ночъ хмарна, тепла съ силнимъ же дожчемъ, а къ свѣту випогодилось. Рано поехалисмо зъ Сваркова и были у футорѣ Калюжновскомъ зъ женою, где цегелникъ началъ цеглу дѣлать; оттоль пріехалемъ домой верхомъ. Полтора четверика съ осмухою овса, четверикъ по полъ 7 зол., да 19 брусовъ дубовыхъ по 12 к. купилъ Забара войтъ, а жена платила. Старосту крисковского калкуліовалъ въ дорозѣ его кролевецкой.

Субота. 27. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня былъ я у гетманскомъ дворѣ и тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ повернулся въ домъ и зайшолъ до енерала, где до вечора позабавился. Янѣшевскій посланъ въ Черниговъ и въ Березнее, взять вѣдомости отъ Рубана березинского и отъ Семена Лопати, почему тютюнъ и ганишъ въ Кролевцу спроданъ былъ мой и якая оному цена.

Тройца. 28. День былъ свѣтлій, теплій, тихій и ночъ такова жъ. Сегодня былъ я рано зъ поздравленіемъ у генерала, а службы Божей слухалъ у Михайла, а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ. По обѣдѣ ездилемъ на пастовникъ, где простился зъ дядею п. Федоромъ; оттоль повернувшись, былъ въ лавкахъ и купилъ рукавицѣ за 40 к., да 4 картъ нѣмецкихъ за 50 к., оттоль ездилемъ на Пяную Долину зъ Миклашевскимъ, а оттуду до Паска, до Борзни и до дому.

Понедел. 29. День былъ свѣтлій, тихій, теплій, о полднѣ хмари зъ громомъ и зъ маленкимъ дощикомъ, такъ же и увечеру, ночъ свѣтла почасти тепла и тиха, къ свѣту дощъ. Сегодня рано

былъ я у генерала, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ городъ до п. Михайла, такъ же до Радищева и Воейкова. Увѣдомилея я, что генералъ присилалъ въ судъ сторони дѣла моего съ Лвовимъ, жебы скоро оное было отправлено.

Вовтор. 30. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, около полдня хмари, а передъ вечоромъ, силній дощъ, ночъ почасти хмарна, тиха и тепла. Рано былъ я у генерала, на службѣ, и обѣдалъ на Бѣлополовцѣ, у гетмана, где банкетъ былъ на новомъ преселеніи его туда изъ города; по обѣдѣ игралисмо у сенкилѣю зъ генераломъ, п. Петромъ и женою его, и п. Михайломъ, зъ виграшомъ моимъ 2 р.

Середа. 31. День былъ свѣтлій, теплій, почасти тихъ и почасти зъ перехожими хмарами, около полдня вѣтрянъ зъ малимъ дощикомъ, къ вечеру знову свѣтелъ и тихъ, ночъ свѣтла и почасти хмарна, тиха, почасти тепла или ядрана. На службѣ Божой билъ я у ст. Тройци, обѣдалъ у себе зъ швакромъ п. Яковомъ и Григоріемъ Огіевскимъ. Пявки приставилъ хирургъ Боковъ, первей согрѣявъ надъ стуломъ отъ пари окропной. Впервое въ пасѣцѣ моей уздицкой роитись пчола почала.

Юнь м-ць. Четвер. 1. День былъ отчасти хмаренъ, а отъ болшей части свѣтелъ, тихъ и тепелъ, ночъ такова жъ. Обѣдали у мене Яковъ Денисовъ и Семенъ Шляковъ, а у вечору я ездилъ до Воейкова и ходилъ до енерала.

Пятокъ. 2. День былъ сперва хмаренъ, после випогодилея и и тепелъ, потомъ вѣтрянъ и хмаренъ зъ громомъ, ночъ почасти свѣтла и почасти хмарна, и тепла, и тиха. Ездилемъ въ Сварковъ коляскою и оттоль повернувшись, обѣдалемъ, а у вечору ездилемъ на Бѣлополовку, въ гетманскій дворъ, где и вечералъ. Купилъ Демянъ гречки полтора четверика, четверикъ 3 р. и 10 к.

Субота 3. День былъ сперва хмаренъ, после випогодился, ночъ хмарна, потомъ випогодилася и тепла. Принималъ я лекарство докторомъ Бокомъ составленное по рецепту доктора Бидлова, обичное на пявицахъ, зъ которого одинъ имѣлъ вомѣтъ, а нѣсколконадцать столцовъ. Обѣдалъ въ дому самъ, а при обѣдѣ пріехалъ Пасекъ и отехалъ.

Неделя 4. День былъ свѣтлій и теплій, по сторонамъ хмари, такова жъ и ночъ. Сегодня билъ я рано на службѣ Божой на Бѣлополовцѣ, обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, после былъ у генерала, гдѣ и вечералъ.

Постъ Петровъ. Понедел. 5. День былъ свѣтлій, теплій, тихій. Ночъ хмарна отчасти и отчасти свѣтла и тиха, къ свѣту туманъ. Обѣдалъ я въ дому, а у вечеру билъ у генерала. Купили гречки четверикъ, безъ осмухи, за 2 р. 48 к. Леску, кравцу, далъ за прежную работу 3 р.

Вовтор. 6. День былъ сперва туманній, а потомъ свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ хмарна, тиха и тепла. Сегодня ездилемъ въ Сварковъ рано, а оттоль у футоръ Калюжновскій и пріехалъ на обѣдъ домой, где и обѣдалъ зъ дѣтьми, а у вечору ездилъ на ту сторону къ ясневел., где билъ и енер. Нарѣшкинъ. Присланъ зъ суда енер. екстрактъ къ гетману по дѣлу моемъ со Львовимъ.

Середа. 7. День былъ зперва свѣтелъ, а пополуднѣ хмаренъ, тихъ и дожчеватъ. Такъ же и ночъ била хмарна, тиха и помѣрно холодновата. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, обѣдалемъ у себе, а у вечеру зъ п. Михайломъ у енерала были, и долго просидѣли, у карти играючи.

Четвер. 8. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, тихій, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе съ швакгромъ, у вечеру знову тамъ былъ. Денегъ принялъ я 15 р. за 25 шкуръ яловичихъ, якіе Тарасъ продалъ. Насипали 23 кухвы горѣлки, въ якихъ вѣдеръ государевихъ 1104 а въ томъ числѣ 189 вѣдеръ двойной.

Пятокъ. 9. День былъ отчасти хмаренъ, отчасти болшой (?), свѣтлій, теплій, у вечеру вѣтрецъ показался, ночъ свѣтла, тиха и тепловата. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, где зъ п. Петромъ простилея, которого просилъ о козакахъ сухон. Івану Левченку, Соляниченкахъ и Загребенкахъ и Макару Якименку или Яремѣ Савенку. Рано былъ я у генерала и доносилъ о шалости Шишкина на куренскомъ степу чинячойся. Телемака позичилъ я Думитрашку. Боку размѣнялъ 25 червонихъ. Въ бунчучніе, въ кандидати, опре-

дѣлени: Андрей Миклашевскій, Семенъ Лизогубъ, я, Стороженко, Андрей Полуботокъ, Николай Ханенко.

Субота. 10. День былъ сперва свѣтлій, зъ полдня хмаренъ, зъ громомъ и дощемъ. Ночъ холодновата, свѣтла и тиха отчасти, и между тимъ вѣтряна. Родитель пріехалъ зъ гостини въ Глуховъ, зъ которимъ, тако жъ зъ п. Борзною, судею енер., и панею его и Личиною (?), обѣдалисмо вкупѣ у насъ. По обѣдѣ ездилемъ до Паска и на Бѣлополовку, и повернулся. У лазнѣ мился зъ швакгромъ моимъ п. Яковомъ Полуботкомъ.

Неделя 11. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій; ночъ также погодна, свѣтла и тиха, къ свѣту вѣтряна. Рано былъ я у генерала, а оттоль у церквѣ Бѣлополовской и у гетмана, обѣдалъ зъ женою у судіи енер. Борзни; оттоль пріехавши домой, игралъ въ панфиля зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ, Холодовичемъ, зъ проигрошомъ 20 а.

Понедел. 12. День сперва вѣтрянъ и хмаренъ, потомъ дожчъ густій, а после погодній. Ночъ тиха, тепла и свѣтла. Зъ Медведемъ, бившимъ шинкаремъ моимъ, козакомъ сварковскимъ, сторжился за все поле его за 13 р., а купчую намъ виходить, а онъ виноватъ намъ 10 р. 80 к. Обѣдалисмо у себе зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ до Паска и до гетманского двора. Унукъ Шереметева пріехалъ и отехалъ въ Кіевъ. Въ Криски, на плитъ, послалъ 6 р.

Вовтор. 13. День сей былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Сегодня рано ходилъ я до генерала, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку и игралъ у карти зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и Холодовичемъ, зъ проиграшемъ 86 копѣекъ. Володимера Петровича Шереметева человѣкъ подалъ въ судъ енер. челобите на подданного моего сварковского Шевця, что онъ крепостного его человѣка передержовалъ, для чего и Швец зисканъ въ суд. енер. для допросу и допрашиванъ.

Середа. 14, День сей былъ хмаренъ почасти и свѣтелъ после, ночъ свѣтла, тиха, сперва, а потомъ хмарна, зъ густимъ дощемъ. Сегодня обѣдалъ я дома, а у вечеру ездилъ на Красную Горку,

оттоль до млина Радіоновского, а потомъ заехавши до п. Михайла, пріехалъ въ домъ свой позно. 5 червоннихъ осталнихъ отдалъ Боку, черезъ служителя его.

Четвер. 15. День сей былъ хмаренъ и дожчеватъ, первей тихій дожчъ, а потомъ зъ громомъ, передъ вечеромъ пересталъ ити, однако жъ было почасти хмарно и тихо, ночъ хмарна почасти и почасти свѣтла. Рано съ п. Михайломъ и Валкевичемъ были у генерала, оттоль повернувшись, обѣдалемъ зъ родителемъ и никуда неездилемъ. Окончилемъ порахунокъ зъ старости крис., по которомъ показалось тое, что онъ повиненъ положить 4 червоних безъ тинфа, да 23 р. зъ полтиною, а особливе позиченіе Лопатѣ деньги 25 р., 3 штуки штамету или вмѣсто того сукномъ отобрать.

Пятокъ. 16. День былъ свѣтелъ, тихъ, а потомъ хмаренъ и мѣстами дожчъ съ громомъ, ночъ свѣтла, тепла и тиха. Купилъ войтъ брусовъ 11, а особливо купилъ мѣрочникъ 6 брусовъ Родіоновскій, за которіе жена поплатила шинковними. Поехалемъ рано зъ Глухова и пріехалъ въ Сварковъ, а оттоль на ночъ въ Уздицю, где и заночовалемъ. По сіе число роевъ въ Уздицѣ показалось 10, ради дощовъ частихъ.

Субота. 17. День былъ свѣтлій и теплій сперва, потомъ вѣтрянъ, хмаренъ, изъ полдня дожчеватъ зъ громомъ и хмаренъ до вечера, ночъ свѣтла, тиха, тепла. Зъ пасѣки поехалемъ чрезъ Уздицю, Дунаець, Некрасовъ, а ехалемъ зъ пасѣки до Глухова 3 часа съ четвертю. Пріехалъ въ Глуховъ на обѣдъ и я обѣдалъ зъ швакгромъ п. Яковомъ; по обѣдѣ пріехалъ п. Михайло, зъ которимъ отъ Танского отобралемъ цукъ ворониχъ коней, зъ которихъ 3 правіе конѣ (мнѣ?), а 3 лѣвіе ему достались. У лазнѣ милсся.

Неделя. 18. День былъ свѣтлій, теплій, тихій самій и ночъ такова жъ. Сегодня рано былъ у генерала, и у гетмана, и на службѣ на Бѣлополовцѣ, и обѣдалъ я зъ швакгромъ п. Яковомъ у себе, а по обѣдѣ заходилъ до енерала, зъ которимъ, также зъ протчіи, и зъ п. Михайломъ, ездили на минѣстерскій дворъ и играли тамъ въ карти, зъ проигрошомъ 2 р. 30 к.

Понедел. 19. День билъ свѣтлій, тихій, и теплій, ночъ хмарна зъ силнимъ дожчемъ и жестокимъ громомъ до свѣта, а свѣтомъ дожчъ перестал, толко жъ вѣтряно и холодновато. Сегодня рано ездилемъ въ Сварковъ, оттоль повернувшись домой, обѣдалемъ зъ родителемъ, а у вечору ездилемъ до Паска и на Бѣлополовку. Купилъ Забара 16 брусовъ, итого 26, да купили овса полчетверика за 7 гривенъ, жена платила денгами, отъ мене взятими

Вовтор. 20. День былъ сперва вѣтрянъ, потомъ тихъ и свѣтелъ, по полднѣ дожчъ, къ вечеру пересталъ. Шохъ отпущенъ въ Криски и данъ ему приказъ: 1) чтобъ на плитъ тертичниковъ уговорилъ рѣзать дерево пополамъ; 2) чтобъ драны всю въ Криски отослалъ и сюда виславъ по 600; 3) чтобъ закоръ (?) сажень 10 сюда прислалъ; 4) чтобъ за тютюномъ поехавши, оній старался спродать у Любечу или здесь; 5) чтобъ поле толоку пустовскую попахать; 6) чтобъ шибъ простихъ и сулей 10 зъ гути зискалъ; 7) чтобъ дерево торочнее отшукалъ; 8) чтобъ староста канцелярского двора осмотрѣлъ. Обѣдалъ на Бѣлополовцѣ, а по обѣдѣ ходилъ до енерала и игралъ съ нимъ и съ п. Михайломъ у ліомбаръ, зъ проиграшомъ моимъ 110 к. Алексѣецъ пріехалъ зъ подводами, въ Царичинъ наряженними.

Середа. 21. День былъ сперва зъ туманомъ, а потомъ зъ густимъ дожчемъ до вечера, а у вечери пересталъ дожчъ ити, ночъ также хмарна, вѣтряна, вѣтеръ полнощний. Рано въ Сварковъ ездилемъ, и на обѣдъ повернувшись, обѣдалемъ въ дому зъ род. У вечеру ездилъ до Радищева. Тютюну привезлъ Алексѣй 2260 папушъ. Зри апр. 19-го.

Четвер. 22. День былъ сперва хмарній и вѣтрянній, а отъ полдня сталъ весма отмѣнний, тихій, свѣтлій и теплій, ночъ также тиха, свѣтла и тепла. Сегодня рано ездилъ я въ гетманскій дворъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ повернувшись, игралъ въ карти у панфиля зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и Холодовичемъ, сотникомъ воронѣжскимъ, зъ малимъ самимъ проигрошомъ. Григорій Огѣевскій потурбованъ отъ жида за удержанного у себе коня жи-

довского, которій подчасъ пожару кролевецкого убѣгъ самъ у дворъ зъ передкомъ, и окончилось дѣло, за то, что преслушалъ указъ гетманскій и не обявилъ вскорѣ коня его, долженъ заплатить жидови 100 р. [1]). Въ крисковской носаткѣ квартъ глуховскихъ 102, въ старой глуховской носатцѣ квартъ 105, въ новой носатцѣ квартъ 120, и въ ведрѣ государевомъ квартъ 24, итого вѣдеръ въ новой носаткѣ 5.

Пятокъ. 23. День былъ свѣтлій и теплій, по полуднѣ хмаренъ зъ громомъ и дожчемъ. Ночъ свѣтла, тиха и тепла. Купили жита четверикъ и осминъ 6, по 3 р. 20 к., овса четверикъ и осминъ 7 по 1 р. 40 к., за что я заплатилъ, а жена въ реестръ записала себѣ. Юско отправленъ до п. Томари зъ кобилами нѣмецкими, для припуску.

Субота. 24. День и ночъ были свѣтліе, тепліе и тихіе. Сегодня былъ я у генерала и обѣдалъ, и игралъ въ карти зъ проиграшомъ моимъ 80 к. Огіевскому Григорію позичилисмо 15 червонихъ иноземскихъ до сент. 1-го.

Неделя. 25. День былъ свѣтлій и теплій, а о полднѣ дожчъ зъ вихромъ и зъ громомъ, ночъ тепловата, свѣтла и тиха. Сегодня рано были мы въ соборной церквѣ, где по службѣ Божой, благодарственное отправлялось молебствіе за состоявшееся примиреніе Персѣи зъ Россійскимъ государствомъ, а на якихъ кондиціяхъ имѣетъ впредъ быть публиковано. По службѣ были на Бѣлополовцѣ.

Понедел. 26. День былъ свѣтлій, теплій и тихій. Ночъ такъ же свѣтла, и тиха, и тепла. Ездилемъ по вчорайшомъ шуму на Красную горку, да до млина Родіоновского, а обѣдалисмо у себе зъ род., сами. По обѣдѣ пріехалъ ко мнѣ п. Михайло и посидѣлъ, у пѣкетъ играючи; били оба у генерала для игри и не играя отойшли.

Вовтор. 27. День былъ сперва съ туманомъ, а потомъ свѣтло и тепло, а по полуднѣ хмара темная и дожчъ зъ силнимъ громомъ и вѣтромъ. Ездилемъ рано до Сваркова и повернулся через фу-

---

[1]) Поводъ къ возникновенію этого дѣла см. въ Опис. Стар. Малороссіи, II, 371.

поръ до Глухова и обѣдали сами, а по обѣдѣ ради дощу никуда не ездилъ. Зъ старостою розлетскимъ сторжился за будинокъ его за 29 р. и 5 р. задатку далъ ему.

Середа. 28. День былъ сперва почасти хмарній, а почасти свѣтлій, а потомъ хмаренъ и дожчеватъ до вечера, зъ чего води и грязи умножилось. Ночъ также хмарна и дощевата—обложнимъ дожчемъ ажъ до свѣта. Рано ездилемъ на Бѣлополовку и повернулся на обѣдъ домой. Зъ фурманами царичанскими договоръ другій здѣланъ, что они взяли кухву одну лутшей гор. за 14 р. зъ полтиною, а другую кухву подлѣйшой за 13 р., да еще моей взяли горѣлки куховъ 2, къ тимъ прежнимъ 25-ти, за одну жъ кухву за провозъ платить 4 р., а за другую кухву, зъ харчю и зъ людми, 6 р.

Ст. Петра и Павла. Четвер. 29. День былъ хмарній и дощеватъ, напримѣръ осѣнного, дощъ мало не весь день ишелъ, ночъ также хмарна и холодновата, къ свѣту стало отчасти випогожуватись. Рано былисмо у генерала зъ проздравленіемъ, а обѣдали у Воейкова и подпіяхомъ. Чаю жестянку насипалъ и сахару лідового.

Пятокъ. 30. День сперва былъ хмаренъ, потомъ почасти свѣтелъ, тепелъ и тихъ. Ночъ... Обѣдалисмо у дому зъ родителемъ и Старжинскимъ. Виправленъ Григорій Василіевъ сынъ Гиль, Гломазда и Дѣдикъ въ Астрахань, а съ ними отправили горѣлки 27 куоъ, а въ нихъ вѣдеръ 1270, въ якомъ числѣ кухва одна самой простой, лѣтной горѣлки, ведеръ 34, да тютюну зъ бакуномъ—папушъ 5796, а въ нихъ пуд. 90, да денегъ дали имъ на фурмани сколко доводится за провозъ, а именно 145 р., да особливе 20 р. на случаи дорожніе, а по уговору дали въ зачетъ, до предбудущой награди, Григорію Гилю 6 р., да Гломаздѣ и Дѣдику по 4 р., а съ ними другіе рѣчи дани, именно: конь гнѣдій, муки пшеничной мѣрокъ 3, гречной 3, крупъ гречанихъ 2, сухарей житнихъ кулей 3, соли полпуда, сала пудовъ 2, таранѣ 50, на гостинецъ, въ запасъ, вишневой барилъ 2, аломбиковой барилъ 2, казанокъ мѣдній у 2 фунта зъ четвертю, вижигалница (?) мѣдная,

на дорогу имъ дано квартъ 30 гор. простой и приказъ съ нихъ всякому, якъ отправлятись.

М–цъ іюль. Субота. 1. День былъ тихъ, свѣтелъ и тепелъ, въ день и у вечеру хмари показались по сторонамъ, ночъ также сперва хмарна, а потомъ къ свѣту випогодилась. Сегодня рано былъ я у Борзни, а зъ нимъ на Бѣлополовцѣ, а обѣдалъ у себе. Мехея, козака перервинского, пріездившого сюда зъ спросомъ о сѣнѣ, отправилемъ до старости перер. и послалемъ на сѣно 20 р,, да ему старостѣ сукно тузѣнокъ и 7 р. У вечеру былъ я на Бѣлополовцѣ и пріехалъ назадъ, а получилъ письмо отъ швакгра моего Андрея Полуботка зъ С. П. Бурха. У лазнѣ мился.

Неделя. 2. День былъ зранку очень холоденъ, а вѣтрецъ полунощний, а потомъ сталъ тепелъ, свѣтелъ, ночъ свѣтла, тиха, тепловата. Рано былъ я у генерала, на службѣ и обѣдалъ у себе зъ швакгромъ. У вечеру билъ у генерала жъ, игралъ у ломбаръ, съ проиграшомъ 70 к.

Понедел. 3. День былъ холодноватъ, вѣтрецъ полнощній, однако жъ свѣтелъ и въ день дощъ, у вечеру хмара надійшла зъ тимъ же вѣтромъ, ночъ также хмарна, вѣтряна и холодновата, къ свѣту випогодилось. Сегодня былъ я на Бѣлополовцѣ и тамъ же обѣдалъ у столу гетманского, зъ секретаремъ Топилскимъ, а у вечеру подалъ челобитте гетману объ исправки екстракта. Войтъ докупилъ брусовъ 24, а Тарасъ платилъ, итого войтовой куплѣ брус. 50.

Вовтор. 4. День былъ зранку свѣтелъ, тихъ и тепелъ, потомъ отчасти хмаренъ и велми вѣтрянъ, ночъ тиха, свѣтла, тепла. Рано ездилемъ на Бѣлополовку, где написанъ, и подписанъ, и посланъ въ судъ енер. унѣверсалъ гетманскій въ судъ по дѣлу шевця сваркобскаго Степана, чтобъ ему чорній свой допросъ, по дѣлу его за бѣглого Шереметового человѣка, исправить волно безъ принужденія. Обѣдалемъ въ дому; по обѣдѣ ездилемъ въ Сварковъ и пріехавши передъ вечоромъ, билъ у Паска и домой пріехалъ.

Середа. 5. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночъ хмарна, тиха, къ свѣту випогодилось. Сегодня обѣдалемъ въ дому, а по

обѣдѣ ходилъ до енерала, куда потомъ пріехалъ и гетманъ, и потомъ отехалъ, а между тимъ у шахмати игралъ.

Четвер. 6. День хмаренъ и дощеватъ, по полуднѣ престалъ дощъ и отчасти ясно было, ночъ тиха, свѣтла и тепла. Обѣдалъ я на Бѣлополовцѣ и повернулся оттоль назадъ, а тамъ Степану Воліоватому (Костенецкому) далъ рецептъ купить ессенцѣи liquor. . у Гданску. Да ему жъ Степану далъ я сребра вижеги полфунта и полтретя золотника, да 5 червонихъ, да написалъ ему меморіяликъ—зробить тамъ зъ того сребра 12 чарокъ срѣбнихъ и на образецъ чарку гетманскую дали ему, да купить млинокъ на кофе и водки алкермессовой, цитроновой и ганишковой, по 2 штофа. Принялъ я впервое отъ ꙁрека Іопия за вино 10 р. и 80 к., а онъ принялъ отъ Клима вина, двома рази, петерцѣненъ 78 квартъ по куплѣ, а фронтиніяку 18 квартъ, по 20 а. Манжулѣ далемъ до прежнихъ 4 рублей, еще 2 р., на сѣно въ Погаричахъ готуючееся, квартъ 40 гор., 2 четверти жита, крупъ, соли фунт. „ “, сала фунтъ, „ “, муки ґречневой. Тисячу довгого гвоздя купили до Сваркова, за 1 р. и 40 к.

Пятокъ. 7. День свѣтелъ и тепелъ и отчасти, сполднѣ, вѣтрянъ, ночъ свѣтла жъ, тепла и тиха. Купили три четверика жита и 1 осмуху по 5 коп. да 5 осмухъ такого, которого четверикъ по 3 р., платилъ я деньгами черезъ Вѣжевского, у старого пана позначеними. Поехалемъ отсюду на Дунаецъ, у пасѣку, где старой пчоли 265, въ томъ числѣ и молодіе, которіе поскидани на готовій воскъ, а молодихъ роевъ 188. Тамъ и ночовалемъ.

Субота. 8. День былъ хмаренъ и по полуднѣ дощеватъ, ночъ свѣтла почасти и почасти хмарна, тиха и тепловата. Сегодня рано поехалемъ зъ пасѣки и заездилъ до Сѣренщини (?), где косятъ, оттоль зъ Шрамкомъ, господаремъ, и Забарою ездили въ его пасѣку, въ которой старой пчоли 28, а молодой 20, оттуду до футора Колюжновского, черезъ Хлопковскую греблю, ехалъ 2 часа, часъ до Хлопкова, а часъ до футора, а зъ футора пріехалъ въ Сварковъ, где и обѣдалъ. Тутъ, въ Сварковѣ, зъ Григоріемъ Івановъ. Шрамкомъ сторжился я за пасѣку и лѣсовъ 2, и третій борокъ, надъ Есманню,

въ Вихторовскихъ грунтахъ, за 66 р. Березнячому визичилъ Климъ моихъ денегъ 3 р., якіе онъ отдалъ.

Неделя. 9. День былъ свѣтелъ холодноватъ, въ день дощикъ маленкій и до вечора почасти хмаренъ, ночъ свѣтла, тиха, холодновата. Рано у енерала былъ я и обѣдалъ, а по обѣдѣ позабавился доволно. У Глуховъ пріехалъ капитанъ пруского короля зъ маіоромъ Лѣвинимъ за великгданами [1]) и указъ отъ государинѣ и за подписаніемъ руки къ гетману привезлъ. На катаръ многіе зде Глуховѣ захоровали и я въ томъ числѣ, такъ, что сію болѣзнь за общую всѣмъ мощно сихъ дней причесть.

Понедел. 10. Новолуніе зъ полноч. 1-час. День былъ сперва тихъ и свѣтелъ, а потомъ, съ полудни, хмаренъ и дощеватъ; ночъ випогодилась, а особливо зъ полночи тиха. Рано былъ я на Бѣлополовцѣ, а обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ родитель зъ Кролевца, куда еще зъ Глухова, въ суботу, поехалъ, повернулся. Унѣверсалъ, по челобиттю моемъ, посланъ въ судъ о присилки дѣла подлинного со Лвовимъ для исправки екстракта. У вечеру ездилъ я на Бѣлополовку и поговоря и повидавшись зъ братомъ (Михайломъ Скоропадскимъ), повернулся у вечеру. Купили на торгу овса четвериковъ 4 зъ осмухою, по полу зол., итого дано за овесъ 5 р. 36 к. зъ денгою. Да купили жита осмухъ 7, ценою по 13 зол. четверикъ и потомъ дано 2 р. 28 к., да особливе жита купили 5 четвериковъ и 6 осмухъ по 2 р. и 50 к., итого далъ я за другое жито 6 червоних, а Вѣжевскій доплатилъ 30 а.

Вовтор. 11. День былъ сперва свѣтелъ, тепелъ и тихъ, зъ полдня по сторонамъ хмари и дощъ, и до вечора хмарно, ночъ первей хмарна, а потомъ випогодилась и до свѣта. Сегодня для катаржной болезни (т. е. отъ катарра) ездилъ рано, долго, около города, а пріехавши на Бѣлополовку, тутъ у гетмана и обѣдалъ. Посланникъ государевъ князь Щербатой, прошлого году въ Цареградъ посланний, повернулся теперъ зъ Цареграда, и пріехалъ въ Глуховъ. Поехалемъ по обѣдѣ зъ Глухова, для разбиття катару.

---

[1]) Т. е. за великорослыми людьми.

въ Тулиголови, а ехалемъ до Обложокъ 2 часа, а до Тулигол. зъ Обложекъ два жъ часа безъ четверти, и на Вербоватицѣ дожчъ мене началъ мочить и мочилъ ажъ до самихъ Тулиголовъ. Въ Тулиголовахъ, въ імбарѣ, застали куѳъ 10 гор. в одинадцятая неновна, въ пасѣцѣ старой пчоли 18, а роевъ 14, итого 34. Зъ Григоріемъ Тихимъ, шинкаремъ, постановили: заплатить ему объ Рождествѣ 14 р. зъ чимсь, за напитокъ, старостою и Вѣжевскимъ подаванний, на что онъ и облѣкъ далъ, а чоповихъ, зверхъ показанія старостиного, приняли по его записцѣ 40 а. Молодикамъ барма дана: Пѣщанскому, Вѣжевскому, Янѣшевскому и Петру, кухару, сукно лутшее, да Тарасу, Яремѣ, Юску—подлѣйшее, Алексѣю, возницѣ, тузѣнокъ, и всѣмъ имъ и кухару Ѳедору по рублю, а Демяну и Алексѣю Полуденскому не далъ для того, что тотъ виноватъ, а сей забралъ.

Середа. 12. День былъ зранку свѣтелъ, тихъ, по полуднѣ по сторопамъ хмара, а передъ вечеромъ дожчъ и громъ. Ночъ тиха, свѣтла и тепловата. Сегодня обѣдалисмо въ Тулиг., а по обѣдѣ поехали и ехали поузъ Щебри до Некрасова миль болше 2-хъ, а оттоль до футора, изъ футора до Сваркова, где и ночовалисмо.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій теплій, тихій, ночъ такова жъ. Сегодня рано, по службѣ Божой, зъ Сваркова поехавши, пріехали передъ обѣдомъ въ Глуховъ, где, на Бѣлополовцѣ, у гетманского стола обѣдалемъ. Тамъ же обѣдалъ князь Іванъ Андреевичъ Щербатой и Петръ Семеновичъ Аргамаковъ, секретаръ его, по возвращеніи ихъ зъ Константинополя, куда онъ, князь, посиланъ билъ черезвычайнимъ посланникомъ. И подпіяхомъ. Оттуду съ нимъ п. Михайло и я ездили до коменданта Кишкина, Мякинина, Топѣлского, Воейкова и до его заездили, и смеркомъ розехались.

Пятокъ. 14. День былъ светлій, теплій и отчасти вѣтряній, ночъ свѣтла, тепла, тиха. Зъ Тихономъ Болботомъ да зъ Федоромъ Антоновичемъ, значковими Чернѣговского полку товаришами, раздѣлался такъ: принялъ у ихъ облѣкъ, что декавр. 1-го сего жъ году, должни они неотмѣнно отдать 117 р., да Михайлу Гав-

риленку 6 р., а если тогда не отдадуть, то должни вдвое заплатить. По листовном прошенію двоюродной сестри моей Рубцевой, писалъ я до обозного полкового стар., просячи его о помоществованіе. Да имъ же Болботу, и Антоновичу, далъ я писмо до полковника чернѣговского, чтобъ имъ данъ судъ зъ ихъ должниковъ, проситедное.

Субота. 15. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ свѣтла, тепла, тиха. Рано былъ у енерала, а обѣднѣ слушалъ на Бѣлополовцѣ, обѣдалъ у себе зъ родителемъ, женою и дѣтьми; у вечеру ездилъ до Паска, поздравить его пріездомъ жени его. Жена моя зъ дѣтми поехала въ Роменъ.

Неделя. 16. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими, свѣтліе, тепліе, тихіе. Сегодня рано былъ я у генерала, обѣдалъ и до вечера просидѣлъ.

Понедел. 17. День и ночъ были сходніе зъ вчорайшими, свѣтліе, тепліе и тихіе. Рано ездилемъ въ пасѣку Уздицкую, где засталъ роевъ всѣхъ 235, а старихъ было 265, итого всѣхъ 520, да оттуду поехалъ въ пасѣку другую, Шрамковскую, где всей пчоли 64, старой 28, а молодой 36, а оттоль отехалемъ у футоръ Калюжновскій, где и ночовалъ, а ехалъ зъ Глухова до Семеновки полтора часа, отъ Семеновки до Уздицѣ часъ, оттоль до пасѣки 20 минутъ, да зъ пасѣки Уздицкой до Шрамковой болшъ часа, на прошки, отъ пасѣки Шрамковой до греблѣ Холопковской полчаса, оттоль до футора 3 четверти.

Вовтор. 18. День и ночъ были свѣтліе, тихіе и тепліе велми. Сегодня рано зъ футора Колюжновского поехалъ въ Сварковъ, а оттоль въ Глуховъ, где у судъ енер. заходилъ и переговаривалея со Лвовимъ, который, когда я объ мужику, шевцю сварковскомъ сталъ судей просить, сталъ переговаривать. Оттоль пріехавши, засталъ брата Марка, пріехавшого съ Куренѣ въ Глуховъ, и Железа, которій пріехалъ зъ Ромна зъ вѣдомостю, что сестрѣ моей Олесѣ дочъ Анна родилась. У вечеру билъ у мене повѣренний Шереметева и отойшолъ, обѣщавшись до Шереметева писать.

спорить и прекословить не буду и права себѣ къ тому не оставляю, во утвержденіе чего сіе право рукою моею подписую и печать герба моего прилагаю, при упрошенныхъ отъ меня самолично, нижеподписавшихся стороннихъ свидѣтеляхъ году, мѣсяча и числа вышеписанныхъ. Къ сему улитому праву руку и печать приложила маіора Ивана Лашкевича жена Настасіи Лашкевичева.

По персональному прошенію ея в. бл-дія Настасьи Петровны Лашкевичевой, къ сему улиточному праву во свидѣтельство, при печати, подписался кол. ас. Федоръ Сплевичъ.—По самоличному прошенію г-жи майорши Настасьи Петровны Лашкевичевой въ свидѣтельство на семъ улитомъ правѣ подписался и печать приложилъ тит. сов. Максимъ Яковлевъ.

Сіе улиточное право женѣ майора Ивана Степановича Лашкевича, Настасьѣ Петровнѣ г-жѣ Лашкевичевой, Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества, въ Стародубскомъ судѣ, при поданномъ отъ нея прошеніи персонально, 16-го числа сего іюля, сознато и въ книгу въ чистую сего суда подъ № 13, отъ слова до слова точностію вписано, и что оное дѣйствительно рукою ея, г-жи Лашкевичевой, при ея печати и руками, подписавшихся свидѣтелей, при ихъ печатяхъ, подписано и въ судѣ семъ персональчо сознато, въ томъ уѣздный Стародубскій судъ надлежащимъ подписомъ, съ приложеніемъ судовой печати, завѣряетъ, а затѣмъ и возвращено оное съ сею судовою подписью г. секундъ-маіору Ивану Степановичу Лашкевичу, 1790 года іюля 17.

Въ 1791 г., какъ видно, изъ слѣдующихъ документовъ, П. С. Милорадовичъ помирился съ тещею и ея братомъ Фридрикевичемъ и простилъ дочь. Повидимому, слѣдствіемъ этаго мира была уступка Настасьей Степановной Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, дѣтямъ ея дочерей Софіи и Федосьи, т. е. Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку.

---

40. Мировое прошеніе П. С. Милорадовича, Г. Г. Фридрикевича и Н. С. Полуботковой. 1791 г., октябрь.

1791 года, октября ‹ ›. Мы нижеподписавшіеся: съ одной стороны, уполномоченный отъ брата моего родного ген.-м. Петра Сте-

пановича Милорадовича ген.-пор. Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ, а съ другой, собственно за себя, ст. сов., Черниговскаго намѣстничества палаты гражданскяго суда предсѣдатель Григорій Фридрикевичъ и вдовствующая бунч. товарища жена Анастасія Полуботкова, симъ нашимъ мировымъ, согласно праву статутовому, розд. 4-го, арт. 25, постановленіемъ всякому суду и праву и всѣмъ, кому и гдѣ только вѣдать надлежитъ объявляемъ:

1) Ген.-м. Петръ Милорадовичъ взнеслъ въ уѣздный Городницкій судъ искъ съ насъ на Григорія Фридрикевича и Анастасію Полуботкову, вмѣняя, что будто по поводу нашему дочь его Настасья Милорадовичева Лашкевичева изъ дому съ насъ, Фридрикевича, въ селѣ Смячѣ состоящаго, съ нимъ, Милорадовичемъ, не поѣхала, и выводя для себя онъ, Милорадовичъ, отъ насъ въ томъ безчестіе и тяжкую обиду, сіе дѣло перешедъ—уѣздный Городницкій и верхній земскій Черниговскій суды,—дошло, по апелляціямъ, до палаты гражданскаго суда и нынѣ оно по препорученію его в. пр—ва, г. ген.-анш., сенатора, генералъ губернатора и разн. орд. кавалера Михайла Никитича Кречетникова, находится подъ разсмотреніемъ въ Кіевской гражданской палатѣ.

2) Сіе дѣло я, Андрей Милорадовичъ, по уполномочію брата моего Петра Степановича—оставляю, уничтожаю и предаю вѣчному забвенію, равнымъ образомъ и мы, отвѣтчики, Фридеркевичъ и Полуботкова, взаимно и отъ себя оное дѣло оставляемъ, уничтожаемъ и предаемъ его вѣчному забвенію, обязываясь, какъ съ одной такъ и съ другой стороны, ни въ какія по оному дѣлу претензія и требованія не входить и не отзываться.

3) Напослѣдокъ, всѣ мы нижеподписавшіеся совокупно просимъ всѣ тѣ правительства и судебныя мѣста, до коихъ сіе дѣло доходило, дабы уже объ немъ и самое на предбудущіи времена вспоминаніе загладить, вынуть изъ дѣла всѣ бумаги отъ обѣихъ стороoъ по сему предмету подаванныя, а журналы и опредѣленія, коихъ по причинѣ оправки оныхъ въ книгахъ, вынуть невозможно, уничтожить и умо-рить отмѣтками въ правѣ статутовомъ, розд. 7-го, въ арт. 6, въ параграф. 3 узаконенными, все вышеписанное утверждаемъ мы собственоручными нашими и свидѣтельскими подписями, съ приложеніемъ печатей. *(Съ черновика)*.

41. Прошеніе П. С. Милорадовича въ сенатъ о прекращеніи дѣла, возникшаго по жалобѣ на засѣдателей Сосницкаго уѣзднаго суда. 1791 г.

Приноситъ прощеніе генералъ маіоръ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

(По титулѣ). Огорченъ будучи дочерью моею, съ женою моею Софіею Семеновою, урожденною Полуботковою, спложенною, Анастасіею Милорадовичевою, за выходъ ея въ замужіе безъ моего вѣдома за сек.-маіора Лашкевича, учинилъ было изреченіе оной дочери моей черезъ поданное Черниговской губерніи въ уѣздный Городницкій судъ прошеніе 1789 г., августа 9 дня, а въ Новгородское-сѣверское намѣстническое правленіе, того же году, сентября 3-го, жаловался я на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за то, что они на таковое супружество дали дочери моей позволеніе, по которой жалобѣ дѣло перешедъ въ верхній земскій Новгородскій-сѣверскій судъ и тамошнюю палату гражданскаго суда, напослѣдокъ дошло въ правительствующій сенатъ, по апелляціи уже дочери моей, гдѣ и нынѣ подъ разсмотрѣніемъ находится.

Но какъ я нынѣ, преклонясь жалостію и милосердіемъ къ дочери моей и еа мужу, а моему зятю, въ той нанесенной мнѣ досадѣ, отчески ихъ простилъ, возвратилъ имъ званіе моихъ дѣтей, позволилъ ей, дочери моей, учинить съ братомъ ея малороссійскимъ почтъ-директоромъ надв. сов. Григоріемъ Милорадовичемъ раздѣлъ въ материнскомъ ихъ имѣніи, благословилъ ихъ бракъ и принялъ ихъ въ совершенную родительскую милость, любовь и благопризрѣніе; изреченіе жъ оное въ уѣздномъ Городницкомъ судѣ совсѣмъ уничтожилъ и изъ уничтоженія сего взялъ урядовую выпись, то посему уже слѣдуетъ уничтожить и предать вѣчному забвенію и оное въ правительствующимъ сенатѣ дѣло, равно къ уѣзднымъ Сосницкаго суда засѣдателямъ и никакого уже дѣла имѣть не долженъ.

И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе и прилагаемую съ уничтоженія моего изреченія выпись уѣзднаго Городницкаго суда принять, записать, а оное въ правительствующемъ сенатѣ, 3-го департамента подъ разсмотрѣніемъ находящееся дѣло, по жалобѣ на засѣдателей уѣзднаго Сосницкаго суда за позволеніе, данное ими выйдти моей дочери въ замужье оставить безъ разсмотрѣнія прошенія и предать его вѣчному забвонію. *(Съ черновика)*.

42. Уступочная запись Н. С. Полуботковой своихъ имѣній ея внукамъ, Г. П. Милорадовичу, Н. П. Лашкевичевой и Н. М. Стороженку. 1791 г., 16 октября.

По указу ея императорскаго величества, изъ Черниговскаго уѣзднаго суда, дана сія выпись высококоблагородной г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, съ представленнаго въ сей судъ, 1792 года, февраля 23, при прошеніи отъ провинц. секр. Василія Триполскаго, по извѣренію онаго ея мужа Лашкевича и гг. малороссійскаго почтъ-директора и надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича и поручика Николая Михайловича Стороженка, уступнаго записа, совершеннаго Черниговскаго н—ства въ палатѣ гражданскаго суда и являваннаго въ уѣздномъ Сосницкомъ и Городницкомъ судахъ, даннаго имъ, г-мъ Милорадовичемъ, женѣ Лашкевича, Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичъ, и Стороженку, отъ бабки ихъ, вдовствующей бунч. тов. жены Анастасіи Степановны Полуботковой, на уступленіе ею имъ свое недвижимое имѣніе и люди Черниговскаго и Новгородсѣверскаго намѣстничествъ, въ уѣздахъ Черниговскомъ, Городницкомъ и Сосницкомъ, состоящее. которой уступной записи отъ слова до слова содержаніе таково:

1791 г., октября въ 16-й день. Умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жена Анастасія Степанова, дочь Полуботкова, въ родѣ своемъ непослѣдняя, я, Настасія , имѣя въ Черниговскомъ и Новгородско-сѣверскомъ намѣстничествахъ, уѣздовъ Городницкаго, Черниговскаго и Сосницкаго, въ владѣніи, моемъ доставшіеся мнѣ отъ упомянутаго мужа моего на правному вѣчному запису 1752 года, маія 8 дня данному, разныя недвижимыя имѣнія въ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ, съ принадлежащими къ нимъ землями, мельницами и разнаго званія угодіями съ крестьянами, которыхъ по послѣдней ревизіи состоитъ мужескаго пола 2537 душъ.

Приняла добровольное и отнюдь непринужденное намѣреніе, пользуясь свободою по правамъ малороссійскимъ, книги статутъ розд. I, въ арт. 1-мъ, и именномъ высочайшемъ; указѣ въ 3-й день маія 1783 года, изданномъ дворянству въ малороссійскихъ губерніяхъ предоставленномъ, оныя села, деревни, слободы и хутора съ крестьянами, со всѣми принадлежащими къ нимъ землями, лѣсами, мельницами и разнаго званія угодіями, наличными и кои впредъ законнымъ оаразомъ отысканы и присовокуплены быть могутъ, дать и за-

испать въ спокойне, вѣчное и наслѣдственное владѣніе внукамъ моимъ, дѣтямъ дочерей моихъ уже умершихъ, старшей жены ген.-м. Петра Степановича Милорадовича Софьи Семеновны Милорадовичевой, сыну малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу, дочери секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, меншой дочерѣ жены умершаго надв. сов. Михайла Михайловича Стороженка Феодосіи Семеновны Стороженкоиой, сыну лейбъ-кирасирскаго полка третьей бригады поручику Николаю Михайловичу Стороженку, по истинному моему къ нимъ, внукамъ, моимъ расположенію и любви, по нижеслѣдующему: *Первое*, внукамъ моимъ, старшей дочери Софіи Милорадовичевой дѣтямъ: сыну, малороссійскому почтъ-директору Григорію Петровичу Милорадовичу и дочерѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, Черниговскаго намѣстничестве и уѣзда онаго села: Жукотки, слободу Черничую, Полуботки, Халявинъ, деревни: Пѣвцы, Коты, Павловку, съ мельницею тамо имѣющеюся, Пески и Подгорное, съ сѣнными покосами, именуемыми Пчелскъ и подъ дубомъ, да Новгородско-Сѣверской губерніи, уѣзда Сосницкаго, село Савинки съ хуторомъ тамошнимъ, деревни: Тѣлное и Габриліовку и къ сей деревни Габриліовкѣ раздѣля пущу и всѣ земли, яко совмѣстныя и нераздѣльныя къ Габриліовкѣ съ Каруковкою, къ первой со всей окружности отдѣлить третую часть, а ко второй, т. е. къ Каруковкѣ, двѣ части, въ оной же окружности; всѣ сіи имѣнія со всѣми крестьянскими дворами, крестьянами обоего пола, мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, исключая отданныхъ мною въ даръ, изъ Жукотокъ, внуку моему Григорію Милорадовичу, двухъ—Печернаго и Федоренка, да изъ Павловки племяннику моему Силичу—удовъ умершаго Афанасія Слѣкара жену съ дѣтми и другую—Марфу Губову съ дѣтми, да сироту Евдокима Бирулю, равно и двоюродному брату моему г. Кондратьеву мальчика Ивана Коржа, со всѣми землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными, пущами, прудами, мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями и все къ нимъ принадлежащее и въ владѣніи моемъ находящееся, даю онымъ внукамъ моимъ, Милорадовичу и Лашкевичевой, въ вѣчное и потомственное, безповоротное ихъ владѣніе, къ раздѣлу между собою на равныя части. *Второе*. Внуку моему, меньшой дочери моей сыну лейбъ-кирасирскаго полка, 3-й бриг., поручику Николаю

Михайловичу Стороженку, Черниговскаго намѣстничества, уѣзда Городницкаго, село Новыя Боровичи, съ плотиною и всѣми мельницами на рѣкѣ Сновѣ состоящими, деревни: Старые Боровичи, Здряговку, х. Андруши, и въ городѣ Городни шинковой дворъ, да Черниговскаго уѣзда, слободу Мохнатинскую, с. Выбли и х. Уборковскій, Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества, уѣзда Сосницкаго, деревни: За-гребелкою слободу, Илькучу, Каруковку съ х. Каруковскимъ, къ которымъ изъ всей, яко неограниченной окружности, пущи и земель между Каруковскою и Габриліовскою, какъ выше сего, въ первомъ пунктѣ, сказано, за выдѣлкою третей части въ Габриліовкѣ присоединить двѣ части къ Каруковкѣ, все сіе имѣніе съ крестянскими дворами и крестьянами, изъ коихъ исключая отданныхъ въ даръ мною изъ Боровичъ, внучкѣ моей Анастасіи Лашкевичевой, Василія Кіенца, Кирилла Лисиченка, Федора Кислаго и Семена Сницаренка, обоего мужеска и женска, по послѣдней ревизіи за мною записанными, со всѣми землями пахатными, сѣнокосными, лѣсными, прудовыми мельницами и всякаго рода и званія въ вышепоименованныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ имѣющимися угодіями, отдавая въ вѣчное, потомственное и безповоротное владѣніе оному внуку моему Николаю Михайловичу Стороженку, препоручаю нынѣ же въ его полное владѣніе и собственное распоряженіе сіе только имѣніе, именно: село Вибли и хуторъ Уборковскій и слободу Мохнатинскую со всѣми крестьянами, землями пахотными, сѣнокосными, лѣсными и со всѣми имѣющимися въ тѣхъ селеніяхъ и къ онымъ принадлежащими угодіями, а прочее имѣніе выше сего прописанное, въ часть ему внуку моему Стороженку отъ меня отдаваемое, оставляю я по смерть мою въ единственномъ моемъ владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ, внукъ мой, Николай Стороженко по смерти моей все сіе имѣніе, какъ уже собственное свое, принять имѣетъ и онымъ владѣть и располагать по волѣ своей властенъ будетъ. *Третье*, всѣ крѣпости и бумаги, служащія на каждую часть отдаваемаго мною имѣнія внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, Настасьѣ Петровнѣ Лашкевичевой, имѣю вручить по совершеніи на оное имѣніе законной крѣпости, а принадлежащія на часть внука Николая Михайловича Стороженка дожны остаться при мнѣ состоящимся по смерть мою его имѣніемъ. *Четвертое*, движимое мое имѣніе, находящееся только въ части опредѣленной внуку моему Николаю Стороженку, оставляю въ полной моей свободѣ и власти, а по смерти моей остаться оному навсегда безъ раздѣла ему же, внуку моему, Стороженку.

Вышеписаное жъ все имѣніе стоитъ суммы сто тысячъ рублей, а на предъ сего оное отъ меня иному никому не продано и не заложено, и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено и ни за что не отписано; за крестьянъ же въ вышеписанныхъ селахъ, деревняхъ, слободахъ и хуторахъ по послѣдней ревизіи за мною записанныхъ, изъ сей уступки подушныя деньги и всякія государственныя подати платить онымъ внукамъ моимъ Григорію Петровичу Милорадовичу, сестрѣ его Анастасіи Петровнѣ Лашковичевой и Николаю Михайловичу Стороженку, каждому за свою часть, а мнѣ до того дѣла нѣтъ. Что же принадлежитъ до оставленныхъ мною при себѣ по смерть мою изъ части внука моего Николая Михайловича Стороженка крестьянъ, за оныхъ платежъ всякихъ податей производить должна я, а въ написаніи всей уступки сему имѣнію цѣны безъ утайки состоявшійся и публикованный изъ правительствующаго сената въ 1752 г., іюля въ 29 д., указъ при семъ объявленъ.

Къ оной уступкѣ подписались:

Къ сей уступки, по извѣренію сестры моей умершаго бунч. тов. Семена Яковлева сына Полуботка жены Анастасіи Степановны дочери Полуботковой, въ томъ, что она вышеписанное имѣніе свое внукамъ ея малороссійскому почтъ-директору надв. тов. Григорію Петровичу Милорадовичу, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Анастасіи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, и лейбъ-кирасирскаго полка поручику Николаю Михайловичу Стороженку отдала, руку приложилъ статскій совѣтникъ, предсѣдатель гражданской Черниговской палаты, Григорій Григорьевъ сынъ Фридрикевичъ.

У сей уступки свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ генералъ-поручикъ и Черниговскаго намѣстничества губернаторъ и кавалеръ Андрей Милорадовичъ. У сей уступки свидѣтелемъ.,. генералъ поручикъ Петръ Ѳедоровъ сынъ Талызинъ. У сей уступки... товарищъ правителя кол. сов. и кавалеръ Яковъ Леонтьевъ сынъ Бакуринскій. У сей уступки... ст. сов. и Черниговскаго уголовнаго суда палаты предсѣдатель Афанасій Филимоновъ сынъ Шафонскій. У сей уступки... верхняго земскаго суда предсѣдатель кол. сов. Якимъ Ивановъ сынъ Оболяниновъ. У сей уступки... надв. сов. Николай Антоновичъ Милорадовичъ. У сей уступки... кол. ас. Яковъ Петровъ сынъ Волватьевъ. У сей уступки... кол. асессоръ Василій Яковлевъ сынъ Дунинъ-Борковскій. У сей уступки... кол. ас. Дмитрій Михайловъ сынъ Енько. У сей уступки... маіоръ Григорій Яковлевъ сынъ Почека. У сей ус-

тупки... примеръ-маіоръ Иванъ Михайловъ сынъ Лисаневичъ. У сей уступки... тит. сов. Иванъ Григоровскій. У сей уступки... поручикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Геевскій. У сей уступки... кол. ас. Григорій Семеновъ сынъ Гуляницкій. У сей уступки... надв. сов. Степанъ Андреевъ сынъ Прежевскій. У сей уступки... кол. ас. Василій Леонтьевъ сынъ Булавкинъ. У сей уступки... тит. сов. Степанъ Григорьевъ Енько. У сей уступки... войсковой товарищъ Иванъ Андреевъ сынъ Шрамченко. У сей... кол. ас. Романъ Ивановъ сынъ Марковичъ. У сей... надв. сов. Иванъ Андреевъ сынъ Войцеховичъ. У сей... надв. сов. Василій Яковлевъ сынъ Тарновскій. У сей... кол. ас. Василій Ивановъ сынъ Чернышъ. У сей... надв. сов. Иванъ Енко. У сей... прапорщикъ Андрей Ивановъ сынъ Савичъ. Сію уступку писалъ кол. канцеляристъ Семенъ Козачинскій. Запрещенія нѣтъ. 1791 г., октября 16 дня. Совершить по указу. Секретарь Василій Оболонскій. 1791 г., октября 16.

Сія уступка Черниговскаго н—ства въ палатѣ Гражданскаго суда крѣпостныхъ дѣлъ писанная и въ книгу подлинникомъ записана. Пошлинъ 5000 р., отъ письма 100 р., отъ записки 20 коп. и на расходъ 25 р. 50½ коп., всего 5125 р. 70½ к. взято. Совершилъ надсмотрщикъ Черниговской гражданской палаты регистраторъ Михаилъ Лопатинъ. На оной уступкѣ учинены судовыя засвидѣтельствованія таковы: 1791 г., октября 25. Какъ сія уступка писана Черниговскаго намѣстничества и совершена крѣпостныхъ дѣлъ въ палатѣ гражданскаго суда, и въ книгу подъ № 14 записана, изъ показанной въ оной уступкѣ сто тысячъ рублей цѣны подлежащіе пошлины взнесены. Въ сей же уѣздный Сосницкій судъ, яко представленаа единственно для вписанія оной въ книгу крѣпостей по положенію съ означенныхъ въ той уступкѣ имѣній, яко то села Савинокъ съ х. Каруковскимъ и въ семъ уѣздѣ которые, какъ и по справкѣ оказалось, дѣйствительно такъ и состоятъ, то оная уступная запись за силой учиненнаго сего октября 24 опредѣленія съ представленіемъ въ прочемъ выполненіе объ оной обрядъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ подписаннаго тому мѣсту, въ которомъ она совершена въ крѣпостную сего суда книгу, на сей 1791 годъ заведеную, подъ № 14, вписана для вида изъ сею помѣтою въ сторону пріобрѣтателей имѣнія гг. почтъ-директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Лашкевича, женѣ Анастасіи Петровнѣ Милорадовичевнѣ Лашкевичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка возвращена. Оное подписали: Судья уѣздный, тит. сов. Алексѣй Павловскій.

Засѣдатель сек.-м. Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій. Въ докладѣ дѣлъ регистраторъ Семенъ Юзефовичъ. 1792 года, генваря 29, по сей крѣпости, въ силу полученнаго изъ гражданской Новгородско-Сѣверской палаты указа положенію, значилось въ ней имѣнія въ Сосницкомъ уѣздѣ. На основаніи высочайшаго учрежденія статьи 205, въ уѣздномъ Сосницкомъ судѣ къ судейскимъ дверямъ листъ выставленъ, потомъ въ правительствующій сенатъ, въ оба департамента и въ верхній судъ отрапортовано, для того и сія крѣпость въ сторону пріобрѣтателей возвращена. Судья Алексѣй Павловскій. Засѣдатель Павелъ Полторацкій. Засѣдатель Андрей Лисянскій

Сія вѣчистая крѣпость, написанная въ Черниговской палатѣ гражданскаго суда, въ Городницкій уѣздный судъ, по силѣ высочайшихъ о губерніяхъ учрежденій главы 15, статьи 205, для выполненія обряда по положенію значащагося въ ней имѣнія, въ семъ Городницкомъ уѣздѣ состоящаго, со стороны пріобрѣтателей онаго имѣнія, при прошеніи сего февраля 3 числа, была представлена и по опредѣленію сего суда оная крѣпость съ прошеніемъ и вѣрующіе два листа, приложенныи при ономъ, вписаны въ крѣпостную сего суда книгу на 1792 годъ заведенную, подъ № 1, на листахъ 1, 2, 3, 4, 5 и въ сторону пріобрѣтателей гг. почтъ директора надв. сов. Григорія Петровича Милорадовича, секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича жены, Анастасіи Петровны Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой и поручика Николая Михайловича Стороженка, повѣренному ихъ провинціальному секретарю Василію Трипольскому съ надлежащею помѣтою сія крѣпосcь возвращена, а въ силу выше писанной высочайшихъ учрежденій статьи 205, опредѣлено въ правительствующій сенатъ при рапортѣ, за скрѣпою секретарскою объявленіи послать, въ верхніи земскій судъ отрапортовать, для объявленія споровъ на двугодичное время прибить къ судейскимъ дверямъ листъ. 1792 г., февраля 5 дня. Судья Яковъ Лизогубъ. Засѣдатель Иванъ Лысенко. Секретарь Андрей Елинскій. Коллежскій канцеляристъ Антонъ Бороздна.

По учиненному въ уѣздномъ Черниговкомъ судѣ 1792 года, февраля 24, опредѣленію, вышеписанной уступкой запись въ книгу земскихъ крѣпостей подъ № 1 вписанъ, по силѣ высочайшихъ учрежденій главы 15, статьи 205, листъ къ судейскимъ уѣзднаго Черниговскаго суда дверямъ, касательно имѣній въ Черниговскомъ уѣздѣ положеніе имѣющимъ, два года прибить, тако-жъ въ правительствующій сенатъ и въ верхній земскій судъ, съ приложеніемъ объявленій,

отрапортовано, въ засвидѣтельствованіе чего и сія выпись г-жѣ секундъ-маіора Ивана Степановича Лашкевича женѣ Настасьи Петровнѣ Лашкевичевой, урожденной Милорадовичевой, изъ уѣзднаго Черниговскаго суда, за подписомъ присутствующихъ и при судовой печати, выдана, а таковыя же выписи и гг. малороссійскому почтъ-директору надв. сов. Григорію Петровичу Милорадовичу и поручику Николаю Михайловичу Стороженку, съ возвращеніемъ съ нихъ г. Милорадовичу и подлиннаго уступнаго записа, для поступленія за прошествіемъ двухъ лѣтъ по прописанной 205 статьи учрежденія. 1792 года, марта 3 дня. Судья Федоръ Якубинскій. Засѣдатель Павелъ Шуба. Засѣдатель Петръ Каменецкій. Секретарь кол. протокол. Иванъ Скорина.

Засимъ, слѣдуютъ письма И. С. Лашкевича къ женѣ, писанныя послѣ того, какъ онъ началъ въ Черниговскомъ уѣздномъ судѣ процессъ противъ П. С. Милорадовича и сына его Григорія Петровича за то, что они «удерживаютъ материстыя жены его недвижимыя имѣнія, принадлежащія ей въ равный подѣлъ съ бравомъ».

---

44. Душа жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасія Петровна! День се изходитъ третій по твоемъ отѣздѣ, ангелъ мой Настенька! которой меня влечетъ съ одной скуки въ другую наибольшую, кою долженствую преодолѣвать. Итакъ, я сегодня выѣжаю въ Новгородъ-Сѣверскъ, гдѣ, по крайнему несчастію, недѣлю предполагаю прожить, и въ сіе время весьма могу примѣтить, куда будетъ дѣло клонится, когда моя прозьба не успѣетъ, а отъ туда буду наискорѣе спѣшить въ твои дражайшіе, душечка моя, обятія, пристанище покоя моего, цѣлую тебя, жизнь мою, миліонъ разъ. Dememe, je benice mon aimable petite enfen. Не скучай же, маменька моя, вѣрь мнѣ, что ни минуты не медлю къ тебѣ летѣтъ! Будь, ангельчикъ мой, здорова и береги себѣ выпускать изъ памяти, что съ твоимъ здоровьемъ сопряжена моя жизнь; не забывай, душа души моей, твоего вѣрнѣйшаго друга и послушнаго вовѣкъ мужа Ивана Лашковича. Матушка вамъ кланяется. Улянѣ Семеновнѣ мой поклонъ и Григорію Гер. также. Наши въ Москву уже приехали и каково получилъ я письмо отъ Гаврила Г., оное посилаю въ достоверность

отцу протопопу и супругѣ его, которое имъ вручите. И вамъ братъ мой пишетъ изъ Москви его почтеніе, равно и Федотъ Гер. и Анна С. *(1789 г., 2 окт. Брахловъ).*

45. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, жизнь души моей Настасія Петровна! Сей день получилъ я твое письмо, которое меня привело въ великой восторгъ и причинило наивеличайшее удовольствіе въ душѣ моей. Но жаль мнѣ до крайности, что я не могу еще ничего сказать рѣшительного о моей здѣсь прескучнѣйшей жизни, ибо ничего не знаю, какъ наше дѣло пойдетъ, которое я уже началъ, а примѣчаю, что судьи на его глядятъ съ великимъ негодованіемъ и боятся оного, потому что оное противъ Милорадовича, то чтобъ того не было, что исправнику Городницкому, и жалѣютъ почему мы его не начали въ Городнѣ, но какой конецъ они мнѣ здѣлаютъ—повижу. Но сколько примѣтить я могу, съ разговоровъ ихъ, къ нашей сторонѣ нехорошо они расположены, и чтобы не довелось на ихъ жаловаться намѣстнику. Коровъ твоихъ проведено въ Жукотки, а тамошнюю отправлю въ Савинки, по твоему желанію; о ключникѣ, ко мнѣ писанному, не видѣвшисъ съ тобою, я ни слова не могу сказать. Жнива здѣшніи не слишкомъ хороши, по сказкамъ тутешнихъ стариковъ, противъ прежнихъ временъ. Теперь нажато, на гумно свожено въ Жукоткахъ 469 копъ, въ Полуботкахъ 170 копъ, итого всѣхъ 639 копъ. Ярь не вся сжата, но въ Полуботкахъ копа даетъ овса 6 четвериковъ и 4 гарца, но его мало весьма такъ хорошаго, только въ семъ селеніи, а въ Жукоткахъ пропалъ. Не думаю, чтобъ сее письмо застало васъ въ Боровичахъ, но какъ вы скоро ѣдете въ Карюковку, то надѣюсь, что будете и въ Савинкахъ. Развѣдай тамъ и въ Сосницѣ, почему можно купить четверть жита, и о семъ меня увѣдоми не въ продолжительномъ времени, а я бы къ тебѣ отсюда подослалъ мѣди 200 р. на покупку хлѣба, а ты, душа моя, постарайся и прикажи Гурію, чтобъ винокурня исправна была, чтобъ начать винокуреніе неотмѣнно съ 15-го сентября. Наконецъ, мисленно разцѣловавъ тебя сто тисячъ кратъ и предаясь въ вѣчную твою любовь и дружбу, остаюсь къ тебѣ наполненъ таковыми же чувствами, вашъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ *(1790 г., 7 авг. Черниговъ.)*

46. Любезнѣйшій другъ мой, душа души моей, ангелъ дражайшій Настенька! Спѣшу тебя увѣдомить, что я слава Богу уже въ судѣ управился и позовъ взялъ, теперь остается черезъ засѣдателя нижняго земскаго суда тотъ позовъ положить въ Криничномъ, а по-

тому я рѣшился для сего оставить тутъ повѣреннаго, какъ для сего случая, равно и другіе двѣ маленькіе выправки здѣлать, а самъ я положилъ отсюда выѣхать въ слѣдующій понедѣлникъ или во вторникъ къ вамъ, для того и отправляю сего нарочнаго во первыхъ, что онъ нездоровъ, а другое, чтобъ тебя увѣдомить о моемъ скоромъ къ тебѣ пріездѣ; сіе потому дѣлаю, чтобъ намъ не разѣхатся, какъ о томъ прежде ты, душечка, ко мнѣ писала. Теперъ уже не безпокойся, я къ тебѣ лечу. Намѣстникъ на сихъ днахъ сюда уже будетъ конечно, естъ о томъ вѣрнѣйшее извѣстіе, и для сего случая надобно домой спѣшить намъ. Я теперъ въ неизвѣстности, гдѣ вы, но моя мысль такова, когда сіе мое письмо получите въ Карюковкѣ, то остается въ вашей волѣ тамъ оставаться или пріѣхать въ Боровичи, какъ бабушкѣ угодно, но я прошу покорно увѣдомитъ меня, гдѣ мнѣ васъ искатъ и чтобъ ясное увѣдомленіе въ Боровичахъ засталъ, ибо я буду можетъ почтою. Буду къ вамъ зъ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) въ понедѣлникъ на ночъ или во вторникъ на обѣдъ или на ночъ, такъ я думаю, что когда застану васъ въ Карюковкѣ, то оттуда поѣдемъ въ Савинки, а изъ Савинокъ въ Брахловъ. Сегодня я ѣду въ Жукотки, а завтра сюда возвращусъ, кое што тамъ учредивши. Надобно мнѣ и о семъ тебя увѣдомитъ, что по взятіи позва, Григорій Петровичъ и я всякой день видимся и идутъ прежаркіе переговоры о дѣлѣ и раздѣлкѣ, и положили было (на?) сторонихъ посредниковъ, онъ—Бакуринскаго, а я—дѣдушку Григорія Григріевича; они между собою не видались, потому не можемъ сами съ собою ни до чего рѣшительно доитить ибо какъ только слово о раздѣлѣ, то вдругъ и возметъ кашлять и показуетъ мнѣ, что у его кровъ будто изъ горла идетъ, но какъ есть изъ зубовъ; я его здоровья жалѣвши, перестаю говорить. Такъ суди, другъ мой, какъ можно съ такимъ человѣкомъ выиграть терпѣніемъ. Однакъ я былъ съ нимъ у г. Бакуринскаго, а онъ со мною у дѣдушки, гдѣ кажется довольно ему дѣдушка уличалъ о всѣхъ его несправедливостяхъ къ нашей обидѣ. Бога ради, извини меня передъ бабушкой, что не могу теперь ничего къ ней писать, а засвидѣтельствуй мое нижайшее почтеніе и поцѣлуй бабушку за меня дражайшіе ея руки матерные. Възаключеніе, цѣлую тебя, друга моего найдрагоцѣннѣйшаго, сто тысячъ кратъ и горю желаніемъ наискорѣе съ тобою видѣтся. Прощай, душа моя, до свиданья, имѣя въ памяти твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Здѣсъ въ домѣ такъ много больнихъ обложною болѣзнью, что дѣйствительно надобно утѣкать да

и во всемъ городѣ безъ изятія. На сихъ дняхъ жена Долинскаго родила дочь, коя во святомъ крещеніи наречена Пелагія. *(1790 г., 10 авг. Черниговъ.)*

47. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька! душа жизни моей. Въ господствующей здѣсь скукѣ и трудахъ, до крайности мнѣ пріятно было получа твое дражайшее письмо. Я съ мой стороны наготовилъ уже человѣка къ тебѣ и завтра отправлю съ увѣдомленіемъ, что у насъ сегодня будетъ въ судѣ съ Григоріемъ Петровичемъ. Я конечно приемлю съ удовольствіемъ твое обо мнѣ сѣтованіе, но съ другой стороны жестоко мнѣ тебя жаль, что напрасно, душечка, смущаеся. Божусь тебѣ, что я совсѣмъ здоровъ и воздухъ здешній) мнѣ поблагопріятствовалъ. Четужи, жизнь моя, обо мнѣ, а инако ты мнѣ новую болѣзнь причинишъ. Письмо къ матушкѣ здѣсь влагаю незапечатаннимъ, но въ конвертѣ и за моею надписью, въ которомъ когда хочешъ припишешъ, а когда не захочешъ въ ономъ приписивать, то запечатай моею именною печаткою и отправъ; да не худо и тебѣ, ангелъ мой, что нибудь къ матушкѣ написать. Боюсъ я когда бъ вы въ Карюковкѣ не замѣшкались. Алексашеньку поцѣлуй за меня и когда ѣхать будете въ Карюковку, Уляну Семеновну проси и отъ себя и отъ меня о соблюденіи дитяти, и Боже сохрани Санечкѣ здѣлается что худое, то развѣ вѣкъ не видатся, да чтобъ ея баба хлѣбомъ жеваннимъ не кормила. Когда застанешъ въ Савинкахъ уже бочку горѣлки, то присилай пожалуй въ Жукотки съ надежнимъ приставомъ, здѣлавши выпалки [1]), и вели Гурію, чтобъ обстоятельно написалъ какой доброты и сколько вѣдеръ. Въ Жукоткахъ остается полтори бочки самой той лутчей, то можно будетъ, когда привезенная будетъ недобротна, то здѣшнею подправится, а въ Жукоткахъ такъ управился, что и горѣлка вся скоро выйдетъ и денегъ въ недоимкѣ болѣе 100 р., которая когда не будетъ взискана, то мы будемъ въ накладѣ. Полсервиза куплено за 12 р., въ цѣлости довезенъ до Жукотокъ. Наконецъ цѣлую тебя мисленно тисяча тисячъ разъ, желаю тебѣ найлутчего здравія, остаюсь твой вѣрнѣйшелюбящій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. М. г-ню бабушку цѣлуй за меня ручки. *(1790 г., 1 окт. Черниговъ.*

48. Душа моя Настенька, вѣрнѣйшій и любезнѣйшій другъ! Неожидаемо скоро получилъ я отъ тебя, ангелъ, увѣдомленіе, кое со-

---

[1]) Т. е. измѣривъ крѣпость водки посредствомъ ея горѣнія; чѣмъ больше останется послѣ горѣнія, воды, тѣмъ водка окажется хуже.

вершено привело въ крайнѣйшее восхищеніе духъ мой. Благодарю Бога, что ты и Саша здоровы, и дай Господь непреривно намъ симъ наслаждатся. Душечка, когда ваша дорога въ Карюковку и въ Савинки подъ сумнѣніемъ, то Бога ради посилай нарочного въ Савинки и напиши приказъ къ Гурію, чтобъ присилалъ немедленно въ Жукотки бочку горѣлки съ надежнимъ приставомъ и чтобъ здѣлалъ выпалку, о всемъ чтобы писалъ къ Грозенку, и сколько будетъ въ бочкѣ вѣдеръ. Вчерась я видѣлся въ домѣ Якова Леотьевича Бакуринского съ нашимъ любезнимъ дядюшкомъ Иваномъ Степановичемъ и я сколько можно старался вѣжливо ему себа редомендоватся и просилъ его любвы и милости, но онъ мнѣ ни одного слова на сіе не отвѣчалъ, а потомъ мы повели стороннуюматерію. Сколько времени я долженъ буду тутъ пробыть и самъ не знаю, а скажу тебѣ, жизнь моя, что сегодня иду на горесть въ судъ противъ батюшки и братца почтеннѣйшихъ, которые въ свое оправданіе говорятъ, ни Бога не боясь, ни совѣсти и публики не стидясь, имѣютъ помощниковъ плутовъ дюжину, а мы съ тобою, за наши деньги, не можемъ имѣтъ и одного человѣка. Посуди, душа моя, какой совѣсти Яковлевъ, взявши жалованье и прогоны и нѣту его! Вотъ сколь мы несчастливы. Я не понимаю, чтобъ съ меня было, когда бъ Марковичъ Романъ Ивановичъ не обѣщался, по дѣдушкиной прозьбѣ и моей, пособлять намъ; да то бѣда, что много разъ бывъ напуганъ отъ мошенниковъ, иногда уже сумнюсь и чесному человѣку вѣрить и не смѣю, а больше всѣхъ на Господа положилъ надежду. Въ Нѣжинъ пошла подвода и все по твоему, душечка, приказанію исполненно, выключая лену въ Вересожъ, куда также при оказіи въ Жукотки, велю къ себѣ Печерному явится и отправлю его. Хвалюсь тебѣ, что съ самого моего пріезду ни разу не ужиналъ. Слухъ промчался, что братъ нашъ Галаганъ [1]) сговорилъ Марію Андреевну и что Андрей Степановичъ, ѣдучи изъ Вороньковъ съ Маріею А., были у его въ Сѣкеренцахъ. Посилаю Санечкѣ моей разнихъ сортовъ игрушковъ и желаю, чтобъ оны ея тѣшили, только ради Христа береги, чтобъ она себѣ глаза не спортила. Больше времени не имѣю говорить и любоватся на бумагѣ съ тобою, какъ бы мнѣ сіе не пріятно было; спѣшу и ѣду въ судъ, сегодня мы

---

[1]) Григорій Ивановичъ, родной племянникъ матери И. С. Лашкевича Прасковьи Григорьевны, рожд. Галаганъ. Марья Андреевна—дочь Андрея Степановича Милорадовича. Упоминаемый здѣсь „сговоръ“ однакожъ не состоялся, такъ какъ Гр. Ив. былъ женатъ на Иринѣ Антоновнѣ Милорадовичъ.

будемъ съ нашими благодѣтелями документами размѣнѣватся; при первой оказіи увѣдомлю тебя, смотря по обстоятельствахъ, когда тебѣ, жизніоночекъ мой, приездить въ Жукотки; я безъ тебя до смерти скучилъ, когда бъ только Богъ далъ, чтобъ вы скорѣе изъ Карюковки воротились. Цѣлую тебя тисячу кратъ, обладательницу души моей, а ты отъ меня дочку поцѣлуй въ щечку и имѣй въ непреложной любвѣ и памяти твоего во вѣкъ вѣрнѣйшего мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Любезный нашъ братецъ Григорій Петровичъ изъ Любецкаго владѣнія послалъ вчерась въ деревни жени своей двѣстѣ подводъ за овсомъ; были такіе мужики изъ посилаемыхъ, что давали ему здѣсъ по 5 чвертокъ овса, чтобъ только не ѣхатъ, видя свою гибель, но таковыхъ выталкать онъ велѣлъ. (*1790 г., 7 окт. Черниговъ.*)

49. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, ангелъ жизни моей Настенька! Разставшись съ тобою, приехалъ я сюда на день св. Николая, въ 3-мъ часу по полудны, не притерпѣвъ въ дорогѣ черезъвычайной нужды, кромѣ той, что въ 20 верстахъ отъ Боровичъ колесо кибитки Томариной въпрахъ разсыпалось, а за пріѣздомъ моимъ сюда, спина моя не хотѣла мнѣ служить, не давъ о себѣ почувствовать черезъ сутки, сколько она оскорблена отъ дурной дороги, но послѣ того и теперь, по сіе время, благодаря провидѣнія, я такъ здоровъ, что подобнаго здоровья тебѣ, душа моя, и Сашенькѣ желаю! Засталъ я здѣсь дѣло внѣ всякой опасности, но какъ уже подписанъ нашимъ повѣреннимъ экстрактъ, то потому и захотѣлось заглянутъ въ дѣло мнѣ самому окомъ хозяина, а не наемника, помня тую пословицу, *что наемникъ, яко наемникъ*, и перебырая оное по листамъ, какъ уже извѣстную мнѣ матерію, удивился наижесточайше, что не нашелъ я двухъ документовъ отъ стороны батюшки и братца любезнѣйшего, мнѣ на судѣ данныхъ, при размѣнѣ крѣпостей; таково бездѣлство мнѣ не понравилось, то я тотъчасъ суду о такой фальшѣ опротестовалъ, а между тѣмъ, какъ я имѣлъ изъ суда мнѣ данныхъ два документа за скрѣпою секретаря, подобные украденнымъ, то я въ точности при челобытной и представивъ, просючи, чтобъ сняти были съ оныхъ копіи и сообщены къ дѣлу, а подленные возвращени бы были мнѣ обратно, но еще на сіе резолюціи нѣту. Ты же, ангелъ мой, о семъ ничего не думай, Богъ намъ помощникъ. Всякой день я въ судъ таскаюсъ и прошу неотступно о рѣшеніи дѣла и мнѣ обѣщенно, что завтре будетъ обявлено рѣшеніе, но я на обѣщаніе недовѣрчивъ, пока не увижу того своими глазамы; но

со всего примѣчаю, что насъ хотятъ обидить судящіе и сего удара силъ моихъ нѣтъ отвратить, щадя человѣколюбіе, потому что чуть присудствующіе не приклонились бы къ сторонѣ неправотѣ, во угодность нашимъ благодѣтелямъ, то развѣ имъ и на свѣтѣ не быть, не только чтобъ при сихъ выборахъ остатся судящими, чего крайне имъ хочется. И такъ *не надѣйтеся на князи, ни на сини человѣчестые, въ нихъ же нѣтъ спасенія*, а потому *всуе бысть страхъ, аще не Господь сохранитъ градъ*. Теперъ скажу на твое въ отвѣтъ любезнѣйшее письмо, жизнь души моей Настенька! О говоренномъ тобою котлѣ съ Уляною С., оной намъ ненуженъ, посему что и безъ оного на имѣющіеся теперъ въ Савинкахъ будемъ имѣть всякіе сутки 10 вѣдеръ, а потому купивши еще казанъ, спалимъ его попустому, когда средство есть и безъ его обойтись, а изъ того могъ бы быть лишній убытокъ. Касательно договоренныхъ тебѣ грекомъ свиней, я жду Грозенка сегодня и пошлю его скупать тамъ для Савинокъ 20. Ты же, сердце мое, поудержися и не скупляй свиней въ Боровичахъ, покуда я тебя увѣдомлю, какая здѣсъ будетъ удача, и о семъ скажи Алексѣю, бояриму, чтобъ по тѣхъ поръ и онъ не куплялъ и не присковалъ. Курей по твоей волѣ запретилъ уже выбирать. О пряжѣ не упущу приказать, какъ ты писала ко мнѣ. Какъ скоро дорога будетъ, то пришлется Улянѣ Семеновнѣ по чверткѣ гороху и ячменю. Какъ скоро дѣло рѣшится, то я тебѣ, свѣтикъ мой, нарочнимъ бояриномъ дамъ знать, равно и о томъ, какъ скоро буду къ вамъ, а теперъ въ мисляхъ цалую тебя миліонъ разъ, поруча тебя, душу мою, промыслу и любезную мою Санечку. Будьте здоровы.., слава и горящая любовь, ангелъ жизни моей Настенька, обожающаго навѣкъ тебя друга, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго мужа Ив. Лашкевича. Мил. г-ню бабушку и мил. г-ню Софію Васильевну (?), бабушку же поцѣлуй за меня въ ручки по 10 разъ. Сестрицѣ Аннѣ Артемовнѣ кланяюсь усердно. (*1790 г. 12 дек. Черниговъ.*)

50. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Отвѣтъ на мое письмо къ тебѣ писанное, я получилъ и при ономъ письма Рубца и брата, тамъ же и копію рѣшенію верхнего земскаго суда [1]), которое въ нашу пользу здѣланно но, думаю, что недешево оно намъ будетъ стоятъ; жаль что о томъ насъ не увѣдомили. Что же ты, ангелъ мой, спрашиваешь у меня, что значитъ, что два члена остались при ихъ мнѣніяхъ, то въ семъ

[1]) См. выше, № 36, стр. 99.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LI, 1895 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й

ОТДѢЛЪ II-й.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.